

НИЗНИЙ ЗАКАТОВСКИЙ ЦИРК

В. ПЕРТЕЛЕС

НИЗАМИ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Annotation

Автор на основе анализа текстов поэм рассказывает о жизни и творчестве великого поэта 12 века, классика восточной литературы Низами Гянджеви.

- [Е. Бертельс](#)
- [ВЕЛИКИЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЭТ](#)
- [ВВЕДЕНИЕ](#)
- [1. Черный дворец](#)
- [2. Желтый дворец](#)
- [3. Зеленый дворец](#)
- [4. Красный дворец](#)
- [5. Голубой \(синий\) дворец](#)
- [6. Сандаловый дворец](#)
- [7. Белый дворец](#)
- [1. Переводы Низами на русский язык](#)
- [«ХОСРОВ И ШИРИН»](#)
- [«ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН»](#)
- [«СЕМЬ КРАСАВИЦ»](#)
- [«ИСКЕНДЕР-НАМЭ»](#)
- [ПЕРЕВОДЫ ВСЕХ ПОЭМ](#)
- [ЛИРИКА](#)
- [II. Литература о Низами на русском языке](#)
- [III. Издания текста](#)
- [IV. Переводы на иностранные языки](#)
- [V. Литература о Низами на иностранных языках](#)
- [ОБЩИЕ ТРУДЫ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)

- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)

- [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
 - [101](#)
-

Е. Бертельс

НИЗАМИ

Издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
1947

ВЕЛИКИЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЭТ

Имя великого азербайджанского поэта Низами, его великолепный талант близки и дороги не только азербайджанскому народу, но всем народам Советского Союза, всему прогрессивному человечеству.

Великий азербайджанский поэт жил в двенадцатом веке. Историки свидетельствуют, что в те времена в Азербайджане были развиты ремесла и искусства, росла торговля, строились большие и красивые здания в Баку, Шемахе, Гяндже, Байлакане, Берда'а. Было много умелых ткачей, ковроделов, мастеров, изготавливавших оружие и драгоценные предметы для украшения парадных одежд. Появились замечательные поэты. Иные из них жили при дворе тогдашнего правителя Азербайджана, пользуясь дарами самого владыки и его вельмож, дарами, за которые нужно было платить льстивыми стихами, восхваляющими жестоких угнетателей трудового народа.

Низами избрал жизнь совсем другого рода. Он жил вместе с народом, избрав своим оружием поэтическое слово.

Но в битве - победнее стяга оно.

И лучший боец, чем бумага, оно.

...Глашатаю слова открыты пути.

Где слову есть доступ, ноге не пройти.

...Без сердца - ты в нем не поймешь ничего,

Объяснение его - многословней его.

Доколь оно есть, ему честь меж людьми.

Да быть ему свежим в устах Низами!

Свои поэмы Низами направляет в адреса высоких меценатов, но сам отказывается от золотой клетки. Он живет в родном городе Гяндже. живет скромно, почти как дервиш. Нужда часто стоит у дверей его дома. Высокие ценители поэзии не очень-то расщедрятся, прочитав вызывающие стихи об их тиранствах и угнетении народа.

До нас не дошли подробности жизни Низами, но по отрывочным фактам мы можем представить себе этого сурового, неподкупного мыслителя, который выше на голову любого выдающегося своего современника. Он бросал вызов времени и победил его.

Он женится на рабыне, присланной в подарок, - это был вызов

обществу. Рабыня в те времена - бесправное существо, которое само не может рассчитывать на счастье, разве что хозяин будет к ней милостив. Но Низами называет Афак своей женой перед всеми, вводит ее в свой дом и, больше того, пишет с нее портрет, дает ей в своем мире образов бессмертие, которого не дождались от него меценаты с мешками золота.

Поэта не могли купить или развратить роскошью дворцов. Ковры истлели в султанских дворцах, дворцы стали развалинами, сокровища исчезли в разных странах, а миру остались стихи, бессмертные сокровища человеческого гения.

И вот, спустя восемь столетий, мы берем его книги, его поэмы и входим в мир, насыщенный предельной силой глубочайшего творческого напряжения. Он прошел путь, как по гигантской лестнице, только вперед, только выше. Его вели беспримерная доблесть мастера, упорное стремление к великой жизни.

Вот она, его бессмертная «Хамсэ», что значит «Пятерица», - пять незабываемых человечеством поэм.

Мы раскрываем его «Сокровищницу тайн». Перед нами встают картины несправедливости и жестокости. С огромной силой отобразил он страдания простых угнетенных людей. Мы видим честных маленьких тружеников, которых спас от забвения великий поэт, увидевший в них гордость и силу души перед угрозами тиранов, для которых человеческая жизнь ничего не значила.

Мы, увлекаясь, следим за судьбой героев поэмы «Хосров и Ширин». Необыкновенные Хосров и Ширин даны, как обыкновенные в условиях своего времени. Исполинская фигура строителя Ферхада - один из величайших мировых образов. Это первый памятник человеку-творцу, новатору, искателю истины. В свете величественной любви Ферхада меркнет красота Ширин, как меркли перед ней драгоценные камни, брошенные им к ее ногам. Так велики сила и красота его творческого подвига.

Ферхад рушит скалы ради любви, останься он в живых - он разрушил бы ветхий мир, но его создатель - поэт, сам сын своего времени, и пределы его возможностей ограничены. Ферхад гибнет, и за ним погибают Хосров и Ширин.

И Низами устремляется к другим героям, которые взрывают порядок, ограниченный жестоким законом. Он создает поэму великой любви «Лейли и Меджнун». Для Лейли и Меджнун жизнь есть бесконечная ночь несчастья. Но они светятся в этой тьме, как рассекающие черное южное небо кометы, чей блеск до сих пор слепит глаза. Жизнь разделила их

внешними событиями, но события их душевного мира заставляют содрогаться даже тех, кто подходит к ним с угрозами и попытками превратить их в обыкновенных смертных, смилившихся перед жестокой правдой жизни того времени. Они не смиряются, как не смирился Низами, продолжая искать дорогу к счастью для брошенного в бедствия человечества.

Еще выше подымается Низами по лестнице совершенствования, и новые горизонты открываются перед ним. Четвертая поэма его называется «Семь красавиц». Миражи жизни проходят в ней перед шахом Бехрамом. Он живет в мире фантастических образов, в семи дворцах, где текут рассказы о всем смешном и великом, о всем чудовищном и нежном, о всем добром и злом, где краски мешаются от белой до черной, где богатства всех видов предлагаются в пестрой веренице так, что можно потерять разницу между сказкой и жизнью, между сном и явью.

Низами не был бы верен себе, если бы он только соблазнился возможностью написать красивую сказку о красотах семи девиц и о том волшебстве, какое несут их чары. Нет, Низами был ученым, философом и гуманистом, передававшим всей образностью поэтического вдохновения самые сокровенные свои мысли. Низами вынимает из золоченых оболочек все возможности человеческого счастья, все соблазны, удачи и случайности, и снова оказывается, что простой пастух мудрее своего повелителя, а шах Бехрам не понимает великих задач, стоящих перед ним, как перед человеком, судьбой поставленным во главе народа.

Низами видит сквозь мрак своего времени далеко вперед, но горечь своего познания он пьет, как человек, припавший к ручью, до которого он дошел долгим путем, и ручей оказался горько-соленым.

И тогда остается мечта о будущем. Так возникает пятая великая поэма - «Искендер-намэ», поэма героя, мудреца, воина, искателя, неутомимого в своих поисках. Где же оно, счастливое, свободное, просвещенное человечество? Оно сияет там, впереди. Чтобы дойти туда, не хватит никакой человеческой жизни. Туда лежит путь лучших, туда может лететь только мечта. Но солнце этого будущего когда-нибудь осветит новое, лучшее, человеческое общество, о котором даже мечта - безумная смелость.

Известно, что Низами писал свои поэмы на персидском языке. Этот факт был не раз использован врагами азербайджанского народа, буржуазными историками, иранскими националистами, чтобы провозгласить Низами иранским поэтом, будто бы не имевшим ничего общего с его родиной - Азербайджаном.

Но это наглая ложь никого не обманет. Персидский язык в те времена

имел на Востоке такое же значение, как латынь в Европе. Одновременно повсюду писали и по-арабски.

Родившийся в Азербайджане, в Гандже на родной почве развивший свой талант, питавшийся истоками народных сказаний, передававший характер народных героев, Низами всей жизнью и всем своим творчеством неразрывно связан с азербайджанским народом.

Он никогда не сомневался в его силе, в его великой правде, в его высоком назначении. Он жил гордо и честно. Его заповедь поэта была проникнута глубокой верой и правдивостью. Он писал:

Не отстраняйся от великих дел.
Настрой свой саз на благородный лад.
Кто спорит с жизнью, тем она далась.
Кто с поднятой проходит головой,
Тот человек бывалый, боевой.
Как зеркало, верна душа его,
Не отражает криво ничего.
А тот, кто чужд народу своему, -
Как бы закутал лживый лоб в чалму.

Он знал, что не жестокий палач двигает миром, что гуманный и стойкий боец всегда сильнее грубого деспота, что глубочайшая мудрость, как солнце, разгоняет тьму насилия.

Он любил свою родину горячее, признательной любовью. В его пейзажах Азербайджана эта синь небес, эти горы и леса выписаны тщательной, сильной, живописной кистью. Его негодующие строки против жестокости царской и сатрапской, его любовь к народу показывают нам всю силу его глубоко чувствовавшей души и ярость протеста против слепого и грубого насилия над слабыми и угнетенными.

Поэт не боится вынести приговор той силе, которая держала в своих руках жизнь и существование народа и самого поэта. Словами старика, приговоренного к смертной казни, словами, полными презрения, клеймит он в «Сокровищнице тайн» кровавого деспота-царя:

Перед старым и малым не зная стыда,
Ты грабишь деревни, сосешь города.
Я тот, кто пороки твои подсчитал,
В дурном и благом тебе зеркалом стал.
Ты в нем отразился таким, каков есть, -
Разбить это зеркало - малая честь!
Правдив я, пойми правоту моих слов!

А хочешь повесить - як смерти готов.

Когда Низами говорил о своей свободе и независимости, он подчеркивал, что они - продукт его труда, что он никому не протягивал руки за подачкой. Низами - патриот и гуманист, поэт большого дыхания, и его творчество было великолепным вкладом азербайджанского народа с сокровищницу мировой культуры.

Творчество Низами бессмертно. Его стихи идут, как караваны, во все страны света.

Они пришли и к нам, в нашу великую социалистическую эпоху. Мы видим, как человек у Низами вырастает в Человека с большой буквы, как его жизнелюбие сливается с нашим. Но, чтобы понять его глубже, надо подняться к вершинам его замыслов, Стоит только мысленно прикинуть, какие из поэм хотя бы прошлого века пройдут так свой восьмивековой путь, как пришли поэмы Низами. Тогда нам станет яснее его поэтический подвиг: его умение обращаться с грандиозными замыслами, претворенными в произведения так сильно и так широко, его изображение высоких страстей, романтическая сила их, богатейшее умение видеть большую жизнь, создавать благородные, героические характеры, умение смотреть вперед, в грядущие столетия.

Низами был признан тонкими знатоками поэзии восемь веков назад. Сегодня он читается в школах, изучается в университетах, у него - миллионы читателей. Сегодня мы видим новый Азербайджан, преображенный советскими людьми, большевиками. Мы видим мастера Минге-чаура и Казан-мулаха, не уступающих Ферхаду, и девушек Дашкесана и Сумгаита, не уступающих по красоте Ширин, которые являются гордостью азербайджанского народа, нашей всеобщей гордостью.

Мы боремся за счастливое будущее всех народов, мы освободили человечество от самого свирепого врага - гитлеровского фашизма. Против реакции, против поджигателей новой мировой войны боремся мы ныне, сплачивая все народы вокруг знамени мира. И в этой борьбе Низами с нами. Недаром сказал он о себе:

Если через столетье спросишь: где же он?

Каждая строка поэта откликнется, как эхо: он здесь!

Поэтическое искусство буржуазного мира сползает в пропасть мрака, ибо моральная основа у него, как и у всей буржуазной культуры, гнилая, тлетворная.

В 1942 году, то есть в дни высшего напряжения борьбы, группа поэтов

в Америке, в штата Техас, в Сан-Антонио, объединилась в общество «Поэтический ковчег». Они писали стихи и читали их только друг другу, потом прятали их в сейф, считая, что больше они никого не могут заинтересовать по своим крайним индивидуальным особенностям. И в этом они правы, эти новые Нои. Их стихи ничего не объяснят и ничего не скажут человечеству, жаждущему живительных перемен и создания нового мира.

Низами не запрячешь в такой ковчег! Все ковчеги для него будут малы. Низами - великан из мировой семьи поэтических великанов. Потому он сегодня с нами - в походе и в мирном труде.

Николай ТИХОНОВ

Пока существует слово, слава да
будет от слова!

Имя Низами вечно юным да
...будет от слова.

Низами

ВВЕДЕНИЕ

На просторной зеленой равнине, на фоне панорамы гор Малого Кавказа и рисовавшейся вдали грозной цепи Большого Кавказа, высились мощные укрепления, стены и громадные башни. Стены представляли собой мозаику из цветного камня и" кирпича. Булыжник серого, синеватого, красноватого и желтого оттенков был сложен елкой и прерывался тёмнокрасными и белыми кирпичными кладками. За стенами высились дворцы, караван-сарай, мечети, украшенные разноцветным глазированным кирпичом. Улицы были засажены громадными тополями. На десятки километров тянулись пригороды, утопавшие в зелени фруктовых садов, зарослей тут, этого спутника шелководства, и широко раскинувшихся виноградников. Среди этих насаждений журчали во всех направлениях бесчисленные арыки, питавшиеся быстрыми волнами Ганджа-чая. Такая картина должна была представляться глазам подъезжавших к Гандже путников.

В этом городе родился великий азербайджанский поэт Низами, здесь протекала его жизнь, здесь он скончался, здесь покоится и доныне его прах.

В середине XI века области, входящие теперь в Азербайджан, представляли собой довольно пеструю картину, распадаясь на множество мелких княжеств, о большей части которых у нас имеются лишь очень неполные и случайные сведения.

Области к северу от реки Куры находились во владении династии Кесранидов, имевших титул ширваншахов (князей Ширвана) и приписывавших себе происхождение от правителей домусульманского Ирана. Им же принадлежали и такие города, как Кабала и Шеки.

Областью Дербенда правили Хашимида, но династия их в 1065 году оборвалась, и их владения отошли к Ширвану.

Область Ганджи (теперешний Кировабад) принадлежала обладавшей довольно значительной силой и угрожавшей даже Грузии династии Шеддадидов, бывших, как полагают, курдского происхождения.

Юго-западные части Аррана и часть южного Азербайджана находились под властью династии Раввадидов (979-1054).

В Нагорном Карабахе, в труднодоступных горных замках сидели христианские князья, называвшие себя громким титулом «царей Албании».

О жизни Азербайджана того времени сведений крайне мало. Есть основание полагать, что населен он был довольно густо, причем

этнический состав населения был весьма пестрым. Тут были и древние обитатели этих мест - албанцы ^[1], достигшие весьма высокого культурного уровня, исповедовавшие христианство и, возможно, даже имевшие свою письменность. Жили тут и грузины и армяне; весьма значительно были, вероятно, представлены иранцы, курды и др. Жили, несомненно, остатки арабских завоевателей, уже в значительной части утратившие свой язык. Были также представлены и некоторые тюркские, народы, проникавшие туда с различными военными отрядами.

Во второй половине XI века в жизни Азербайджана произошли крупные перемены. Хлынувшая в начале этого века из Средней Азии волна тюркского народа, гузов или огузов, достигла и Закавказья. Под предводительством вождей одного из входивших в состав этого народа племен - сельджуков - гузы сначала вторглись в восточные области Хорасана, где и столкнулись с «шахами Востока» - Газневидами. Сын знаменитого султана Махмуда Масуд пытался остановить их движение, но в 1040 году потерпел полное поражение, и гузы получили возможность почти беспрепятственно двигаться на юг и юго-запад. Большая часть Ирана была быстро захвачена гузами, причем почти всюду они управляли, налаживая союз между своей племенной аристократией и местными феодалами.

В 1055 году была взята столица халифата Багдад, и предводитель сельджуков Тогрулбек принял титул султана. Так возникла династия, получившая у историков Востока название «великих» сельджуков. Хотя со взятием Багдада сельджуки и сделались полновластными правителями всего халифата, но халифа не устранили; сохраняя за ним духовную власть, внешне как бы подчинялись ему, хотя на самом деле превратили его в игрушку в своих руках. Движение на запад продолжалось, в 1064 году, уже при преемнике Тогрулбека Алп-Арслане (1063-1072) ^[2] дружины сельджуков вступают в Закавказье. Властители Ганджи не могли сопротивляться их мощному натиску, и Шеддакиды признали себя вассалами сельджукского султана. Движение сельджуков привело их к столкновению с Византией, первый поход на владения которой был предпринят Алп-Арсланом еще в начале 1064 года. Решительное столкновение произошло в 1071 году, когда в бою при Малазгерде (28 августа) сельджуками была одержана полная победа над византийцами и взят в плен сам кесарь Роман Диоген. В следующем году Алп-Арслан скончался от раны, полученной во время похода в Среднюю Азию, и престол занял его сын Абу-л-Фатх Меликшах (1072-1092). Резиденцией

Меликшах сделал Исфахан. Его: правление - эпоха наивысшей мощи сельджукского государства, достигшего такой силы благодаря осторожной и разумной политике везира Меликшаха, знаменитого Низам-ал-Мулька. При Меликшахе был, хотя и не особенно прочно, покорен и Ширван. Шеддадид был Меликшахом низложен, и Арран и южный Азербайджан передан сыну Меликшаха Мухаммеду, который сделал своей резиденцией Ганджу. К 1092 году владения Меликшаха достигли наибольшего расширения, но уже приближался конец могущества «великих» сельджуков. Осенью 1092 года наемным убийцей был убит Низам-ал-Мульк, уже до того в результате интриг при дворе вынужденный оставить свой пост. В ноябре того же года умер и Меликшах. Есть основание полагать, что он был отравлен кем-то из приближенных халифа ал-Муктади, которому стало известно, что Меликшах задумал его низложить.

После смерти Меликшаха более двадцати лет сельджукские князья ведут друг с другом бесконечные войны, приведшие к ужасающим опустошениям в южном Азербайджане. В 1105 году власть удается захватить сыну Меликшаха Абу-Шуджа Гияс-ад-дин Мухаммеду, носившему также и тюркское имя Тапар. Сельджукское владычество снова стало несколько более прочным. Однако обстановка в это время еще осложнилась значительным усилением тайного союза ассасинов, владевших неприступным горным замком в северном Иране и при помощи тайных убийц наводивших ужас на всех носителей власти. Кроме того, Мухаммеду приходилось принимать еще участие в борьбе с крестоносцами. Мухаммед главную опасность видел в ассасинах и потому прилагал все усилия, чтобы искоренить их и прежде всего овладеть их опорным пунктом, горным замком Аламут (Орлиное гнездо), неподалеку от Казвина. В 1118 году этот замок был осажден сельджукскими войсками; казалось, победа уже близка, но в апреле этого года Мухаммед, всего 36 лет отроду, внезапно умер. Можно думать, что и к нему протянулась невидимая рука тайного убийцы.

С его смертью раздоры вспыхнули снова. Его преемник Махмуд (1118-1131) был совершенно неспособен к управлению. Он все свое время отдавал бесконечным пирам и охоте и тратил огромные средства на соколов и охотничьих собак, для которых заводились ошейники и попоны, украшенные золотом и драгоценными камнями.

Махмуд умер молодым от полного истощения, вызванного пьянством и развратом.

При нем все уделы перестают подчиняться центральной власти, и страна опять распадается на враждующие друг с другом мелкие княжества.

Пользуясь слабостью сельджуков, грузинский царь Давид II Строитель (1089-1125) в 1123 году овладевает Ширваном и доходит даже до Шемахи, Однако его сын возвращает Ширван его прежним владельцам ширваншахам Кесрандам и путем брака устанавливает связь между их династией и грузинским царствующим домом. Эта связь длилась до 1225 года, и в период с 1125 по 1220 год ширваншахи достигают наибольшего могущества. В это время они к своему прежнему титулу прибавляют еще и тюркский титул «великий хакан». К сожалению, хроника об этом периоде сообщает мало данных, и даже хронология ширваншахов уточнению пока не поддается. Мы можем только установить, что ширваншах Минучихр II (или, может быть, в местном произношении Манучихр) был современником халифа ал-Муктади (1136-1160) и правил тридцать лет, а его преемник Ахситан I (или Ахсатан), о котором нам дальше придется говорить в связи с биографией Низами, правил с последней трети XII века по начало XIII века.

Дербенд с конца XII по начало XIII века был отдельным княжеством. Его правители избегали связей с Закавказьем и предпочитали заключать союзы с народами, населявшими Северный Кавказ.

Арран, который в это время становится во враждебные отношения к Ширвану, попадает под власть ветви сельджуков, правивших Ираком. Несмотря на все опустошения, которые несли с собой феодальные войны, заселен он был в это время довольно густо. Это можно заключить из сообщения хроник, которые говорят, что во время большого землетрясения 1139/1140^[3] года в Гандже погибло триста тысяч человек. Правда, по другим указаниям погибло двести тридцать тысяч, но даже и эта уменьшенная цифра показывает, что по тому времени это был весьма значительный город. Иракские сельджуки правили Арраном через посредство своих вассалов - Ильдигизидов, о которых нам еще придется говорить в связи с биографией Низами. Основатель этой династии Шамсад-дин Ильдигиз попал в рабство в стране кыпчаков, претерпел множество всяких злоключений и, наконец, достался иракскому сельджуку Мас'уду (1133-1152), который привязался к молодому тюркскому рабу и дал ему высокую придворную должность. В 1136 году он уже становится - наместником южного Азербайджана, а при Арсланшахе (1161 -1177) получает громкий титул атабека ^[4] и становится хозяином всей страны. Из своих сыновей Джихан-Пехлевана он сделал великим хаджибом, то есть церемониймейстером, от которого зависело представление кого-либо султану, а другого сына - Кизил-Арслана - сипехсаларом, то есть

главнокомандующим. В 1152 году Ильдигиз овладел Арраном и его столицей Ганджой и сделался самостоятельным правителем почти всего Азербайджана, ибо только Мерага оставалась во владении династии Аксонкоридов. К концу XII века власть потомков Ильдигиза уже начала слабеть. В 1195 году грузины овладели Ганджой, и хотя после их ухода правителем ее снова стал один из Ильдигизидов, но он выплачивал дань Грузии. Последний Ильдигизид, Узбек, для укрепления своей власти пытался даже заключить союз с заклятыми врагами сельджуков - ассасинами.

Упомянем еще, что Эрзинджаном, одной из областей Малой Азии, с конца XI века владела связанная со всеми этими правителями династия Маягупакидов.

Восстановить на основании имеющихся в нашем распоряжении материалов картину общественного строя Азербайджана XII века пока еще невозможно. Несомненно, что служилые люди сельджуков получали так называемые икта, то есть земельные наделы, которые не поступали в собственность награждаемого, но с которых он получал право собирать определенную сумму в качестве жалованья или пенсии. Весьма вероятно, что при этом держатели икта часто злоупотребляли своим правом и не довольствовались назначенной им суммой, а доводили население до полного разорения. Многочисленность икта приводила к большому раздроблению земельных владений и тяжело отзывалась на хозяйстве страны. Все же можно думать, что при сельджуках формы эксплуатации населения были несколько менее жесткими, чем в предшествовавшие эпохи. Вероятно, именно поэтому у позднейших авторов была склонность изображать сельджуков, особенно некоторых - из так называемых «великих» сельджуков, как правителей мягких и справедливых. Эту черту мы увидим даже и у Низами.

Азербайджан в это время обладал рядом крупных городских центров, как Ганджа, Шемаха, Байлакан, Нахичеван и Дербенд. Города эти, зачастую довольно густо заселенные, находились в зависимости от сельджукской феодальной аристократии. Однако население их все же пользовалось некоторой свободой, и такие группы населения, как купцы и ремесленники, обладали самоуправлением и сносились с феодальными властями через своих представителей. Кустарная промышленность и торговля стояли на довольно высоком уровне. Торговое значение такого города, как Ганджа, возрастало еще и оттого, что он лежал на торговом пути в Грузию. Население городов, как уже отмечалось, в этническом отношении было смешанным. Хотя основная масса городского населения и исповедовала

ислам, но жили в городах также и христиане, причем особым стеснением со стороны носителей власти они не подвергались. Это обстоятельство, как мы увидим дальше, также наложило свой отпечаток на литературу того времени. Можно предположить, что среди ремесленников существовали тайные союзы, ставившие себе задачей защиту своих членов от посягательств со стороны носителей власти. Союзы такого рода существовали в халифате еще ранее.

Как мы уже сказали, одним из самых крупных центров того времени была родина Низами - Ганджа. Развалины этого города расположены к северо-северо-востоку от Кировабада (новой Ганджи), на расстоянии около пяти километров от его центра. Горная река Ганджа-чай разделяет город на две половины; по правому берегу лежит большая, по левому - меньшая его часть. Вся площадь города окружена крепостными стенами и валами и равна приблизительно девяти-десяти квадратным километрам.

Левобережная часть окружена двойной стеной с полукруглыми бастионами. Эти стены сооружены из речных булыжников, скрепленных известковым раствором. Пространство между стенами - глубокий ров, когда-то наполнявшийся водой.

Береговые укрепления правобережной части еще более мощны и основательны. В их систему входят отдельные выступающие башни. Укрепление, видимо, выполняло двойную роль, весной, при разливе реки, защищало город от воды, а случае нападения врага со стороны реки представляло собой верную защиту. Общая длина её составляет около трех километров. К этой части города когда-то примыкало обширное предместье, тянувшееся в юго-восточном направлении и доходившее до старого кладбища, где сейчас находится гробница Низами.

Обе части города были соединены между собой тремя большими каменными арочными мостами, быки, дамбы и подступы к которым существуют и поныне.

Обследование развалин Ганджи, произведенное в 1938-1939 годах, показало, что правобережная часть города представляла собой основную, наиболее древнюю и богатую его часть. Раскопки обнаружили громадное количество предметов материальной культуры, в том числе высокохудожественную орнаментированную и украшенную рисунками керамику, повидимому, в значительной своей части производившуюся на месте. Было установлено также, что город имел водопровод из широких гончарных труб, крепко соединенных и защищенных от повреждения. Раскопки кладбища показали, что среди могил есть как мусульманские (большинство), так и христианские (предположительно армянские).

Относительно истории города имеются такие сведения. Армянский историк Моисей Каланкатуйский говорит, что Ганджа была основана уже после арабского нашествия, приблизительно около 845 года; персидский историк Хамдаллах Казвини относит ее основание к 853/854 году. Название свое она получила от древней столицы Азербайджана Ганзака, руины которой сейчас известны под названием Тахт-и-Сулейман (Трон Сулеймана). Арабский географ Истахри (X-век) говорит, что Ганджа - маленький город на пути из Берда'а в Тифлис (Тбилиси). Берда'а, о которой нам придется еще дальше говорить в связи с одной из поэм Низами, в древности носившая название Партав, лежала на реке Тертере, около ее впадения в Куру. Уже в VI веке она заменила собой древнюю столицу Аррана (Албании), - Кавалак (у арабов - Кабала), которую арабы называли самым большим городом на Кавказе. Берда'а при арабах была большим, цветущим городом, окруженным фруктовыми садами. Она бы да известна шелковыми изделиями, которые вывозились оттуда в южный Иран. В 943-944 годах ее завоевали пришедшие через Каспийское море русские дружины, владевшие ею около полугода. Военные действия отразились на ней крайне тяжело, ибо хотя арабский географ Мукаддаси (конец X века) и называет ее «Багдадом здешних мест», но говорит, что стены ее обрушились, а окрестности покинуты и опустошены. Во времена арабского географа Якута (начало XIII века) Берда'а была лишь небольшой деревней, окруженной развалинами.

Можно думать, что подъем Ганджи начался именно с падения Берда'а, то есть со второй половины X века. Что касается времени ее основания, то раскопки 1938-1939 годов заставляют полагать, что это место было заселено значительно ранее IX века. Мы уже говорили о землетрясении 1139/1140 года. Однако эмир Кара-Сонкор (умер в 1141 году) отстроил ее во всей ее красе, а в XIII веке она считалась одним из самых красивых городов Передней Азии и «матерью городов арранских». Укрепления Ганджи были столь мощны, что когда в 1221 году под ее стенами появились монголы, они не решились напасть на город, тем более, что население его, привыкшее к постоянным столкновениям с соседней Грузией, было воинственно и отличалось мужеством. Монголы ушли, удовлетворившись выкупом, состоявшим из денег и шелковых тканей. В' 1225 году Ганджа была захвачена последним хорезмшахом Джелал-ад-дином. Но и в это время воинственный дух населения еще продолжал жить. Через несколько лет оно восстало и уничтожило весь находившийся в городе хорезмский гарнизон. В 1235 году Ганджа была взята монголами и сожжена. Хотя она и на этот раз была восстановлена довольно быстро, но с этого времени свое значение

утратила и больше в истории роли почти не играла.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ АЗЕРБАЙДЖАНА В XII ВЕКЕ

Все дошедшие до нас произведения Низами написаны на персидском языке, который в XII веке был распространен на огромной территории, от западной Индии до границ арабских стран, в качестве основного языка придворной переписки и художественной литературы.

К моменту арабского завоевания на Переднем и Среднем Востоке ряд языков пытался занять место ведущего литературного языка. Во владениях Сасанидов господствовал так называемый пехлеви, или среднеперсидский, условная орфография которого скрывает под собой ряд различных диалектов; область Согда, имевшая центром Самарканд, пользовалась согдийским языком; восточные районы Средней Азии и Восточный Туркестан уже успели создать свою, условно называемую нами «уйгурской», письменность, позволявшую фиксировать различные языки тюркской системы.

Арабское завоевание положило конец этому развитию. Хотя все эти языки и не перестали существовать и даже применялись в канцеляриях покорившихся арабам местных правителей, но с области литературы их вытесняет язык ислама и его священной книги Корана - арабский.

Уже в середине VIII века халифат перенес парное страшное потрясение - восстание покоренных арабами народов Ирана и Средней Азии под предводительством Абу-Муслима, приведшее к падению династии Омейядов и установлению власти Аббасидов. Аббасиды вступили на халифский престол ценой значительных уступок местной аристократии. Они желали сближения с нею. Внешне это выразилось в том, что они отказались от прежней столицы-Дамаска - и соорудили себе новую столицу-Багдад, воздвигнутую около прежней столицы Сасанидов - Медаина. Результатом этого поворота в политике халифата было то, что окраины постепенно начали, фактически освобождаться от халифской власти и возникли первые почти независимые государственные образования на территории Ирана и Средней Азии. Из этих образований первым достигло весьма значительной мощи государство Саманидов, имевшее центром Бухару и Самарканд и основанное Исмаилом Самани в конце IX века. В первой половине X века Саманиды, кроме Средней Азии и Хорасана, подчинили себе уже и восточные области теперешнего Ирана - Систан и Кирман, значительную часть южного побережья Каспийского моря - области Гуртан и Табаристан, и всю область Рея - города, развалины которого лежат неподалеку от теперешнего Тегерана.

Саманиды внешне признавали власть халифов, называли их своими

повелителями, всячески выражали им свое почтение, но фактически были совершенно независимы. Хотя арабская литература, изучение Корана и мусульманское богословие и процветали в их владениях, но родовая иранская аристократия в эту эпоху решительно подняла голову и всячески стремилась противопоставить арабскому влиянию и всему кругу так называемых «арабских наук» старые, доисламские традиции. Это привело к новому расцвету существовавших в домусульманском Иране наук - математики, химии, медицины, философии - и в связи с этим к повышению интереса к литературам: древнегреческой, пехлевийской, сирийской и индийской.

В области художественной литературы это движение привело к тому, что арабский язык начинает постепенно уступать свое место персидскому. Персидский язык этот, называвшийся тогда фарси или дари, имел, повидимому, уже в VI веке распространение от Балха до Бухары. Иранская знать, в годы наивысшего могущества халифата гнушавшаяся своего родного языка, называвшая его «грубым и мужицким» и всячески подчеркивавшая свое пристрастие к арабскому, в эпоху владычества Саманидов, наоборот, начала всячески поощрять этот язык и поддерживать поэтов, старавшихся доказать, что на языке дари можно создать художественные произведения, по красоте не уступающие лучшим созданиям арабской музыки.

Результатом этого антиарабского движения явился мощный литературный подъем. Все лучшие поэты Средней Азии и Хорасана устремились в Бухару, и саманидский двор стал средоточием новой персидской литературы. Главой всей этой литературной школы стал один из величайших лириков мира - знаменитый Рудаки, родоначальник таджикской литературы (умер в середине X века). Из его произведений до наших дней сохранилось, к сожалению, очень немного (около восьмисот двойных строк). Но и это немного показывает, что похвалы, расточаемые по его адресу средневековыми ценителями литературы, не были преувеличены. Это был величайший мастер слова, облакавший свои мысли в безукоризненную по своей классической простоте и четкости форму. Кроме лирических произведений, им было создано еще семь эпических поэм, к сожалению, не сохранившихся. Дошедшие до нас отдельные строки из его поэмы «Калила и Димна», построенной на материале индийского эпоса, говорят о том, что и эта поэма, несомненно, не уступала его лирике и была одной из лучших обработок этого сюжета, обошедшего все литературы мира.

Рядом с Рудаки подвизался погибший в расцвете лет Дакики (середина X века), страстный поклонник родной старины, все свои силы стремившийся отдать на ее воскрешение. Он задумал грандиозное творение - изложение в стихах всей легендарной истории иранских царей. Начал он свой труд с повествования о создателе религии древнего Ирана - Заратустре (греческая форма - Зороастр), но успел написать только около тысячи двойных строк, когда кинжал убийцы оборвал его жизнь. Завершить начатый им труд взялся знаменитый Фирдоуси (934-1021). Его «Шах-намэ» (Книга царей), одно из лучших созданий мирового эпоса, таким образом, тоже связана с литературным движением саманидской школы.

В конце X века саманидское государство рухнуло под ударами двигавшихся с востока тюркских завоевателей. Место Бухары заняла Газна, где находился блестящий двор грозного завоевателя - султана Махмуда (969-1030). Хотя Махмуд по происхождению был тюрком и с его воцарением власть перешла в руки тюркской военной аристократии, но официальным придворным языком и при нем остался дари. Стремясь воспроизвести при своем дворе все обычаи Саманидов, он также привлекал в Газну всех лучших поэтов своего времени. При его дворе выдвинулся ряд талантливейших поэтов, возглавлявшихся мастером пышной придворной оды - Унсури из Балха (умер в начале XI века). Поэты газневидского двора за образец для своего творчества взяли Рудаки и его школу, и все их усилия были направлены на то, чтобы не только сравняться с ним, но, если возможно, и превзойти его совершенством техники. Таким образом, первая половина XI века не только не ослабила роста персидской литературы, но еще более укрепила и расширила ее.

В середине XI века страны Переднего Востока были, как мы уже говорили, захвачены тюркским народом - гузами. Власть перешла к сельджукам. Сельджукские правители были почти все неграмотны и совершенно чужды мусульманской образованности. Поэтому им не приходилось помышлять о создании своей новой культуры. Явившись волей-неволей продолжателями газневидов, они должны были сохранить и их придворный язык. Но если владения Махмуда простирались на запад не далее Рая, то сельджуки захватили весь халифат. Распространяя свою власть, они тем самым содействовали и распространению персидского литературного языка. Нам известно, что вплоть до первой половины XI века в западных областях Ирана и Азербайджана делались попытки поднять местные диалекты до уровня литературного языка. Огромные достижения персидской литературы саманидской и газневидской эпохи доказали, что состязаться с персидским языком будет трудно. В результате

язык этот воцарился в качестве основного литературного языка (языка художественной литературы) почти на всем протяжении огромных владений сельджуков. Местные диалекты были вытеснены. Получился любопытный исторический парадокс: расширение власти тюркской военной аристократии привело к распространению языка, первоначально не выходившего за пределы Средней Азии.

Проследить первые шаги появления персидского языка в Азербайджане мы пока не можем. Можно только констатировать, что в начале XI века в главном городе южного Азербайджана, Тавризе, уже появляется такой исключительный мастер персидского стиха, как знаменитый Катран ибн-Мансур.

Поэт этот родился в Шадибаде, недалеко от Тавриза, вероятно, около 1010-1013 годов. Повидимому, он чуть ли не с детского возраста начал заниматься поэзией, ибо уже между 1029-1038 годами он выступает в качестве придворного поэта при Шаддадиде Абу-л-Хасане Али Лашкари, столицей, которого была Ганджа. Некоторое время Катран провел в Нахичевани при дворе Абу-Дулафа Деиранп, но затем вернулся в Тавриз и поступил на службу к представителю мелкой династии Бени-Раввад Дбу-Мансур Вахсудан ибн-Мухаммеду (1029-1060) и его сыну Мемлан ибн-Вехсудану, которым и посвящена большая часть его пышных касыд (од). Страшное землетрясение 1042 года застало его в Тавризе, и он посвятил ему стихотворение, позволяющее думать, что это бедствие он видел собственными глазами.

Позднее он еще раз посетил Ганджу, видимо, уже - на склоне лет, и в этот проезд свой поднес оду Шеддадиду Фазлун ибн-ал-Фазлю, вступившему на престол в 1075 году. Дата смерти Катрана точно неизвестна. Можно полагать, что смерть настигла его в конце восьмидесятых годов XI века.

Стихи Катрана вплоть до XIX века на Востоке, да и у европейских ориенталистов, приписывались Рудаки. Удивляться этому не приходится, ибо Катрану удалось так точно воспроизвести стиль Рудаки, что отличить их не всегда бывает легко. Некоторая часть дивана (сборника стихов) Катрана показывает, что и с одами Унсури он был также хорошо знаком и иногда прямо пересказывал их.

Катрана трудно считать поэтом вполне оригинальным. Зависимость его от его хорасанских предшественников весьма велика. Все же, безусловно, это поэт талантливый. Стихи его с точки зрения формы безупречны, изобилуют своеобразными, подчас яркими и свежими сравнениями:

Когда на померанцевое дерево налетает ветер,
Ветви его от ветра и тяжести плодов сгибаются.
Словно бы они на военном смотре эмира
Склоняют перед ним головы в золотых шлемах.

Катран особенно искусен в так называемом в асфе - описании - и умеет дать яркую картинку на любую традиционную для поэзии того времени тему. Отметим еще одно любопытное место из его дивана:

Завидующий шаху - постоянно словно Ферхад.
Дающий ему добрые советы - постоянно словно Ширин.

Эти строки говорят о том, что предание о Ферхаде и Ширин, послужившее темой для одной из лучших поэм Низами, уже в середине XI века было хорошо известно в Азербайджане, но, видимо, излагалось в несколько ином духе.

Катран был, вероятно, не одинок, можно думать, что при шеддадидском дворе были и другие поэты, но имен их история нам не сохранила.

Несколько более обширными сведениями мы располагаем о поэтах, группировавшихся вокруг ширваншахов Кесранидов. Насколько можно судить, главой и художественным судьей этого круга был Низамаддин Абу-л-Ала ^[5] из Ганджи, обычно связываемый с ширваншахом Манучихром (приблизительно середина XII века). При Манучихре он уже был главой придворных поэтов. Его рождение можно отнести к последней четверти XI века. О жизни Абу-л-Ала сведений почти нет, кроме рассказа об отношениях поэта с его учениками Фелеки и Хакани. Из произведений его сохранились только небольшие отрывки. Во всяком случае из его собственных слов явствует, что он считал себя признанным по заслугам главой ширванской школы. Он говорит:

Помыслы мои - туча, слова - жемчуг, сердце - море,
Язык - зазыватель на этот жемчуг, а эпоха - цена ему.
Таким, как я, обогнавшим всех сверстников,
Если гордятся жители Ганджи, то это уместно.
Если красноречивые подражают мне, подобает это,
Ибо ведь я же - предводитель всех поэтов.
По словам, и высоте, и силе, и чистоте стихи мои,
Подумаешь ты, - из огня, воды, земли и воздуха.

В этих строках в сжатой форме заключена вся поэтика эпохи. Слова -

это отбор словаря, насыщение его редкими и трудными словами, найденными или в произведениях старых мастеров или в уже существовавших тогда специальных лексикографических пособиях.

Выбором слов определяется и высота стиля, то есть недопущение в стихе слов «подлых» - взятых из разговорного языка. Чистота - это чистота словарного запаса, а затем недопущение искажений, неправильных конструкций в угоду метру и, наконец, ясность самой фразы, делающая ее сразу же понятной. Сила - энергичность, вескость, подъем, вызывающий глубокое впечатление и создаваемый как подбором слов, так и соответствующей метрической конструкцией.

Но при всех достоинствах, которыми, повидимому, действительно отличались стихи Абу-л-Ала, его карьера при дворе ширваншахов была полна всяких неприятностей. Он испытывал на себе капризы и прихоти правителей, был вынужден отражать происки врагов, стремившихся оклеветать его и лишить привилегированного положения. Об этом он говорит сам в том же стихотворении:

Если, словно пламя и текучая вода, мое слово нежно и мощно,
То почему же, словно прах и ветер, я унижен перед всяким
сбродом?

Преславный боже! Насчитал я пятьдесят и пять лет,
Не дошел до шестидесяти, а согнулась моя спина в дугу.

Сгорбился я, словно ченг^[6], и людям теперь
От меня уже не слышно ничего, кроме воплей и жалоб.

Из людей века за эту беспредельную жизнь
Не нашел я ни одного, в ком была бы прямота и верность.

Тысячи врагов завидуют мне, всякого рода
Тысячи людей покушаются на меня отовсюду.

Столь проницательный, как я, не будет оставлен в покое
завистниками,

Такой ученый, как я, не будет лишен врагов.

Во всех странах на небесах мой сан - словно луна.

Почему же в этой стране я померк, как Суха^[7]?

То искажают мои стихи, А то плавают в моей крови.

Нет такой сплетни, которую бы обо мне не распространили.

Не осталось гнусной шутки, которую бы не сочинили обо мне.

А самое лживое слово, что сказали шаху:

Абу-л-Ала, мол, что у тебя глава собеседников

Сообщает о твоих делах твоим противникам.

Разглашает твои тайны врагам.
Клянусь рыданием Давида и столами Ноя,
Клянусь бедствием Иова и непорочностью Иоанна (Предтечи)...
От тех пороков, которые мне приписывает лицемерие,
На всех сборищах и собраниях, при народе и с глазу на глаз,
Чист я! Как Мухаммед от обвинений неверных,
Свят я! Как набожный от посещения христианской Ка'бы^[8]

Из этих слов видно, что Абу-л-Ала был обвинен в государственной измене, в шпионаже в пользу врагов ширваншаха. Его положение при дворе делало вполне возможным то преступление, в котором его обвиняли. Политики того времени часто пользовались поэтами для таких целей. Но так как Абу-л-Ала не заплатил жизнью, а лишь утратил придворную должность, то нужно думать, что это обвинение, как он и говорит, было гнусной клеветой.

К старшему поколению ширванских поэтов относится и малоизвестный Изз-ад-дин Ширвани. О жизни его мы не знаем ничего. Известно только, что он современник Абу-л-Ала. Из стихов его пока найдены часть оды и одно рубай (четверостишие).

Вступительная часть оды посвящена описанию так называемой сабух - утренней попойки. Этот крайне строго осуждавшийся правоверием обычай был, видимо, в большом ходу при ширванском дворе, ибо оды наиболее выдающегося из ширванских поэтов - Хакани - полны воспевания этого обычая. В этой касыде особенно интересна такая строка:

Клянусь тем всеведущим, божественность которого признает
У возвестителя истин души даже и язык иррационального корня.

Под иррациональным корнем здесь разумеется сердце, лишенное знаний, из которого ничего нельзя «извлечь», как нельзя извлечь корень из -1. Этот корень арабские математики называли асамм, то есть «глухим». Но «глухим» называет Коран то сердце, которое не хочет слушать увещаний. На этом основана тонкая игра слов. Мы не можем сказать, кто первый создал этот образ, был ли это Изз-ад-дин, или он существовал и до него. Интересно то, что этот образ имел широчайший успех. Он встречается и у Низами, а за ним у ряда среднеазиатских поэтов XII-XIII веков.

В последнем бейте (двустии) этой оды поэт говорит так:
Клянусь, что раб твой новее не по доброй воле искал удаления
От свиты шаха, решением подобного солнцу, обликом подобного луне.

Следовательно, Изз-ад-дин своей касыдой, как и Абу-л-Ала своим стихотворением, оправдывает себя перед шахом, пытается опровергнуть клеветнические слухи о том, что он как-то желает уклониться от выполнения обязанностей придворного поэта.

Таким образом, даже эти скудные фрагменты, сохранившиеся до наших дней, говорят о том, что поэтам при дворе ширваншахов жилось нелегко и что им непрерывно угрожали всякие кары со стороны капризного и жестокого повелителя. Мы увидим далее, что ширванские поэты следующего поколения почти все так или иначе пострадали от самодурства ширваншахов.

К более молодому поколению ширванских поэтов относится Абу-н-Низам Мухаммед Фелеки Ширвани. Жизнь его падает примерно на годы 1108 - 1146. Родился он в Шемахе, уже в юности проявлял большие способности к поэзии и через посредство Хакани попал ко двору ширваншаха. Его поэтический псевдоним - «Фелеки» происходит от слова «Фелек» - небосвод. Он выбрал этот псевдоним потому, что увлекался астрономией и даже составил труд по этой науке. При дворе Фелеки сначала имел успех. Дела поэта шли хорошо, он даже разбогател, но вскоре его постигла участь предшественников. В чем именно обвиняли Фелеки, установить трудно, но результатом этого обвинения явилось заключение его в государственную тюрьму Шабаран. Сколько времени он провел в заключении, неизвестно, но в одном из своих стихотворений он сам говорит, что тюрьма чуть не убила его:

Я был уже мертв, и из всех членов тела моего
Кости торчали, слоено буквы «лам».

Вероятно, и здесь обвинение почвы под собой не имело, ибо через некоторое время Фелеки был освобожден. Однако мучения, перенесенные им в тюрьме, так расшатали его здоровье, что вскоре после освобождения он умер, не дожив и до сорока лет.

Диван Фелеки состоит почти исключительно из пышных придворных од и содержанием не богат. Но зато в его творчестве одна черта, намеченная уже у Катрана, получила вполне отчетливое выражение - необычайное развитие поэтической техники, увлечение игрой словом, головоломными экспериментами над ним, превращающими стихи подчас в своеобразную загадку.

Вот пример игры слов в касыде, написанной по случаю перестройки ширваншахом плотины в Бакилане:

Была она [плотина] Бакилани, а теперь стала Накилани,
Так как шах перенес ее, чтобы небосвод удалил от нее ущерб.
Бакилани стала Накилани, когда перенес ее шах
С таким совершенством, чтобы небо отняло у нее недостатки.
Заковал он в оковы поток и «лан» от Бакилани отнял,
Осталась вечная плотина, а от нее поток исчез без остатка.

Что хотел сказать этими строками поэт? Шах восстановил плотину, перенес ее и сделал столь прочной, что поток ей уже не угрожает. Вот весь смысл этих строк. Но как это выражено? Почему плотина из Бакилани стала Накилани? Потому что шах перенес ее (по-персидски наклкард, то есть новое название выведено из основы глагола накл). Но и этого мало. Слова «Бакилани» и «Накилани» арабским шрифтом пишутся одинаково. Вся разница только в том, что у первого слова первая буква имеет точку внизу, а у второго - сверху. То есть он это сделал так легко, как легко перенести точку у буквы снизу вверх. Заметим при этом, что Накилани ничего не значит и введено только ради этой игры начертаниями. Далее, шах у Бакилани отнял «лан». Получается слово баки, означающее «вечный».

Хотелось бы обратить внимание читателя на характерный дух этих стихов. Тема для поэта исключительно выгодная. Тут можно было дать яркую картину борьбы человека со стихией. Но поэт даже и не пытается делать этого, а довольствуется схоластической игрой буквами и слогами, без сомнения, остроумной, но сугубо рассудочной.

Вместе с тем не нужно думать, что Фелеки не умел иначе выражать свои мысли, что такова была направленность его ума. Судя по всему, таковы были требования заказчиков, то есть придворных кругов, где поэзия служила в это время лишь для забавы. Когда поэт писал на волновавшую его тему, он находил и нужные слова и яркие образы, как показывают стихи, написанные им в заключении.

Стихи эти полны искреннего чувства. Поэт говорит, что причиной постигшей его беды был его достаток, то есть ему позавидовали, навлекли на него гнев и, воспользовавшись опалой, прибрали к рукам его имущество.

Если увлечение формальной техникой у Фелеки резко возросло, то кульминационной точки оно достигло у крупнейшего ширванского поэта Афзал-ад-дин Бадиля Хакани Ширвани. Родился он в Ширване около 1120-1122 годов. По происхождению он был связан с городским трудовым населением. Его дед был ткачом, отец - плотником. Мать - кухарка,

христианка несторианского толка, попавшая в плен к мусульманам и перешедшая в ислам. Исключением в семье Хакани был брат его отца Кафи-ад-дин Умар - врач и выдающийся ученый, родившийся около 1105 года. Отец не хотел, чтобы Хакани учился. Он мечтал, что мальчик пойдет по стопам своего деда. Но дядя, видя его исключительные способности, взял его к себе в дом и не только учил, но и посвятил себя его воспитанию.

Дядя занимался со своим воспитанником всеми науками, какие только знал, начиная с чтения и письма и кончая философией и богословием. Он же, вероятно, ознакомил его с поэтикой.

Окончательную отделку талант Хакани получил в руках такого опытного и искусного поэта, как Абу-л-Ала. Старый мастер посоветовал начинающему поэту принять тот псевдоним (техаллус) - Хакани, под которым он стал впоследствии широко известен. До этого он подписывал свои стихи Хакаики. Хакани - означает «хакановский», «принадлежащий хакану», от титула ширваншаха «великий хакан». Иначе говоря, Хакани как бы связывает себя с этой династией, закрепляет себя за ней.

Абу-л-Ала привязался к своему талантливому ученику и даже породнился с ним, выдав за него свою дочь. Но когда положение Хакани при дворе упрочилось, между учеником и учителем произошел разрыв. Кто был виноват в этой ссоре, сказать сейчас трудно. Мы уже видели, какая атмосфера клеветы и интриг царила при ширванском дворе. Задетый какими-то сплетнями, Хакани позволил себе написать сатиру на своего учителя. Абу-л-Ала ответил на нее весьма резким четверостишием, Хакани обрушился на учителя в еще более резких выражениях. Абу-л-Ала написал сатиру, в которой упрекал ученика в неблагодарности. На это Хакани ответил стихотворением, полным площадной брани и, что еще хуже, обвинявшим старика в принадлежности к тайной организации ассасинов, что было уже явной клеветой. Нужно помнить, что страшнее этого обвинения в это время не могло быть ничего. Получается впечатление, что Хакани пытался отделаться от учителя посредством такого доноса.

В 1156 году Хакани совершил паломничество в Мекку (хаддж), вернувшись из которого закончил около 1157 года свою единственную крупную поэму «Подарок двух Ираков». Путешествие позволило ему ознакомиться с рядом городов и стран, и после возвращения Ширван с его атмосферой клеветы, доносов, зависти и сумасбродства беспощадно жестоких правителей ему показался душной, затхлой тюрьмой.

Тюрьма для меня - жилье мое,

Каждый волос на теле - приставленный ко мне доносчик.

Из путников, странствующих по миру, ко мне

Не допускают даже и ветра.
Горе мне, если я хоть шаг ступлю на дорогу!
Увы мне, если я хоть раз вздохну от глубины сердца!
Злоречивый доносчик завяжет узелком этот вздох,
Запечатанным снесет его к его величеству шаху.

Хакани чувствует, что в этих условиях, особенно после поездки, ждать добра не приходится. Судьбы его предшественников весьма убедительно показывали, как ширваншахи оплачивают верным слугам за все их труды. Он мечтает об одном - скорее, скорее бежать из Ширвана, бежать куда-то, где можно будет открыто говорить о своих мучениях. Он обращается к солнцу:

Ты болеешь тоской по Хорасану^[9],
Я связан этой страной тирании Ширваном,
Ты изгнано оттуда по навету,
Где твоя родина и место твоего рождения.
Я - в тоске от бедствий своей родной земли,
Сердце у меня в жару лихорадки, глаза покрыты влагой.
Мы - два, обладающих пламенным сердцем, пораженных горем.
Два желтолицых, терзаемых лихорадкой.

Поэт мечтает о тех местах, которые посетил во время путешествия:
Ранее, когда эмир века
Освободил меня от заточения в Ширване,
Пустился я в степь странствий
На полудохлой кляче стремления моего.
От погибельных берегов моря Ширвана
Искал я в Ираке цель души.

Приоткрывает он и причины своей тоски:
Бельмо на глазу у моей судьбы,
Изрыто оспой лицо моей воли.
Что такое это бельмо? Горе века.
Что такое эта оспа? Зло Ширвана.
Я - словно вол на тесной мельнице,
Вращающийся вокруг точки беды,
Израненный плетью времени.
На шее веревка, глаза завязаны.
Тот вол на мельнице, смотри, весь год

Все кружит и кружит. Ни радости, ни удовольствия!
Перед ним сочный корм и влажные ясли,
Да недостает у него голова до ясель.
От него до желанной пели не больно далек путь,
Только не достать ему рукой до цели.

Нам кажется, из этих слов можно заключить, что ширваншах Ахсатан I был жесток к своему придворному поэту. А в это время слава его пышных од уже успела разлететься по миру. Им начинали подражать и в Хорасане и в Средней Азии. Хакани, конечно, мог бы найти среди сельджукской знати или в Хорезме самый теплый и радушный прием.

Но освободиться от опеки ширваншаха было не так просто. Случилось то, чего Хакани ожидал. Шаху доложили, что поэт ропщет на свое положение. Этого было достаточно, и он попал в ту же тюрьму Шабаран, которая загубила Фелеки. Сколько времени он провел в тюрьме, неизвестно. В заключении он написал ряд «тюремных элегий», - пожалуй, наиболее интересных из всех его произведений. Среди них особенно любопытна одна, обращенная к византийскому императору Андронику Комнени, которого Хакани умоляет заступиться за него. Поэт, очевидно, исходил при этом из той мысли, что, будучи сыном христианки, он может рассчитывать на заступничество христианина. В касыде этой Хакани стремится показать, как хорошо он знаком с христианскими учениями. В ней он играет и терминами домусульманской религии Ирана - зороастризма. Касыда доказывает, что сущности зороастризма поэт не знал совершенно, но что в области христианских учений он обладал весьма обширными знаниями. Возможно, что эти знания он получил еще в детстве от матери, а может быть, тут играло роль и соседство христианской Грузии.

Помогла ли ему эта ода или другие неизвестные нам обстоятельства, но между 1171-1179 годами он уже был свободен, ибо в этот промежуток совершил второй хадж, из которого, несмотря на всю неприязнь к Ширвану, все же снова вернулся на родину.

Дальнейшая судьба его неизвестна. Мы видим его далее в Тавризе, откуда он тщетно старается вырваться в желанный Хорасан. К этому времени поэт потерял жену и обоих сыновей и остался совершенно одиноким. Он удалился от мира и в эти годы создал ряд дидактико-мистических од, полных презрения к жизни.

Дата смерти Хакани точно неизвестна, предположительно ее относят к 1199 году.

Диван Хакани состоит преимущественно из пышных од как на

персидском, так и на арабском языках. Не подлежит никакому сомнению, что эти оды - кульминационный пункт развития придворной поэзии в Закавказье. Чтобы понять положение, в каком находился Хакани, надо вспомнить следующее.

Говорят, что один эмир просил у арабского поэта Саламы ибн-Джандалья (жившего еще до VII века), чтобы он прославил его подвиги. Поэт ответил: «Соверши - и спою». То есть: пока тебя восхвалять еще не за что. Во времена Хакани так ответить было уже невозможно. Кто бы ни был заказчик, нужно было найти возможность превознести до небес его, почти всегда воображаемые, заслуги. Касыды Хакани адресованы десяти различным правителям, тут и ширваншахи, и хорезмшахи, правители Табаристана, иракские сельджуки, правители Дербенда, Шемахи, Ильдигизиды и даже византийский кесарь.

Но характерно, что большая часть этих адресатов в истории почти никаких следов не оставила и, видимо, ничем особенно замечательна не была. При таких условиях неудивительно, что и сказать о них было нечего, и поэт волей-неволей все внимание должен был уделять форме. Та головоломная игра, которую мы уже видели у Фелеки, здесь доведена до такой изощренности, что читать Хакани может только очень искушенный читатель, способный разобраться во всем этом хитросплетении литературных и мифологических намеков и терминов, собранных из всех областей тогдашнего знания. Хакани не хочет повторять сравнения, уже употреблявшиеся поэтами хорасанской школы. Он ищет новизны и приходит к образам, поражающим неожиданностью. Вот как поэт описывает реку Тигр:

Ты видишь, как пена изо рта наворачивается из губы
[берега] Тигра,
Словно бы от жара вздохов его у него столько пузырей
вскочило на губах.

Условности придворной оды сковали поистине большой талант Хакани и привели к тому, что из всего его объемистого дивана лишь очень немного продолжает сохранять ценность и донныне и может интересовать не только историка литературы. Нужно отметить, что наряду с касыдами Хакани оставил и довольно большое число лирических газелей. Значение их для истории литературы очень велико, но художественно они значительно уступают прославленной лирике Са'ди (Саади) и Хафиза.

Если бы Хакани смог освободиться от бремени придворной службы и подняться до иного понимания задач поэзии, он мог бы создать шедевры.

Но это удалось сделать лишь Низами, и потому-то он и занял одно из почетнейших мест в мировой литературе.

Упомянем о малоизученном поэте - Муджир-ад-дине Байлакани. О жизни его известно немного. Рода он был незнатного, даже, возможно, был сыном черной рабыни. Поэтическое образование он получил под руководством Хакани, но в Ширване не остался, а пошел на службу к Ильдигизидам. Одно из его стихотворений показывает, что придворные нравы в Гандже были не лучше, чем в Ширване. И этот поэт тоже в отчаянии оправдывается в возведенном на него обвинении в разглашении государственных тайн. Смерть Муджира предположительно относят к 1193 году.

Муджир пытался воспроизводить весь блеск виртуозной игры Хакани. Но касыды его все же остаются только копией и, как все копии, не достигают силы оригинала. Пессимистических нот у Муджира очень много. Он доходит до утверждения, что счастье в мире вообще невозможно:

Пока существует мир, ничья надежда им не была осуществлена,
Пока есть прах, боль сердца им не была исцелена.
Кто попал на берег полнейшего счастья?
Лишь тот, кто от чрева мира не отделился [\[10\]](#)

Жить, по его мнению, не стоит:
Что ступать на луг времени, раз на нем
Хорошего ростка не выросло, мандрагоры не осталось!
Караван веселья прошел по ту сторону этого мира,
А для отставших и звука бубенцов не осталось.

Эти жалобы нельзя объяснять суфийско-аскетическими настроениями. Обстановка для поэтов в это время действительно была безрадостна. Едва ли случайно Хакани так рвался из душившей его атмосферы Ширвана, Мотив скованности мы увидим далее и у великого Низами.

Из всех названных нами поэтов, кроме Хакани, за эпический жанр не брался никто. Нужно сказать, что это явление характерно не только для Закавказья этого времени, - в Средней Азии и Хорасане с начала XII века мы тоже крупных эпических поэм не видим. О причинах этого явления с уверенностью говорить трудно, но некоторые предположения сделать можно.

Поэзия Переднего Востока до этого времени знала два типа эпических поэм: героический эпос, непревзойденным образцом которого является

«Шах-намэ», и поэму - рыцарский роман, восходящую к глубокой древности и особенно широко разработанную газневидским поэтом Уссури.

Продолжать линию «Шах-намэ» в XII веке было невозможно, и не только потому, что было бы трудно соревноваться с Фирдоуси, а и по той причине, что связанная с иранскими преданиями эпопея при сельджуках была бы неприемлема. Что касается второй линии, то затруднения были и здесь. Поэмы этого типа по традиции придерживались архаичных форм и в самом построении и в языке. Попытка Фахраддина Гургани перестроить рыцарский роман успеха не имела, Об этом ясно говорит как ничтожное количество сохранившихся рукописей, так и то, что в XV веке о ее авторе уже ничего не было известно.

Рассчитывать на успех, создавая эпос, мог только такой поэт, который решился бы произвести в этой области полную реформу, дать читателю такой тип поэмы, какого ранее не существовало. Очевидно, что за такую работу мог взяться и добиться успеха только исключительно смелый, не боявшийся нарушить традиции человек, обладавший совершенно исключительным поэтическим дарованием. Таким человеком был Низами; потому-то именно ему и было суждено осуществить эту реформу.

В силу своего социального положения Низами, не завися от воли носителей власти, не стремясь занять положение придворного поэта, но был связан условностями придворного стиля. Горячая любовь к своему родному Азербайджану отрывала его от традиций домусульманского Ирана. Преданность интересам народа, знакомство с его нуждами и чаяниями придавали ему сил на неслыханно смелые по тому времени выступления.

Отметим еще, что среди названных поэтов лет ни одного, которого можно было бы считать суфийским ^[11] поэтом в полном смысле этого слова. Правда, все охарактеризованные нами поэты были придворными деятелями, но и, помимо них, об особенно сильном распространении суфизма в Закавказье XII века не слышно.

Итак, поэзия на персидском языке появилась в Азербайджане в несомненной связи с бухарской и газневидской поэзией X-XI веков. Преобладающим видом этой поэзии с конца XI века сделалась поэзия придворная, ввиду специфических условий исторического момента развивавшаяся преимущественно в сторону усложнения техники. Основным приемом этой усложненной техники было максимальное «обыгрывание» слова, желание выжать из него все скрытые в нем оттенки, в обычной речи редко используемые.

В области языка можно наметить решительный отход от архаичного

стиля Фирдоуси и более свободное использование арабизмов. Поэты Закавказья охотнее пользуются арабскими словарями, чем старыми персидскими словниками.

Это понятно, ибо в обстановке сельджукского государства пытаться воскрешать идеологию до исламского Ирана, как это делал Фирдоуси, уже было невозможно. Обращение к живому языку и использование пословиц, поговорок и т. п. у перечисленных авторов наблюдается сравнительно редко, что в значительной степени объясняется требованиями придворного этикета. Низами, усвоив себе полностью все необходимое словесное мастерство своего времени, Низами, сумевший остаться независимым от каприза дворов, внес в поэзию и богатейшее содержание, устранив созданную тяжкими условиями времени теорию о необходимости отхода литературы от жизни. Это и сделало его творения вечными и привлекающими нас даже и восемь веков спустя, тогда как произведения его современников при всех больших достоинствах все же в наши дни уже не могут звучать полным голосом.

МОЛОДОСТЬ ПОЭТА

Восстановить во всех деталях жизнь поэтов Ближнего Востока - задача трудная. Источники, которыми приходится пользоваться для такой работы, дают сведения обычно крайне скудные, очень часто носящие легендарный, анекдотический характер и по проверке оказывающиеся лишенными исторического основания. Это касается почти всех поэтов прошлого, но особенно Низами.

Наиболее распространенным видом источников наших сведений о поэтах Востока могут считаться так называемые тезкирэ (записки). Это - антологии, в которых избранные отрывки произведений ряда поэтов обычно снабжены краткими биографическими сведениями о каждом из них. Таких тезкирэ до нас дошло довольно много, причем старейшее из них относится к началу XIII века. Большая часть этих работ ставит себе задачей сообщать сведения о поэтах придворных. Но Низами никогда придворным поэтом не был.

Ценные материалы обычно содержат также сборники биографий суфийских шейхов. Последователи суфизма обычно группировались в своего рода школы, на Востоке называемые сильсилэ (цепочка), нами условно называемые «орденами». Очень многие поэты мусульманского мира были выдающимися деятелями суфизма, даже создателями новых орденов, и потому в этих сборниках часто можно найти очень ценные сведения о их жизни. Но Низами, хотя, несомненно, с суфизмом был знаком и им интересовался, ни в какой орден не входил и официально дервишем,

как называли себя члены орденов, не был.

О многих поэтах можно найти данные в исторических хрониках. Это, конечно, бывает лишь в тех случаях, когда поэт был связан с каким-либо историческим лицом, игравшим достаточно видную роль в политической истории. Но правители, которым Низами подносил свои творения, занимали в истории Ближнего Востока сравнительно скромное место. Упоминание о них в хрониках можно найти с большим трудом.

Наконец, упоминания о крупном поэте можно обычно найти в произведениях его современников. Из всех современников Низами мы пока располагаем только диванами Фелеки и Хакани. Произведения остальных авторов хотя частично и дошли до нашего времени, но существуют только в единичных рукописях и доньше почти не исследованы.

Таким образом, приводится заключить, что единственным, более или менее надежным источником могут служить только собственные произведения Низами. Но даже и здесь приходится соблюдать чрезвычайную осторожность, ибо современных - Низами рукописей его творений пока нигде не обнаружено. Поздних рукописей (XV, XVI и следующих веков), правда, очень много, но сличение их с рукописями XIV века, старейшими из дошедших до нас, ясно показывает, какое огромное количество интерполяций ^[12], искажений и т. п. имелось в них уже через два столетия после его смерти. Труды советских ученых в последние годы перед Великой Отечественной войной были подготовлены к изданию почти все основные произведения Низами на базе старейших из известных нам рукописей почти всех книгохранилищ мира. Этот текст пока приходится считать наиболее подлинным источником, и на нем покоится большая часть всего того, что будет изложено в этой книге.

Пусть лучше тот образ, который мы попытаемся здесь нарисовать, будет неполным, но все же мы предпочитаем оставаться в области признаваемых нами бесспорными фактов, и если кое-где допустим предположения, то всякий раз оговорим это.

Великий азербайджанский поэт Низами родился в Гандже, предположительно, около 1141 года. Звали его Ильяс, отца - Юсуф, деда - Зеки Муайяд. Низами ^[13] поэтический псевдоним, как тогда говорили - техаллус. Какие причины заставили его избрать именно такой псевдоним, пока решить невозможно.

Что родиной его является Ганджа, удостоверяют все старые источники. Сам Низами нигде не называет места своего рождения, но Ганджу, как место постоянного жительства, упоминает очень часто, причем упоминает

на протяжении всей своей жизни. Правда, в некоторых рукописях его поэм можно найти строку, называющую местом рождения его Кум - небольшой город в персидском Ираке, но эта строка, как сейчас точно установлено, встречается только в поздних рукописях и является позднейшей вставкой. О семье его у нас данных почти нет.

Всей своей жизнью, всем творчеством Низами принадлежит Азербайджану, давшему ему и темы для его ярких картин и краски для них. Припомним здесь то, что сообщил по этому поводу украинский писатель М. Бажан о своей беседе с И. В. Сталиным:

«Товарищ Сталин говорил об азербайджанском поэте Низами, цитировал его произведения, чтобы словами самого поэта разбить безосновательность того утверждения, что, дескать, этого великого поэта нашего братского азербайджанского народа нужно отдать иранской литературе только потому, что он, мол, большинство своих поэм писал на иранском языке. Низами в своих поэмах сам утверждает, что он вынужден был прибегнуть к иранскому языку, ибо ему не разрешают обращаться к своему народу на родном языке. Вот именно это место и цитировал товарищ Сталин, гениальным размахом своей мысли и эрудиции охватывая все выдающееся, что создано историей человечества»^[14] Источники XV века приписывают Низами брата, который тоже был поэтом и носил псевдоним Кивами. Но, поскольку Низами в той главе своей поэмы «Лейли и Меджнун», где он перечисляет свою родню, ни слова не говорит об этом брате, приходится предполагать, что эти данные едва ли имеют под собой историческую почву. Но, правда, приходится учитывать и то обстоятельство, что в указанной главе Низами говорит только о тех членах своей семьи, которые ко времени написания поэмы уже скончались. Можно было бы допустить, что брат не упомянут потому, что тогда еще был жив.

О социальном положении семьи Низами никаких данных нет. Здесь приходится идти ощупью. Можно категорически утверждать, что с военной аристократией своего времени он, безусловно, связан не был. Его произведения убедительно говорят о том, что симпатий к этому сословию у него не было. Он постоянно говорит о его пороках, выступает как защитник городского населения, трагические жизненные условия которого показывает ярко и убедительно.

Сомнительна и связь Низами с крестьянством. Правда, о крестьянах он всегда отзывается сочувственно. Но образы их занимают у него второстепенное, подчиненное место, что в случае наличия тесной связи с крестьянством было бы маловероятно.

Исключив эти две группы населения, мы тем самым приходим к

неизбежному выводу, что Низами был связан с городскими жителями Ганджи. Среди городского населения того времени можно установить такое деление: гражданская администрация, или чиновничество, лица умственного труда (преподаватели медресе [\[15\]](#) и мектебов [\[16\]](#) , врачи, ученые), купечество и ремесленники. Едва ли можно думать, что - эти группы были особенно резко отграничены друг от друга. Вспомним Хакани, у которого отец был плотником, а дядя - врачом и ученым. На принадлежность семьи Низами к какой-либо определенной группе городского населения мы пока указать не можем.

Но одно остается несомненным. К какому бы слою населения ни принадлежал поэт, семья его должна была располагать каким-то достатком. Далее мы увидим, какими обширными познаниями во всех областях тогдашних наук обладал Низами. Для приобретения таких знаний нужна была известная обеспеченность, ибо если даже он и мог пользоваться бесплатным обучением, то все же нужен был еще и досуг для научной работы, а также средства для приобретения книг и бумаги - для письма, что в то время стоило довольно дорого.

Выработка поэтической техники, того высокого мастерства, которое отличает уже самые ранние из известных нам произведений Низами, тоже требовала затраты значительного времени. Едва ли можно допустить, что Низами добился таких результатов, урывая свободное время от торговли или занятия каким-либо ремеслом. Таким образом, нам кажется, что, рассуждая чисто логически, мы должны признать наличие какого-то достатка у семьи Низами,

Как и где получил Низами образование? На этот вопрос мы пока ответить не можем. Низами, кроме одного случая, о котором далее, ни разу не упоминает о выезде из своего родного города, - более того, иногда мечтает о возможности путешествия, но жалуется на «заклечение» в Гандже. Поэтому приходится думать, что и обучение его протекало там же. Ученые в Гандже были. Были, конечно, и медресе, где могли быть изучены науки того времени.

Из произведений Низами видно, что образование его было весьма многогранным. Он и сам говорит, что углублялся во все отрасли знания,

Все, что есть из тонкостей науки о звездах,
Со всеми до одной сокрытыми истинами наук.
Все прочитал я и тайны каждого листа доискивался.
Когда тебя нашел, листы знаний омыл.

Попытаемся установить, с какими отраслями наук был знаком Низами.

Прежде всего, конечно, он вполне владел основой всей научной литературы того времени - арабским языком. Без знания этого языка было бы невозможно изучение всех тех дисциплин, о которых пойдет речь далее. На владение арабским языком указывает и широкое использование в «Лейли и Меджнун» всех материалов по истории Меджнуна, которые в то время были доступны только на арабском языке.

О совершенном владении персидским литературным языком говорит любая строка его поэмы и на этом останавливаться нет надобности. Низами изучил этот язык не только по произведениям своих предшественников. Он уделял большое внимание и живой речи, о чем свидетельствуют обильные поговорки, рассыпанные по его поэмам. Пользовался он и различными пособиями, в частности уже существовавшими тогда толковыми словарями (ферхенгами) персидского языка.

Возможно, что, помимо этих двух основных языков халифата XII века, Низами знал и еще какие-то языки.

Было бы неудивительно, если бы житель Ганджи обладал в какой-то мере знакомством с грузинским или армянским языками. Поэт мог, наконец, прибегать и к помощи друзей и знакомых, для которых эти языки были родными. Что Низами в какой-то мере был знаком с христианской литературой, доказывают хотя бы встречающиеся у него парафразы отдельных мест из Евангелия.

Следующим основным предметом изучения в XII веке было, конечно, богословие, переплетенное с юридическими науками (фикх), излагающими нормы шариата ^[17]. Доказывать прекрасную осведомленность Низами в этой области тоже едва ли нужно. Вступительные части всех его поэм затрагивают сложнейшие вопросы мусульманской теологии.

В связи с этой дисциплиной стоит и ахлак - этика, учение о морали. Область философии была для Низами тоже близко знакомой. Совершенно несомненно, что он не ограничивался одной схоластической философией ислама (келамом), но широко пользовался также и работами греческих философов, проникшими в мусульманский мир.

Так в одной из поэм мы находим весьма обширную цитату из «Государства» Платона, книги, правда, переведенной на арабский язык, но известной далеко не многим из тогдашних ученых. Конечно, многое в традициях классического мира для него было не ясно. Но количество использованных им античных преданий все же весьма значительно.

Переходя к наукам о природе, на первом месте нужно назвать астрономию и связанную с ней астрологию. О знакомстве Низами с астрологией говорят встречающиеся в поэмах обстоятельные описания

гороскопов. Упоминания о различных планетах и их свойствах часты во всех поэмах. Есть и места, где уже можно говорить не об астрологии, а об астрономии в полном смысле этого слова. Так блестящее описание звездного неба в поэме «Лейли и Меджнун», несомненно, является результатом непосредственного наблюдения.

Знаком был Низами и с географической и космографической литературой своего времени. Описания походов Александра Македонского показывают, каковы были его представления о географии, причем особенно интересно, что известные ему рассказы о «чудесах вселенной» он всегда пытается толковать рационалистически.

Несколько меньшее место занимают математика и химия. Характерно, что в алхимию, которой в это время, да и позднее, сильно увлекались, Низами не верит и высоко ценит тех, кто не доверяет шарлатанам-алхимикам:

У того во власти находится философский камень,
Кто не поддается на уловки алхимиков.

Нередки в произведениях Низами упоминания медицинских и анатомических терминов; есть даже целые анатомические картины.

Если сопоставить все это, то мы убедимся, что Низами действительно обладал всей совокупностью знаний своего времени. Нужно помнить, что тогда наука еще не была дифференцирована и звания ученого достаивался лишь тот, кто был знаком со всем кругом наук.

Однако все эти знания Низами не удовлетворяли. Повидимому, его основное требование к науке было - улучшить жизнь человека, облегчить ему существование, а этого все эти дисциплины дать, понятно, не могли. И, беседуя с сыном, Низами приходит к такому выводу:

Пророк сказал: наука всех наук -
Наука о религиях и наука о телах.
В пупке двух наук аромат благовония.
Эти две науки: факих^[18] или таиб^[19]
Будь таибом с Иисусовым духом,
Но только не таибом, умерщвляющим людей.
Будь факихом, накапливающим смирение, :
Но только не факихом, учащим уловкам. ;
Если ты станешь и тем к другим, высоким станешь.
Перед всеми людьми ценным станешь.

Хотя Низами в подтверждение своих слов и ссылается на изречение

пророка, но в этих словах, несомненно, заключено и его собственное мнение. Обе профессии, если их брать в идеале, ставят себе задачей живую, конкретную помощь ближнему, именно ту цель, которую преследовало и все художественное творчество Низами.

Конечно, не нужно думать, что все эти дисциплины он освоил уже в юности, - многое он мог изучить позднее, - но очевидно, что уже в юности у него была заложена прочная база знаний.

При такой подготовке Низами мог надеяться на блестящую карьеру. Если вспомнить, что ко всем этим знаниям прибавлялось еще и огромное поэтическое дарование, то становится ясно, что, вступив на путь придворного поэта, Низами мог рассчитывать на быстрый и головокружительный успех.

Но Низами придворным поэтом не стал. Более того, он не стал и профессиональным ученым, ибо мы не слышим ничего о том, что у него когда-либо были ученики и последователи. Не избрал Низами и путь суфизма, не стал дервишеским шейхом. Хотя большинство западноевропейских ученых считает Низами поэтом суфийского толка, но с этим согласиться нельзя. Нет слов, что некоторая суфийская окраска в его произведениях есть, но у какого мусульманского поэта XII века ее не было? Суфийских теорий Низами не излагает нигде, терминологией суфизма не пользуется. Наконец, нужно заметить, что, по воззрениям XII века, всякий, кто вступал на путь дервишизма, должен был избрать себе духовного наставника, «старца» (пира). На первых этапах дервиш должен был полностью, целиком отдать себя в распоряжение наставника, стать как бы «трупом в руках омывателя трупов». Считалось, что без надлежащего руководства пройти путь мистического познания невозможно, что «у дервиша, у которого нет пира, пиром станет шайтан». И вот установить, был ли у Низами такой наставник, пока крайне трудно.

Из всех заметок о жизни Низами только в одной антологии XV века мы находим указание, что он «был из числа муридов (учеников) Ахи Фаррух Зенджани». Такой шейх известен, но, по имеющимся данным, умер он в 1064 году, то есть за семьдесят с лишним лет до рождения Низами. Таким образом, это указание приходится считать плодом какого-то недоразумения. Единственное возможное здесь объяснение, что Низами, никогда не выдав шейха, мог считать себя его последователем, как бы «духовным» его учеником. Такие случаи известны, и возможность этого не исключена.

Крайне интересно здесь то обстоятельство, что традиция связала имя Низами не с каким-либо знаменитым основателем ордена, а с человеком, носившим прозвище «ахи» Это прозвище, по-арабски означающее «брат

мой», в сборниках биографий суфийских шейхов встречается не часто. Характерно, что обо всех шейхах, носивших такой титул, обычно сообщаются крайне скудные сведения. Видимо, организация, члены которой называли друг друга ахи, особой известностью среди широкой массы суфиев не пользовалась, а потому сведений о ней дошло крайне мало.

Из отрывочных сведений, имеющихся в старых источниках, можно заключить, что ахи имели какую-то связь с организацией, в арабских странах носившей название фитьян (рыцари, единственное число - фата), в иранских - джаванмард (благородные). Руководители этой тайной организации, принимавшей новых членов с соблюдением особых обрядов, напоминающих посвящение в рыцари в Западной Европе, были, вероятно, связаны с правящими классами, но главная масса членов вербовалась в среде городской бедноты и ремесленников. Есть много отрывочных указаний на распространенность ахи в XIV веке в Малой Азии, где она играли видную роль в общественной жизни. Любопытную характеристику их дает путешественник Ибн-Батута, между 1325-1332 годами совершивший поездку по Малой Азии. Он говорит, что «они есть во всех туркменских, румских ^[20] областях, в каждом поселении, городе и деревне. И не найти в мире людей, более заботливых, чем они, к чужестранцам, более поспешных в стремлении накормить голодного и удовлетворить потребности нуждающихся, и пресечь руку насильников, и убить воеводу или тех, кто примыкает к ним из злых людей. А ахи у них - это человек, который собирает людей своей и иных профессий из юношей, холостяков и одиноких, а приходят они также и сами, а это также называется и футувва ^[21] .

Строит он обитель и расстановливает в ней обстановку и светочи, и все, что необходимо из утвари. И товарищи его служат днем, добывая себе пропитание, и идут к нему после сумерек с тем, что набралось у него, и покупают на это плоды и пищу, все прочее, что потребуется в обители. Если приедет в этот день странник в город, берут они его к себе на постой, и живет он у них гостем, и не уходит он от них, пока не уедет... И не видал я в мире людей, более праведных делами, чем они...»

На собраниях ахи были одеты так: «одежда их - каба (широкий кафтан), на ногах у них кожаные сапоги, каждый из них опоясан, а за поясом у него нож длиной в два локтя...»

Конечно, нельзя быть уверенным, что в XII веке ахи были тем же, что они представляли собой в XIV веке. Но все же что-то общее должно было

сохраниться. Совершенно очевидно, что «обитель», описанная Ибн-Батутой, это не дервишеский монастырь - ханака, а организация, тесно связанная с трудовыми кругами населения. Чрезвычайно важно, что, в противоположность пассивности дервишей, ахи готовы защищать свои права с оружием в руках и устранять превышающих власть правительственных чиновников. Дервиши всегда призывают к смирению, к надежде на защиту бога и покорному перенесению невзгод. Носить за поясом нож им отнюдь несвойственно. Крайне важно отметить, что и Низами в некоторых местах своих поэм выражает точку зрения, очень близкую к взглядам ахи. В «Лейли и Меджнун» он говорит:

Зачем тебе унижаться перед подлецами?
Зачем быть игрушкой недостойных?
Что ты склоняешь голову под всякую затрещину?
Зачем ты покорно принимаешь всякое насилие?
Выпрями спину, как гора,
С мягкосердечными будь суров.
Унижение несет внутренний ущерб,
Перенесение несправедливости влечет вялость.
Будь, словно шип, с копьем на плече,
Тогда возьмешь в объятья охапку роз.

Таких советов ни один дервишский шейх не давал своим муридам. Но нетрудно убедиться, что содержание этого отрывка близко подходит к тому, что сообщает Ибн-Батута об ахи.

Поэтому можно допустить предположение, что упоминание ахи в качестве наставника Низами, может быть, и не случайность и не простая описка. Можно легко себе представить, что Низами в поисках путей к улучшению человеческого общества не удовлетворился тем, что давал ему суфизм. Встретившись с ахи, наличие организации которых в Гандже в то время вполне возможно, он мог плениться их учениями и сблизиться с ними.

Как и когда Низами начал пробовать свои силы в поэзии, мы не знаем. Затруднение здесь возникает потому, что вопрос о лирике Низами до сих пор полной ясности не получил.

Неслыханный успех, пылавший на долю поэм Низами, отодвинул его лирику на второй план. Похоже на то, что Низами сам свои лирические стихотворения не соединил в сборник и что несколько сборников его лирики, существующих в настоящее время в рукописном виде в различных библиотеках мира, составлены значительное время спустя после его смерти

любителями, выискивавшими эти стихи в разных антологиях. Поэтов, носивших псевдоним Низами, было несколько. Любители не всегда могли разобраться в том, какому Низами принадлежат найденные ими газели, и потому к сборникам этим приходится относиться сугубо критически. Совершенно очевидно, что много слабых, сугубо формальных стихотворений попало в них по ошибке и не принадлежат великому поэту. Однако в этих же сборниках есть и яркие, сильные произведения, подлинность которых сомнений не вызывает.

Анализ этих сборников показывает, что хотя Низами призвание свое и видел в создании больших поэм, но, тем не менее, он уделял известное внимание и лирике и писал лирические стихи на протяжении всей своей жизни, вплоть до последних лет. Естественно поэтому предположить, что начал он свою поэтическую карьеру именно с лирики.

Это предположение можно подтвердить рядом наблюдений. В нескольких газелях Низами встречается упоминание о ширваншахе Ахсатане, в одной упомянут Ильдигизид Кизил-Арслан. Эти стихи могли быть написаны тогда, когда поэту было приблизительно 20-30 лет. Сам Низами в поэме «Семь красавиц», говоря о своей карьере, упоминает, что наибольший успех выпал «а его долю в молодости, когда он был еще незрелым;

Время пожирало меня в незрелости,

Делало глазную примочку из незрелого винограда ^[22] Когда же я дошел до состояния зрелого винограда,

Я получаю уколы осиных жал.

Наличие ;в стихах Низами имен правителей как будто говорит о том, что он в юные годы помышлял о карьере придворного поэта. В поэме «Хосров и Ширин» он пишет:

Речи о детстве и самовлюбленности

Оставь, - мечта это была и опьянение.

Иными словами: не говори о тех мечтах, которые обуревали меня, когда я, еще почти ребенок, склонен был эгоистически переоценивать свои достоинства.

Сопоставляя все эти факты, можно допустить, что начало поэтической карьеры Низами складывалось примерно так. Он получил всю ту подготовку, которая была необходима для придворного поэта, попробовал свои силы на этом поприще и сразу же добился значительного успеха. Доступ в дворцовые залы для него открылся.

Но тут наступили какие-то малоизвестные нам обстоятельства, которые заставили молодого поэта отвернуться от этой карьеры и предпочесть сохранение личной свободы блеску придворных сфер. Причины могли быть различны. С одной стороны, Низами, добившись успеха, немедленно столкнулся со своими будущими коллегами, уже занимавшими посты придворных поэтов. Их опытный глаз сразу оценил силы Низами. У них не могло быть сомнения в том, что это соперник, вытеснить которого не легко. Были пущены в ход все интриги, все те гнусности, на которые была способна эта, в силу шаткости своего общественного положения, морально низко стоявшая клика. Не случайно Низами уже в первой своей поэме жалуется на стариков-завистников:

Чем старее эти люди, тем они хуже.

Они только звук, как горная госпожа^[23] У старика редко бывает справедливость к молодым,

Редко старик благожелателен к юноше.

И далее:

Старые псы охотятся, как львы,

Наподобие волков разрывают пупок газелей.

Если я опасаюсь старых волков.

То взгляни на мое подобие Иосифу - и не придирайся ко мне ^[24].

Думается, однако, что одни «старые волки» не смогли бы преградить Низами путь в дворцовые залы. Столкнувшись ближе с поэтами, он должен был быстро убедиться в том, что внешний блеск, окружавший их жизнь и пленявший многих талантливых юношей, на самом деле скрывал жизнь тяжелую, полную опасностей, необходимость раболепствовать перед сильными мира сего и в то же время знать, что любое, неосторожно сказанное слово несет гибель или долгие годы заключения.

Рядом с этим должен был начать действовать и еще один, крайне важный фактор: влияние какой-то сильной личности, может быть, кого-либо из ахи, говорившего Низами о красоте честного труда, о необходимости трудом зарабатывать хлеб, а не гнаться за подачками богачей. Эти мотивы мощно звучат уже в его первой поэме:

Себе труда, друзьям покоя ищи!

Бери себе болезнь, другим неси исцеление,

И далее:

Прахом питайся, но хлеба скупцов не ешь!

Ты же не прах! Не давай же попира́ть себя подлецам.

В сердце и руки сплошь тернии вонзи,
Не покоряйся, за труд берись.
Лучше приучиться к какому-либо труду,
Чтобы не протягивать руку перед другими.

Эти строки совершенно явно направлены против придворных поэтов, «протягивающих руку перед подлецами» Низами тут же указывает, что только труд может избавить человека от этой горькой необходимости.

Все это заставляет полагать, что Низами резко изменил свои первоначальные планы, отошел от придворных поэтов и занялся каким-то трудом. Каким - на это мы, к сожалению, ответить не можем. В дальнейших поэмах он нередко упоминает о том, что если бы не неотложная работа, он справился бы с поэмой значительно быстрее.

Следовательно, рядом с этим было и какое-то другое дело. Низами никакой честный труд не считал унижительным для человека. Поэтому он мог заниматься любым видом полезной деятельности. К сожалению, самое внимательное изучение его поэм все же не позволяет сделать никакого заключения о характере этой работы.

Во всяком случае, работа эта хотя и мешала его творчеству, но Низами все же полностью от него не отказался, а только направил его по совершенно иному руслу.

«СОКРОВИЩНИЦА ТАЙН» И НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ПОЭЗИИ

Установление точной даты окончания первой большой поэмы Низами «Сокровищница тайн» встречает очень большие затруднения. Поэма посвящена правителю Эрзинджана в Малой Азии, Фахраддин Бехрамшах ибн-Дауду, который правил с 1166 по 1225 год. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что ранее 1166 года это посвящение сделано быть не могло.

В самой поэме есть указание на дату в таких строках:

Довольно пятисот семидесяти лет сна,
Яркий день настал, спеши на сборище.

Отсюда как будто можно было бы заключить, что поэма написана в 570 году мусульманского летоисчисления, то есть в 1174/1175 годах. Но, к сожалению, даже и в самых старых рукописях есть расхождение, и рядом с 570 годом мы находим 550 год и 580 год. Ритмически возможно любое чтение, но, конечно, 550 (1155/1156) год - дата совершенно абсурдная, ибо она противоречит хронологии Бехрамшаха, да и нельзя допустить мысль, что такую поэму мог создать пятнадцатилетний мальчик.

Не утруждая здесь читателей сложными выкладками, отметим, что путем сопоставления ряда фактов можно прийти к выводу о том, что работа

над этой поэмой протекала между 1173 и 1179 годами, причем более вероятны были ранние годы, то есть Низами писал ее, когда ему было немного более тридцати лет.

Повидимому, у Низами было намерение лично отвезти поэму Бехрамшаху, но помешали этому военные действия:

Хотя и замкнулось кольцо войны
И выхода нет из-за этой стены^[25] И далее:
Но вижу - на всех перекрестках львы.^[26]
Кинжалы, мечи у моей головы.

Не обязательно думать, что здесь речь идет о крупных военных столкновениях, может быть, имеется в виду просто небезопасность проезжих дорог для мирного населения.

Какие последствия для поэта имела отправка поэмы в Эрзинджан, мы не знаем. У историка сельджуков Ибн-Биби есть такой рассказ:

«И в этом году творец слов ходжа Низами Ганджави сложил в стихах, словно ожерелье из крупных жемчугов, на имя его августейшего величества книгу «Сокровищница тайн» и послал его величеству как дар и приношение. Мелик (царь) послал ему в награду с одним из наибов и хаджибов^[27] который был достоин вести с ним беседу, пять тысяч динаров золотом, и пять оседланных коней с убранством, и пять иноходцев-мулов, и почетные платья, расшитые самоцветами. Книгу эту он очень одобрил и сказал: «Если бы было возможно, то целые казнохранилища и сокровищницы послал бы я в награду и дар за эту книгу, которая сложена в стихах, подобных жемчугам, ибо имя мое благодаря ей сохранится в мире вечно. Похвалы и порицание писателей и поэтов - единственное средство для сохранения доброй славы или позора в этом непрочном мире и предательском времени. Так, потому, что предводитель арабских и иранских мудрецов... Фирдоуси Туси, сочинивший «Шах-намэ», - а более ценной жемчужины, чем оно, не было видно никогда, - не получил взамен своих трудов сокровища; восхваление султана Махмуда, по той причине, что допустил он по отношению к поэту оплошность, в устах народов мира сменилось на поношение».

В какой мере эти сведения соответствуют действительности, сказать сейчас трудно. Сам поэт нигде об этом даже не упоминает. Очень возможно, что «достойные доверия» придворные чины доверия не оправдали и дар хотя и был отправлен, но попал совсем не туда, куда он предназначался. Во всяком случае, нужно иметь в виду, что хотя Низами на

какой-то дар, вероятно, и рассчитывал, но отнюдь не собирався торговать своими творениями. Иначе он не говорил бы в этой же самой поэме с таким презрением о поэтах, торгующих своим словом:

Взвешиватели серебра, что томятся по золоту,
Чекан этого дела на золото положили.
Но всякий, кто отдал за золото мысль, яркую, как день,
Взял камень, а отдал за него бесценный самоцвет.

«Сокровищница тайн» принадлежит к жанру дидактико-философской поэзии. Дидактическая поэзия хорасанским поэтам была известна еще в X веке. Можно с уверенностью полагать, что «Калила и Димна» Рудаки сохраняла дидактичность, присущую этому сюжету. Но поэма эта вряд ли стояла особняком среди бухарской поэзии X века, и только то печальное состояние, в котором дошли до нас памятники этого времени, не позволяет нам судить об этой поэзии более уверенно.

Жанр дидактической поэзии до большого совершенства довел газневидский поэт Мадждуд ибн-Адам Санаи (умер в конце первой половины XII века), поэма которого «Хадикат ал-хакаик» («Сад истин») получила весьма широкое распространение.

Приступая к своей первой поэме, Низами совершенно явно собирався создать некоторую параллель к этой поэме Санаи. Он говорит:

Двух славных поэтов две книги на суд,
И обе печать Бехрамшахов несут.
Той - золото новый нам вынес рудник.
Мой жемчуг - из нового моря возник.

В самом деле, поэма Санаи тоже была посвящена Бехрамшаху, правителю Газны - Бехрамшах ибн-Мас'уд ибн-Ибрахиму (1118-1157). Но хотя между этими поэмами и есть связь, все же произведение Низами никак нельзя считать «ответом» (назира) или подражанием поэме Санаи; создавая «ответ», поэт должен был сохранить основные черты тематики оригинала и обязательно использовать в своем произведении ту же метрическую схему.

Низами ни того, ни другого не сохраняет. Если Санаи в своей поэме использовал метр, носящий название хафиф, то Низами «Сокровищницу тайн» построил по схеме метра сари.

Низами считал, что этим размером до него никто в повествовательной поэзии не пользовался. Об этом говорит приведенная выше строка, ибо слова «мой жемчуг - из нового моря возник» имеют двойней смысл. Слово бахр - море - в то же время означает метр - размер в поэзии. Таким образом,

эта строка может быть передана и так:

Эту жемчужину новым метром создала.

Об этом говорит и другой бейт (двустигийе) этой же поэмы:

Создал я новые чары, ,;.

Облик из новой формы отлил.

Однако дошедшие до нас фрагменты показывают, что уже в X веке один из бухарских поэтов пытался применить этот метр в эпосе. Возможно, что поэма его широкого распространения не подучила и Низами известна не была.

Уже в самом начале поэмы Низами резко противопоставляет себя придворным поэтам, подчеркивая, что она не может считаться произведением придворного стиля:

Хотя к этому дворцу служители

Обратились, прославляя,

Но перед Низами стоит они смиренно:

Он - иной, а эти иные - кто такие?

Ведь я оставил их на этой стоянке,

На целый переход подале погнал коня.

Меч я сделал из алмаза,

Всем, кто следом пойдет, голову снес.

Отход от придворной поэзии виден и в самом названии поэмы. Оно, очевидно, связано с преданием, пользовавшимся распространением среди поэтов. В ночь Ми'раджа, когда Мухаммед внезапно вознесся на небо, он увидел под небесным престолом закрытое на замок помещение. Он спросил: «О, брат мой Джибраил [архангел Гавриил], что это за место?» Ответ был: «О, посланник божий, это - сокровищница глубоких мыслей, а языки поэтов твоей общины - ключи к ней».

Низами усиленно подчеркивает оригинальность своего произведения:

Я слова по чужим образцам не вязал,

Что велело мне сердце, лишь то и сказал.

Он говорит о поэме:

К ее сахару - рой чужих мух не летал,

К рою мух ее - сахар чужой не пристал.

Другими словами, мысли ее свежи, их никто еще не успел использовать, и автор ни у кого своего сахара не заимствовал.

Но она не только оригинальна, она и в отношении формы стремится к новизне:

Наш способ странней -невниманье забудь,
Вчитайся - не будет он странным ничуть.
Ведь речь, что стройней очертаний стебля,
Свой мед на чужих не сбирала полях.
Людского устроенней рода она,
Свежей и древней небосвода она.

Низами подчеркивает необычайность манеры своей поэмы, но указывает, что эта необычайность требует от читателя вдумчивого, любовного отношения, и тогда ее странность не будет помехой. Вся поэма как бы отливает разными цветами и, в сущности говоря, требует не только перевода, а одновременно и пространного комментария, раскрывающего всю ее глубину и беспримерную тонкость построения. Можно сказать, что эта поэма - одно из труднейших произведений на персидском языке. Это ощущалось и учеными Востока, создавшими ряд толкований к этой книге.

«Сокровищница тайн» состоит из вступительной части и двадцати глав, названных «беседами» (макалэ). Вступление содержит, по обычаю того времени, прославление бога, ряд страстных молитв и прославление пророка Мухаммеда.

За этим следует как бы предисловие к поэме, состоящее из трех разделов: о значении и достоинстве этой книги, о достоинстве слова, о превосходстве мерной речи над речью прозаической. Подчеркивая преимущество мерной и рифмованной речи перед речью обычной, поэт обрушивается с суровой критикой на рифмоплетов, пишущих стихи ради хлеба. Низами знает, какие опасности таит служба царям:

Но султанской парчой обмотавший висок -
Все ж съел напоследок железа кусок.

То есть, какими бы почестями ни награждал султан поэта, а последняя его «награда»-нож палача в горле. Эту мысль Низами подчеркивает часто, и мы выше видели, что обстановка того времени вполне оправдывала такой пессимистический взгляд на карьеру придворного поэта.

В этом же разделе Низами подчеркивает еще одну особенность своей поэмы:

Придал вдохновенью я кельи закал,
Поэзию вывел я из кабака.

Мы опять-таки видели выше, что главной обязанностью придворного поэта, особенно ширваншахов, было воспевание попоек, восхваление вина

и подчас цинично-грязные сатиры. Низами хочет сказать, что его задача иная - он придает поэзии высокую моральную базу, заставляет ее говорить о глубоких философских вопросах, стремится к поучению читателя.

Следом за этими .разделами идет последняя часть вступления, как бы открывающая причины и обстоятельства, при которых написана поэма. Эта часть построена на мистической символике и в ярких образах пытается передать сокровенные переживания поэта.

Начинается она с описания ночи, полного своеобразных и зачастую крайне трудных образов. В ночной тишине поэта окликает внутренний голос (хатиф). Он предлагает ему отказаться от всех внешних чувств и искать пути внутрь себя, к тому единому Другу, жить без которого нельзя. Поэт погружается в раздумье. С величайшим трудом ему удастся проникнуть в сокровенный внутренний мир. В этом сокровенном царстве он находит султана - сердце - и вступает с ним в беседу.

Тут только начинается основная часть поэмы. Первая беседа идет о сотворении человека в плане коранических [\[28\]](#) легенд, о грехопадении его и возвышении, как повелителя земного шара. Адам добился этого возвышения, так как от души раскаивался и молил о прощении. Это положение поясняется заключающей беседу притчей. Некто видит во сне тирана-притеснителя и спрашивает его, какая судьба постигла его после смерти. Тиран отвечает, что после смерти он тщетно оглядывался, искал сочувствия, но ни одно существо в мире за него не заступилось. Тогда он понял всю бездну своей низости, устыдился и воззвал к богу, признавая свою вину и умоляя о прощении. Это искреннее признание вины и избавило его от кары.

Смысл этой притчи раскрывает вытекающая из нее вторая беседа. Низами, видимо, рассуждал так. Поставив перед правителем проблему необходимости ответить за свои дела, он может услышать: раз уж совершено столько прегрешений, то кара все равно неизбежна, и потому помышлять об исправлении дела бесплодно. Тонкая правителя на отказ от жестокостей, поэт показывает ему возможность надлежащим поведением искупить вину, как бы старается заинтересовать его в более справедливом отношении к людям, так как оно выгодно ему же самому. Потому-то к первой беседе примыкает вторая беседа - о справедливости. Вся эта глава разрабатывает одну и ту же тему - правосудие выгодно шаху, ибо оно ему же самому несет благо:

Если ты будешь благожелателен к городу и войску, То и весь город и войско будут желать твоего блага.

Город и войско - это противопоставление дружины, носителей оружия,

городскому трудящемуся населению.

Если же султан начинает притеснять народ, то он подрывает этим свое же собственное благосостояние:

Разрушитель дома царства - это притеснение,
Всякое счастье - от непричинения обид.

Эту главу иллюстрирует такая притча. Ануширван Хосров I, шаханшах Ирана (531-579), на охоте отделился от своей свиты и попал, сопровождаемый лишь своим везиром (визирем), в разрушенную и заброшенную деревню. Там он увидел двух сов, которые громко кричали, словно переговариваясь друг с другом. Он спросил везира, не знает ли он, о чем эти птицы разговаривают. Тот ответил: «О повелитель, у них деловой разговор. Одна из них выдала за другую свою дочь и теперь требует калыма, а именно, несколько разрушенных деревень, в развалинах которых любят селиться совы».

Другая - в ответ ей; «О чем говорить!
Взгляни, сколько шах наш успел разорить!
С его притеснениями - долго ли ждать?
Сто тысяч развалин смогу тебе дать!»

Слова везира произвели на царя глубокое впечатление. Он немедленно принял меры, обуздал дружину и отменил подати с измученного крестьянства. Потому-то потомство и запомнило его имя и приложило ему эпитет: «Справедливый».

Мы видим, что каждая беседа поэмы завершается притчей. Так построена поэма до самого конца, причем можно думать, что метод построения Низами заимствовал у восточных народных проповедников, обычно оживлявших свои проповеди такими небольшими нравоучительными рассказами. Характерно, что притча в этой поэме не обязательно связана с темой всей вы. Очень часто Низами берет только последнюю мысль, иллюстрирует ее и, делая из притчи ряд выводов, приходит к теме следующей главы. Так вся поэма связывается в одно органическое целое, течет непрерывным потоком, несмотря на некоторую пестроту ее тематики.

Устремление к справедливости не нужно, однако, откладывать: реализовать его следует как можно скорее, ибо жизнь кратка. Отсюда тема третьей беседы - о превратности судеб мира. Низами дает ряд размышлений на эту тему, - широко разработанную еще древним Востоком, и переходит затем к характеристике своего времени. Он считает его

тяжким, лишенным добродетелей.

Смотри на наш век! Ведь от бесчеловечности
Опасается человек человека.

Выход поэт видит в одном - укреплении верности, верности слову, верности чувству долга. Это поясняет такая притча. Однажды библейский царь Соломон (у Низами Сулейман), в восточной поэзии олицетворяющий собой высшую царскую мощь, выехал в степь. Он встречает там старика-крестьянина, засевающего землю. Царь говорит, что труд его напрасен. У него нет заступа, нет надежды на получение воды. Но старик спокойно отвечает:

Вода моя - вот она! Это пот спины моей.
Заступ - вот! Это пальцы мои.

Каждый должен знать свою меру и свой долг и не тяготиться тем бременем, которое на него возложено.

Но поэт опасается, что эта мысль может быть воспринята как оправдание тягот, испытываемых райатами (крестьянами), и потому в четвертой беседе он возвращается к теме о необходимости для шаха хорошо обращаться с его подданными. Главная обязанность носителя власти - забота о благе подданных и защита их от самодурства насильников. Если измученные насилием крестьяне будут взывать к богу о помощи, то их тяжкие вздохи рано или поздно станут ураганом, который сметет с земли трон притеснителя. Здесь введена великолепная притча о старухе и сельджукском султанае Санджаре. Некая старуха останавливает проезжавшего по дороге султана и горько жалуется ему на обиду, нанесенную ей пьяным шихнэ (градоправителем), который незаконно совершил в ее доме обыск, разыскивая там воображаемого убийцу. Старуха заявляет, что шах, который не охраняет правопорядок, уже не шах, а притязающий на шахскую власть раб. Сельджукская держава окрепла благодаря любви к правосудию. Если Санджар забудет об этом, то гибель его неминуема. Однако, говорит Низами, Санджар легкомысленно отнесся к этим речам и потому погиб сам и погубил сельджукскую державу.

Притча заканчивается суровым осуждением существовавшего в дни Низами строя:

И нет правосудья сейчас на земле,
Ища его лишь на Симурга крыле^[29].
И стыд позабыт под окном голубым^[30],
И честь на земном этом шаре - как дым.

Вставай, Низами, и заплачь от стыда,
Плачь кровью над тем, кому кровь - как вода!

Пятая беседа начинается с глубоко трогательного описания старости. Поэт указывает, что нужно помнить всю цену молодости, нужно пользоваться ею для блага дел, которые старику будут уже не под силу. Надо пользоваться силой, дабы не зависеть от других и жить своим куском хлеба.

Имея кус хлеба и влаги глоток,
Не суйся, как ложка, в чужой котелок.

Труд - основа всего, только труд обеспечивает честную жизнь. Поясняет это притча о старике-кирпичнике, изготовлявшем кирпичи для склепов. Юноша посоветовал ему не гнуть старую спину над тяжелой работой - ведь кусок хлеба ему всегда кто-нибудь подаст. Старик отвечает, что он потому-то и трудится, что не хочет протягивать руку к чужому хлебу.

Шестая беседа посвящена вопросу о значении тварей [\[31\]](#). Поэт отмечает бренность тела в противоположность ценности сердца, как носителя сознания (на Востоке обычно считают сердце, а не мозг, носителем сознания). Но сердце очищается страданием, и потому-то не надо страшиться несчастий: за ними не может не притти радость. У одного охотника была прекрасная собака. Она пропала, и он очень скорбел, но все же не жаловался. Лиса издевалась над ним, но он спокойно ответил, что в этом мире ни горе, ни радость долго не длятся. В этот миг вдруг откуда-то примчался его верный пес и ухватил лису. Мораль рассказа - нужно твердо верить в возможность блага и не терять присутствия духа.

В седьмой беседе автор, продолжая развивать далее этот круг мыслей, пытается установить взаимоотношения человека и животного. Эта тема интересовала Восток давно и уже освещалась басрийскими энциклопедистами X века, известными под прозвищем «Братьев чистоты». Низами рассматривает мир как единое целое, где всякое явление занимает определенное ему место. Следовательно, не может быть ни единой твари, абсолютно лишенной ценности; всякая тварь - необходимое звено в сцеплении всего мира, как целого. Твари служат человеку, но и этого не следует, что он может считать себя свободным от обязательств по отношению к ним. Заботься о них, тогда и они отплатят тебе добром.

Дашь им башмаки - они отдадут тебе шапку,
Разорвешь завесу - они разорвут твою завесу, словно месяц [\[32\]](#).

Поясняется это притчей о том, как легендарный царь древнего Ирана Феридун, охотясь за газелью, услышал голос ч стрелы и коня, возвещавший, что ради забавы бессловесную тварь истреблять нельзя. Предание это, весьма близкое к христианской легенде о покровителе охотников святом Губерте, возможно, восходит к манихейским традициям [33] . Но у Низами оно, конечно, связано с другим кругом мыслей. Не нужно забывать, что грандиозные охоты, принимавшие характер массового истребления животных, были в это время излюбленным развлечением правителей, зачастую видевших в этой забаве чуть ли не весь смысл жизни. Низами требует от шаха, чтобы он не предавался забавам, а смысл жизни видел в служении людям.

Отсюда (восьмая беседа) поэт переходит к вопросу об отношении человека к миру. Понятие греха внесено в мир человеком, поэтому обольщаться этим миром не следует, не нужно поддаваться его «лести», а спокойно идти своим путем. Вор пытался обмануть лисицу, сторожившую фруктовый сад. Он провел ее только тогда, когда заснул у нее на глазах и так склонил ко сну и ее самоё.

Но раз так, то как же следует использовать эту жизнь? Ответ дает девятая беседа. Человек должен в этой жизни подготовить себе запас для жизни будущей, подобно тому, как шахи, переезжая куда-нибудь, посылают вперед продовольствие. Но этот запас может быть создан, в первую очередь, трудом.

Мы пришли ради труда [в этот мир],
Не ради пустых разговоров мы пришли.

Если допущены ошибки, то это еще не должно быть причиной для отчаяния. Нужно признать вину и искренне молить о прощении. Так, закутивший святоша горько жаловался на свою судьбу, но получил указание, что от него ждут не жалоб, а искренней мольбы о прощении.

Десятая беседа говорит о бренности мира. Но все же видеть в нем лишь одни недостатки было бы неправильно. Недостатки нужно видеть прежде всего свои, это приучит к смирению. В мире же, даже в самых безобразных его явлениях, нужно стараться найти то, что в них прекрасно.

Но все же (одиннадцатая беседа) чрезмерного значения этим красотам придавать нельзя. Жизнь все равно оборвется. Некий мобед (зороастрийский жрец) любовался весенним садом, но, увидев его осенью опустошенным, понял, насколько все в этом мире непрочное.

Преодолеть соблазны этого мира (двенадцатая беседа) может всякий, у кого есть мудрость к сила воли. Это поясняется очень любопытной

притчей. Два мудреца устроили состязание, чтобы выяснить, чья твердость сильнее. Первый поднес второму чашу со страшным ядом. Тот выпил, сразу же установил, из чего он состоит, и парализовал его действие противоядием. После этого он поднес первому цветок, над которым сначала немного пошептал. Тот так боялся его чар, что, понюхав цветок, сразу же умер, хотя никакой отравы в нем не было.

Беседа тринадцатая посвящена золоту, этому влекущему к себе людей кумиру. Оно, говорит поэт, способно приносить пользу, но полезнее всего для тебя оно тогда, когда ты не берешь, а отдаешь его. Некий муж уехал в - паломничество и оставил на хранение одному шейху свое золото. «Праведный -муж» воспользовался случаем - и прокутил все, до последней полушки. Вернувшись, паломник узнает, что деньги растрачены, и отказывается требовать у шейха возврата золота. Шейх стал теперь нищим, а требовать что-либо можно только у богатых, не у нищих.

Чтобы правильно установить цену земных благ (четырнадцатая беседа), нужно «выпрямить» свою собственную природу, нужно быть справедливым и точным, как весы. Это поясняется рассказом о царепритеснителе - одной из лучших притч всей поэмы. Жил некий тиран, беспощадно угнетавший своих подданных. Его окружал целый штат шпионов, доносивших ему обо всех, кто так или иначе решался выражать свое недовольство его притеснением. Однажды ему доложили, что в городе есть старец, который осмеливается называть его кровопийцей, проливающим невинную кровь. Тиран возликовал. Он приказал все приготовить для казни и немедленно привести старца. Его приводят. Тиран не решается взглянуть в лицо жертвы. Уставившись в землю, он начинает говорить старцу, в чем его обвиняют. Тот, к его величайшему удивлению, не смущается. «Да, - отвечает он, - я говорил это, я говорил и еще больше: я говорил, что ты своим насилием губишь страну. Но я - только зеркало, показывающее твои недостатки. Если ты недоволен, разбей зеркало, но этим ты дела не поправишь». Слова старца произвели глубокое впечатление на тирана, который после этого решительно изменил свою политику и начал заботиться о благе народа. Характерно, что в конце этой притчи Низами говорит о своей правдивости, сближая себя со своим героем и как бы раскрывая истинное назначение своей поэмы.

В пятнадцатой беседе Низами жалуется на стариков, завидующих его таланту и не желающих, чтобы он получил свою долю. Можно думать, что речь идет о придворных поэтах, недоброжелательное отношение которых к молодому поэту заставило его отказаться от своих первоначальных намерений и отойти от придворной жизни. Главу поясняет притча о

молодом царевице, который только тогда смог начать спокойно править страной, когда отделался от старых сановников своего отца.

В шестнадцатой главе поэт снова обращается к себе самому и говорит, что преодолеть завистников можно лишь с помощью известной изворотливости. Завершается глава старой истиной - утверждением, что разумный враг все же лучше глупого друга, что иллюстрируется притчей о ребенке, пострадавшем на прогулке и вырученном из беды не друзьями, а врагом.

Семнадцатая беседа посвящена вопросу о «низшем я», то есть земной индивидуальности. Она существует, по мнению поэта, лишь до последнего вздоха, далее же уничтожается. Следовательно, ее интересы большого значения не имеют. Исходя из этого, и нужно расценивать события этой жизни.

Переходя к оценке своей эпохи (восемнадцатая беседа), Низами горько жалуется на падение нравов и двуличность современников. Истинным другом можно считать только того, кто умеет оберегать твои тайны, кому можно смело довериться. Некий царь сделал юношу поверенным своих тайн. Тот так тщательно оберегал доверенные ему тайны, что, боясь случайно проговориться, вообще перестал говорить. Низами кончает Поучение замечанием, что в его время вообще лучше держать язык за зубами:

Счастлив человек, сомкнувший уста:

Ведь это у бешеной собаки всегда высунут язык.

Но если земное «я» и конечно, то все же час ухода из мира - не конец, а момент расплаты за все. Нашедший правильный путь, поправший земные блага мажет подняться выше ангела (девятнадцатая беседа). У Харун ар-Рашида (обычно именуемого у нас Гарун аль-Рашидом) был брадобрей, позволявший себе неслыханные дерзости по отношению к халифу. Было высказано предположение, что, выполняя свои обязанности, он случайно стоит на месте, где зарыт клад, ибо человека, стоящего на кладе, даже если он не знает об этом, обуревают гордыня. Землю раскопали и действительно нашли клад.

Последняя, двадцатая, беседа снова дает оценку современников, которых поэт осыпает горькими упреками. Они не только не хотят признать его заслуг, но более того, всячески стремятся ослабить и опорочить. Поэтому лучше замолчать и не подвергать себя дальнейшим нападкам. Сокол потому пользуется почетом и сидит на царской руке, что он безгласен, а сладкогласный соловей в унижении питается червями.

Поэму завершает небольшое заключение, содержащее обращение к Бехрамшаху. Поэт признает, что дар его очень скромнен, что, может быть, все это даже и не следовало писать. Но поэма написана всего в несколько ночей. А затем по красноречию ей нет равных, она целиком оригинальна, и если бы она не была такой, поэт не решился бы послать ее из Ганджи в другой город.

*

Этот обзор поэмы показывает, что она представляет собой «поучение», по характеру примыкающее к обильной литературе, разбирающей вопросы морали и правила поведения человека, широко развившейся в мусульманском мире уже к X веку. Мы уже сказали выше, что поэма отличается особым затрудненным стилем, что отмечает и сам ее автор. Низами вообще один из труднейших авторов, а его «Сокровищница тайн» справедливо считается самой трудной среди всех его поэм. Нет сомнения, что эта затрудненность введена в поэму совершенно сознательно. Это не чтение для развлечения. Поэт написал ее так, что почти каждая строка требует углубленного внимания.

Словарь Низами крайне богат. Но никак нельзя было бы утверждать, что поэт гонится за редкими и трудными словами. Трудность его не в этом, а в том, что, применяя то или иное слово, Низами извлекает из него буквально все заложенные в нем возможности, обыгрывает все смысловые оттенки и возникающие по ассоциации представления. Каждое двустишие окружено своеобразной дымкой намеков, без понимания которых невозможно и полное раскрытие заложенного в нем образа.

Очень часто Низами исходит при этом не из классической традиции, а из практики живого языка, деталей быта, поговорок и поверий. В этом и заключается его новаторство, его стремление сблизить поэзию с интересами города. Попробуем показать трудность языка «Сокровищницы тайн» на примере. Говоря о красавице, Низами дает такое двустишие:

Смута этой луны, сшившей касаб.

Хирман луны, словно касаб, сожгла.

Здесь первое - касаб - особый род тонкого полотна, второе - тростник. Иначе говоря: красавица (луна), сшившая себе одежду из касаб, затмила своим появлением луну на небе (сожгла ее хирман, то есть сложенное в кучи обмолоченное зерно). Пока мы имеем шаблонное для классической персидской литературы сравнение: красавица прекраснее луны. Почему она сожгла хирман луны, как тростник? Это сравнение с пожаром сухой заросли тростника, то есть сожгла вмиг и дотла. Но тут есть и еще одна

тонкость. Красавица сожгла луну, как касаб. Не известно поверье, что если лунный свет упадет на разложенное для отбеливания полотно, он сожжет его и полотно покроется дырками

Значит, луна сжигает касаб (полотно), а луна-красавица сожгла небесную луну так, как она сама сжигает полотно. Следовательно, второе касаб означает одновременно не только «тростник», но и «полотно».

Другой пример. Описывая зеленую лужайку, Низами говорит:

Ее растительность, словно нарцисс, сурьма для видящего,

Лилия - эфа^[34], словно изумруд - трава ее.

Сурьма на Востоке считается средством, обостряющим зрение; отсюда растительность лужайки полезна для зрения, на нее так же приятно смотреть, как приятно для глаза смотреть на нарцисс. Но нужно помнить, что и сам нарцисс, обладающий темной сердцевинкой, похож на глаз. Отсюда возникает своеобразное перекрестное сравнение. Второе полустилистика основано на народном поверье. Считается, что если эфа взглянет на изумруд, она ослепнет, но изумруд от ее ядовитого взгляда тает и растекается. Следовательно, лилия, которая, кстати сказать, без глаза, ибо не имеет темной сердцевинки, стояла на лужайке, как эфа. Она взглянула на изумруд, он растекся, и так вокруг лилии образовался зеленый покров - растекшийся изумруд.

Стоит обратить внимание на то, что все двустишие - необычайно искусное превращение в сложный образ такого шаблонного метафорического эпитета, как «изумрудная лужайка». Заметим, что таких строк на каждой странице этой поэмы по несколько.

Основное задание совершенно очевидно: повысить значительность каждого отдельного слова, необычайно поднять его удельный вес. Слово, которое в разговорной речи лишь сигнал для образования мысли, здесь становится самодовлеющим. Совершенно очевидно, что все, сказанное Низами в этих строках, можно было бы в целях ясности изложить в нескольких словах. Но можно ли думать, что такой пересказ основных мыслей «Сокровищницы тайн» равнялся бы самой поэме? Конечно, нет, ибо без этого убранства формы они мелькнули бы, не оставив следа. В результате же углубленного внимания и самые обыденные мысли приобретают неожиданный вес.

Задача Низами - через сложный Процесс восприятия его поэмы воздействовать на волю читателя, склонить его к определенному поведению.

Требования Низами к человеку крайне суровы; его мораль создана для

сильных людей, способных поднять на свои плечи такое тяжкое бремя. Слабостей он не прощает, и едва ли можно думать, что адресат поэмы Бехрамшах, которого этой поэмой он хотел направить на истинный путь, мог принять хотя бы небольшую часть этих советов к исполнению.

Однако резонанс, вызванный поэмой в литературах Востока, был поистине необычаен. Нам известно сорок два подражания этой поэме на персидском языке, среди которых часть создавалась еще в конце XIX века, два подражания на староузбекском (чагатайском) и два на анатолийско-турецком (османском).

Вероятно, этим число существующих подражаний не исчерпывается, и многие из них нам до настоящего времени еще неизвестны.

Отметим следующее. Идеологически многие из них идут по совершенно иным путям, чем «Сокровищница тайн», даже иногда представляют собой полемику против суровой морали Низами. Но стилистически зависимость всех их от Низами бросается в глаза. Новый стиль, созданный им, победил и на века определил внешнее оформление дидактической поэмы. Не всем, конечно, удавалось имитировать затрудненный язык Низами. У многих, особенно поздних, поэтов эти попытки привели только к темноте и искусственности.

«ХОСРОВ И ШИРИН»

Мы говорили выше о том, что результаты посылки поэмы в Эрзинджан остаются неизвестными. Получил ли поэт дар, на который все же в какой-то мере рассчитывал, мы не знаем.

Но распространение этой поэмы имело другой, совершенно неожиданный результат, которому было суждено оставить глубокий след в жизни и творчестве Низами. Правитель Дербенда, желая выразить поэту свое преклонение перед его талантом, прислал ему в подарок молодую кыпчакскую рабыню, по имени Афак. Низами говорит о ней:

Величаяя обликом, прекрасная, разумная,
Прислал мне ее владетель Дербенда.
Ее шелка - кольчуга и даже железнее кольчуги,
У ее кафтана рукава уже, чем у рубашки^[35].
Вельмож она наказывала,
Мне же в супружестве постелила изголовье.

Из этих скупых строк можно понять многое, особенно в сопоставлении с поэмой «Хосров и Ширин». Афак, при всей своей красоте, видимо, отличалась свободолобивым нравом и стать игрушкой для похотливых дербендских вельмож не желала. Может быть, именно поэтому

ее и послали в подарок Низами. Можно себе представить что появление Афак в доме Низами носило весьма драматический характер. Едва ли девушка легко примирилась с тем, что ее послали куда-то, как бессловесную тварь. Но Низами подошел к ней не как к рабыне, а как к человеку уважая ее человеческое достоинство. Поэт подчеркивает, что она стала для него не наложницей, а законной женой.

Можно приблизительно определить дату этого брака. Афак подарила поэту его единственного сына Мухаммеда. Сын этот родился в 1174/1175 году и, следовательно, брак должен был произойти не позднее 1173/1174 года.

Брак этот был весьма счастливым. Низами души не чаял в своей молодой жене, украсившей своими заботами его скромный и тихий дом. Но этому счастью не было суждено продлиться. В 1180 году Афак умерла.

Низами не любил открывать своей души перед читателями. Но строки, в которых он говорит о кончине Афак, написаны кровью сердца и полны глубочайшей тоски. Эта утрата наложила отпечаток на всю его жизнь. Уже достигнув шестидесяти лет, на краю могилы, он, вспоминая об Афак, не мог удержаться от горестных строк:

Когда сделала она мои очи источником света,
От моих глаз удалил ее дурной глаз.
Похищающее колесо небосвода так ее похитило.
Ты сказал бы - и тогда, когда была она, ее не было.
От довольства, которое мне было от нее,
Что мне сказать! Бог да будет ею доволен!

Второй раз Низами вынужден был жениться вскоре после смерти Афак, вероятно, чтобы дать новую мать осиротевшему Мухаммеду, которому в год смерти матери было всего около пяти лет. Вторую жену поэт утратил в 1188 году, третью - вскоре после 1200 года. Характерно, что он никогда не имел больше одной жены одновременно. Из собственных слов Низами видно, что он осуждал мусульманское многоженство. Устами греческого мудреца он говорит в своей последней поэме:

Стольким рабыням, происходящим из диких племен,
Не отдавай на ветер урожай своей жизни.
Одной пары, и только, тебе достаточно,
Ибо у мужа, у которого много жен, никого близкого нет.
Потому-то столь изменчиво, время,
Что у него семь отцов и четыре матери^[36].
Если хочешь, чтобы целостным был твой сын,

Словно сердце, имей одного отца и одну мать.

После смерти Афак всю свою любовь поэт перенес на юного Мухаммеда, которому во всех поэмах посвящены горячие, прочувствованные строки.

Около 1180/1181 года иракский сельджук Тогрул II (1177-1194) обратился к Низами с предложением написать для него новую поэму, посвященную любовной теме.

Так повелел царь царей мира:

Новую любовь заставь подняться на путях мира.

Была обещана новая награда:

Если мы оценим твои права,

Ты, в конце концов, не будешь неблагодарен.

А если мы неподобающе обойдемся с тобой,

Как Фирдоуси, сбавим тебе оплату,

Ты сможешь положить ледяную печать на золото.

Сможешь открыть кружку фука^[37].

Низами получил этот заказ вскоре после смерти Афак. Он решил принять его и создать произведение, в котором центральным образом была бы женщина, носящая черты его покойной жены. Таким путем он рассчитывал создать для нее памятник, который должен был пережить века и навсегда сохранить для потомства ее пленительный облик.

Так возникла поэма «Хосров и Ширин», законченная около 1181 года. Поэма была написана быстро, но не могла быть отправлена заказчику, так как он был занят походами. Поэт мечтает, что шах прочитает поэму и скажет своему атабеку:

...О, завоеватель мира

Откуда у Низами сотни разных проступков?

Не настало ли время обласкать его.

Устроить дела лишившемуся дел?

Такси поэт в углу доколе?

Такой знаток слов без пропитания доколе?

Из посвящения поэмы видно, что хотя заказ и был дан Тогрулом II, но Низами решил посвятить ее атабеку Шемсадди Абу-Джа'фар Мухаммед Джихан-Пехлевану, правившему в Гандже с 1174 по 1186 год.

В середине поэмы появляется еще имя третьего носителя власти - Музаффараддин Осман Килич-Арслана (1186-1191), вступившего на

престол после своего брата Джихан-Пехлевана.

Такое изобилие имен правителей невольно вызывает предположение, что Низами, закончив поэму, хотел во что бы то ни стало добиться какого-то внимания со стороны двора. Если поэт, никогда не стремившийся к богатству и почету и довольствовавшийся самым необходимым для жизни, так добивался внимания, то есть, иначе говоря, какого-либо дара, то совершенно очевидно, что он в это время нуждался. Отсюда и приходится думать, что приведенный выше рассказ Ибн-Биби едва ли правилен. Если бы Низами действительно получил те дары, о которых там шла речь, то едва ли бы он так добивался оплаты. Это предположение вполне подтверждают и собственные слова поэта:

В нищете налаживал я слово,
Но ни он [шах] мне ничего не дал, ни я у него ничего не требовал.
Довольно с меня и того, что наполнил я мир,
Стал благодетелем для моря и рудника.

Впрочем, Низами склонен объяснять такое невнимание не плохим отношением лично к нему, а тем, что поэтов в стране вообще по-настоящему не ценят:

В эту эпоху, если тебя даже и лучше этого одобряют,
Все же не повяжут тебе на шею даже и шерстяной; тесьмы ^[38]

Объясняет такое невнимание Низами тем, что люди его времени слепы и не умеют ценить подлинные таланты:

В этой стране, где от тупости
Черна камфора и слеп зрячий.
Надо мириться со всякой невзгодой,
Ибо дурак стоит насмешки.
Придирчивость времени от стыда далека,
Ищи удаления от него, ибо снисхождение от него далеко.
Двум разрядам людей наше время оказывает снисхождение:
Тем, кто умер, и тем, кто еще не родился.

Эти жалобы дополняет такая мрачная характеристика эпохи:
Так сообщай свою тайну лучшему другу,
Словно думаешь, что он - злейший из врагов.
Не говори того, что не следует, перед чужими,
Да не только чужими, а и перед ближайшим другом.
Даже и в уединении скрывай эти мысли от стены,

Ибо и за стенами есть ухо.
Если же не можешь скрыть это от себя,
Не обращай к этому с помыслами, то есть не думай.
Песнь, которая не годится для пустыни,
Очевидно, не годится и на царском пиру^[39]].

Вспомним жалобы Хакани на то, что его окружают шпионы и доносчики. Судя по словам Низами, и в Гандже атмосфера была не лучше, и любое, не вовремя сказанное слово могло привести к тому, что палач, по выражению поэта, «начинал играть мечом».

*

Выполняя данное ему поручение - создать поэму о любви, Низами прежде всего обратился к историческим хроникам древнего Ирана. Его внимание привлек образ прекрасной Ширин, верной возлюбленной, своей смертью доказавшей преданность своему избраннику. Имя Ширин упоминается в византийских, сирийских и арабских хрониках; сомневаться в том, что она - лицо историческое, не приходится. Повидимому, вокруг нее и ее мужа - последнего выдающегося правителя домусульманского Ирана Хосрова Парвиза (вступил на престол в 590 году, был убит в 628 году) - уже в IX-X веках сложился целый большой цикл преданий. Известный арабский историк Табари (умер в 923 году), рассказывая о правлении Хосрова, говорит, что любимой его женой, носившей титул «госпожи», была Ширин.

В персидской хронике Бал'ами (умер в 996 году) к этому добавлено, что «не было среди людей никого прекраснее ее лицом и лучше ее нравом». В этой хронике упоминается и имя Ферхада, но весьма вероятно, что это позднейшая вставка.

Целый раздел преданию о Ширин посвящает Фирдоуси в «Шах-намэ», причем из его слов видно, что это предание ему уже было известно в виде какого-то законченного целого, может быть, своего рода былины. Фирдоуси излагает предание крайне сжато. Когда Хосров был еще юношей, он полюбил прекрасную Ширин и сделал ее своей подругой. Но став правителем в Медаине, окруженный придворными забавами, он забывает Ширин. Как-то раз он собирается на охоту. Ширин, узнав об этом, облачается в свои лучшие убранства, выходит на крышу дома и, когда Хосров проезжает мимо, окликает его. Забытая любовь воскресает с прежней силой. Царь посылает к Ширин рабов, чтобы они отвели ее в его «золотой дворец», и решает заключить с ней брак по древним обычаям.

Это решение вызывает крайнее неудовольствие аристократии. К

Хосрову приходят вельможи и старейшие мобеды (зороастрийские жрецы) и заклинаят его не совершать столь безумного поступка. Они говорят:

Если род вельможи замаран,
Величие от того рода уходят.
Знай, что никогда доблестный сын
Не покушался на кровь отца,
Если только мать не замутила рода,
Сына не сбила с пути замаранность.

Фирдоуси не говорит, что заставило вельмож повести такие речи. Он, повидимому, предполагает, что причины читателю известны. Можно думать, что основным мотивом было происхождение Ширин. Очевидно, она не принадлежала к иранскому царскому роду и потому не считалась достойной стать супругой Хосрова. Возможно даже, что историческая Ширин была и не иранского происхождения. Одна сирийская хроника тех времен называет ее Сира и считает, что она была арамейского происхождения [\[40\]](#)].

Хосров не дает сразу ответа знати и предлагает притти за ним на следующее утро. Когда мобеды и знать приходят, прислужники вносят чашу с горячей, дымящейся кровью. Все с отвращением отворачиваются. Через некоторое время эту же чашу приносят снова - она теперь вымыта и наполнена ароматным вином. Хосров поясняет символ. Эта чаша - Ширин. Когда она, опозоренная мною, жила в городе, она была словно чаша с ядом. Будучи у меня во дворце, моей женой, она станет чашей с вином. Знать отказывается от своих нападок на Ширин, и брачная церемония совершается.

Но Ширин ревнует Хосрова к дочери византийского кесаря Мариам, на которой он уже был женат до этого второго брака. Ревность толкает ее на преступление: она подносит Мариам яд и так устраняет ее. После смерти Мариам Хосров, опасаясь интриг родившегося от нее сына Шируйэ, запирает его в одном из дворцов и держит в заключении, хотя и окружает царственной роскошью.

Когда Шируйэ подрастает, вельможи устраивают заговор, свергают Хосрова и возводят на престол его сына. Шируйэ подсылает к отцу в тюрьму наемного убийцу, который и убивает Хосрова. После этого он вызывает к себе Ширин, грубо упрекает ее, называет ведьмой, околдовавшей его отца, но, тем не менее, предлагает стать его женой, обещая ей почет и уважение. Ширин отвечает, что согласится, если Шируйэ соблюдет ее права. Она предлагает присутствующим на этой беседе

старцам-советникам высказаться, злоупотребляла ли она когда-либо своим положением, или нет. Все признают, что она была образцовой царицей. Тогда Ширин произносит такую речь. Достойная жена, говорит она, должна обладать тремя качествами: быть стыдливой и скромной, принести мужу сына и отличаться красотой. «Я, - говорит она, - осталась верна мужу и тогда, когда он потерял престол. Я принесла ему четырех сыновей. Что же до красоты, то смотрите», И открывает лицо. Она требует, чтобы Шируйэ на этом же собрании письменно удостоверил, что все ее личное имущество ей снова вручается в полную собственность. Получив право распоряжаться своими богатствами, она отпускает на волю рабов, раздает богатства неимущим, частично жертвуя их на отстройку разрушенных деревень и караван-сараев, частично на поддержку храмов огня. Затем она требует, чтобы зная удостоверила ее целомудрие в те дни, когда она еще была женой Хосрова. Это нужно, дабы Шируйэ не мог о ней злословить. Наконец последнее ее желание - пусть для нее откроют склеп Хосрова. Она идет туда, прижимается к телу Хосрова, вспоминает все прошлое счастье и принимает яд.

Таким образом, из изложения Фирдоуси (видно, что уже в X веке предание о Хосрове и Ширин имело более или менее законченную форму. Можно полагать, что рядом с этой официальной версией существовало и много народных легенд. Известный арабский путешественник Якут (1179-1229) говорит, что о скале Бисутун, на которой до сих пор сохранилась клинописная надпись ахеменида Дария I, он слышал много сказаний, связывающих сохранившиеся там надписи с именем Ширин. Развалины ахеменидского дворца в этом районе до сих пор известны под народным названием Каср-и-Ширин (замок Ширин). Весьма вероятно, что предания эти проникли и в Азербайджан, где имя Хосрова пользовалось известностью с древнейших времен. Жизнь Хосрова Парвиза была тесно связана с этой частью сасанидских владений. Спасаясь от преследований отца, он скрывается в Азербайджане, после низложения отца вступает на престол при поддержке феодалов Азербайджана и Армении. Во время мятежа Бехрама Чубинэ, когда Хосров временно лишился престола, дядя его Виндоэ собрал всех сторонников Хосрова в Азербайджане. Посланные кесарем Маврикием под начальством его сына Феодосия на помощь Хосрову византийские войска вступили в Иран со стороны Азербайджана.

*

Когда Низами получил поручение написать «книгу любви», предание о Ширин не могло не привлечь к себе его внимания. Правда, поэта немного смущало то обстоятельство, что после столь строгой первой поэмы он

берется за любовную тему:

Ведь есть у меня такой клад, как «Сокровищница тайн». -

Зачем же мне тратить силы на изображение страстей?

Однако ныне нет в мире никого,

Кто не питал бы страсти к книгам о страсти.

И, прибавляет Низами, это не просто любовная история - в ней таится и многое другое. Что касается самой темы, то, говорит он,

Предание о Хосрове и Ширин не скрыто,

И, поистине, сладостнее этого предания нет.

Оно стало ему известно из древних хроник этой области (то есть Азербайджана), запись о нем хранится в Верда'а. Знал Низами, конечно, и изложение этого предания в «Шах-намэ», о котором он говорит так:

Мудрец, который истолковал сей рассказ,

Историю о любви совершенно отбросил.

Жизнь его тогда дошла до шестидесяти,

И стрела любви уже успела у него сорваться с тетивы.

То, что мудрец рассказал, я не пересказывал,

Ибо неблагоприятно повторять уже сказанное.

И в самом деле, как мы увидим далее, почти ни одной детали из рассказа Фирдоуси Низами не повторил, все внимание сосредоточив почти исключительно на взаимоотношениях Хосрова и Ширин.

Сюжет поэмы рассказан у Низами так. После Ануширвана на иранский престол вступил Хурмуз. Он страстно молил бога даровать ему сына. Мольбы его были услышаны, и родился Хосров. Воспитание сына стало главной целью жизни Хурмуза. Хосров вырос прекраснейшим юношей, ловким, отважным, искусным во всех рыцарских забавах, красноречивым, остроумным. Под руководством мудрого Бузургумида он изучил, кроме того, и все науки того времени. Шах любил его больше жизни и из любви к нему стремился осчастливить все население Ирана.

Он повелел возгласить по всей стране, что всякий, кто над кем-либо совершит насилие, кто потравит чужой посев, посягнет на чужой плоде вый сад, взглянет на того, на кого ему запрещено смотреть, будет развлекаться с чужой женщиной, кто бы он ни был, подвергается суровой каре.

Как-то раз Хосров поехал на охоту. Заехав в какую-то деревню, он расположился около нее на лужайке, разбил там шатер и весь день провел за вином и забавами. Спустилась ночь. Шахзадэ [\[41\]](#) попросился на ночлег в один из деревенских домов и, расположившись в нем, продолжал свои забавы. Лилось вино, звучало пение под звуки ченга. Пока царевич

развлекался, конь его, оторвавшись от привязи, забрел в посевы и потравил их. Один из его рабов пробрался на виноградник и соблазнился там незрелым виноградом. Наутро Хурмузу донесли, что сын его нарушил его постановление, и перечислили все его проступки, ядовито добавив. -

Когда бы не дитя то было шаханшаха,
Он потерял бы все, наведалься бы страха.
Бессчетно в жилы всех вонзает врач лапцет,
А к собственной руке притронется ли? - Нет.

Насмешка задела Хурмуза за живое. Он отдал приказ: коню Хосрова перерезать сухожилия на ногах; раба, обокравшего виноградник, подарить хозяину виноградника; все убранство Хосрова отдать хозяину того дома, где он пировал; обрезать ногти музыканту, услаждавшему его слух звуками ченга, и оборвать струны на ченге.

На следующую ночь Хосров увидел во сне своего деда Ануширвана Справедливого. Он говорит внуку: «Ты покорно перенес справедливое решение твоего отца, и поэтому я возведу тебе, что тебе будут ниспосланы четыре ценных дара. Ты утратил прекрасного раба - взамен тебе будет дана красавица, какой не видали в мире. Твоему коню перерезали сухожилия - ты взамен получишь вороного по имени Шебдиз, пыль которого не сможет догнать даже ураган. Твое убранство отдали хозяину дома - ты получишь такой трон, какого не было ни у одного шаха. У тебя отняли твоего музыканта - к тебе придет певец по имени Барбед, имя которого сохранится в веках».

Среди приближенных Хосрова был художник по имени Шапур, изучивший искусство живописи в Китае, у самого Мани [\[42\]](#)]. Шапур много странствовал по миру, видел много разных стран и умел красноречиво рассказывать о своих путешествиях. Как-то раз он сообщил Хосрову, что на берегах Каспийского моря, в горах, царствует женщина по имени Шамира [\[43\]](#)], по прозванию Михин-бану (великая госпожа). Это могущественная царица, которая мудрее многих царей. Лето она проводит в армянских горах, в весеннее время кочует по Муганской степи, осенью охотится в Абхазии, зимнее, время проводит в своей столице Берда'а. У нее есть племянница, дочь ее брата, зовут ее Ширин (сладкая), и это красивейшая девушка во всем мире. На конюшне у Михин-бану есть вороной конь Шебдиз (цвета ночи). Услышав этот рассказ, Хосров вспылал горячей страстью к Ширин и начал умолять Шапура каким-либо способом добыть ему эту красавицу. Шапур принял это поручение.

Была весна, Ему было известно, что Ширин в это время года веселится со своими приближенными девушками в предгорьях Армении, и он тотчас же отправился туда.

Он достиг монастыря Анхарак, выдал себя за христианского монаха и был ласково принят в монастыре. Низами добавляет: если сейчас будешь искать этот монастырь, то не найдешь от него и камня. Даже и самая скала рухнула и превратилась в хаос черных камней. Поэт, вероятно, имеет в виду разрушения, произведенные незадолго до его рождения землетрясением, когда в результате страшного обвала был закрыт выход горных вод и образовалось славящееся своей красотой озеро Гёкгёль (Голубое озеро), лежащее неподалеку от Ганджи.

Отдохнув в монастыре, Шапур принимается за выполнение поручения. Им было заранее заготовлено несколько прекрасных портретов Хосрова. Пробравшись к лужайке, где гуляла Ширин со своими девушками, он подбрасывает ей эти портреты.

Когда Шапур видит, что облик прекрасного юноши произвел на Ширин большое впечатление, он выходит из своей засады, приближается к Ширин и рассказывает ей, кто такой Хосров и как он томится любовью к Ширин. Рассказ Шапура очаровывает Ширин. Она решает отправиться в Медаин, столицу Ирана, берет коня Шебдиза и бежит из Азербайджана.

Пока Шапур налаживал любовные дела Хосрова, в Медаине произошли серьезные события. Враги Хосрова оклеветали его перед отцом, уверили старика в том, что Хосров собирается его - свергнуть, даже, якобы по приказу Хосрова, отчеканили монету с именем Хосрова, Царевичу грозит беда, и он должен скрыться от гнева отца. Хосров решает искать убежища в Азербайджане и, переодевшись простым воином, пускается в путь. Ширин по дороге нашла родник чистой воды и решила отдохнуть около него и выкупаться. Как раз в то время, когда она мылась, к этому роднику подъехал Хосров. Он не видел лица Ширин, так как оно было закрыто распущенными волосами. Ширин успела его разглядеть; красавец произвел на нее глубокое впечатление. Однако она не догадалась, что это Хосров, так как Шапур говорил ей, что царевич всегда носит красные одежды, а этот юноша был в одежде простого воина. Таким образом, влюбленные разъехались, не узнав друг друга. Эта сцена веками была излюбленной темой иранских живописцев.

Ширин приезжает в Медаин и, к величайшему огорчению, узнает, что Хосрова там нет. У царевича в столице был дворец, в котором обитали его рабыни-наложницы. Он предупредил их перед отъездом о возможности приезда новой красавицы, но не сообщил, кто она такая. Рабыни

принимают ее за новую рабыню, устраивают ее во дворце Хосрова. Ширин не открывает им своей тайны, живет с ними и принимает участие в их играх и забавах, тоскуя по Хосрову.

Исчезновение Ширин вызывает в Азербайджане панику. Михин-бану в отчаянии не знает, что делать. В это время приезжает Хосров. Михин-бану, несмотря на свое горе, чувствует обязанность принять высокопоставленного гостя и предлагает ему провести зиму в Берда'а.

Ширин томится в Медайне. Она с детства привыкла к чистому воздуху гор и степей. Душная, пыльная столица Сасанидов угнетает ее. Терзает ее и мысль о том, что встретившийся ей на пути юноша был Хосров, которого она не узнала. Состояние ее здоровья все ухудшается, и она просит, чтобы для нее построили замок где-нибудь в гористой местности. Рабыням Хосров перед отъездом предписал, чтобы всякое желание Ширин было немедленно исполнено. Но они ревнуют к ней, завидуют ей и, подкупив архитектора, добиваются того, что он строит этот замок в тесном каменистом ущелье, диком и бесплодном, мрачном и душном, далеко от всякого человеческого жилья.

Тем временем Хосров узнает от Шапура, где находится Ширин. Он обещает Михин-бану доставить к ней обратно ее любимую племянницу и спешно отправляет Шапура в Медаин. Но судьба снова разрушает все его планы. Умирает Хурмуз. Хосров должен спешно вернуться в столицу, иначе он лишится престола своих предков. Вскоре после его отъезда в Берда'а возвращается Ширин и узнает, что снова ее пути с Хосровом разошлись.

Дела Хосрова тоже не ладятся. У него и ранее были недоразумения с вельможами. Теперь крупный феодал по имени Бехрам Чубинэ поднимает восстание и находит поддержку среди аристократии. Хосров не может устоять против мятежников и для спасения жизни должен бежать из Ирана. Понятно, что он снова ищет убежища в Берда'а, и так влюбленные наконец встречаются.

Если бы Низами захотел написать обычный рыцарский роман, то здесь поэма могла бы и закончиться. Но цель его была иная. Его интересуют не внешние события, а драматический конфликт характеров, проблемы психологические. Поэтому вся пересказанная здесь нами часть может рассматриваться только как своеобразное развернутое вступление. Главная часть поэмы начинается только теперь.

Михин-бану видит, как Ширин увлечена Хосровом. Она предостерегает племянницу. Хосров - великий шах. Он всегда был окружен целым гаремом красавиц и привык смотреть на женщину как на игрушку.

Хосров, беспечный по природе, склонный к забавам и развлечениям,

все дни проводит в обществе Ширин то на охоте, то за веселым пиром. Страсть его все разгорается. Ширин напоминает Хосрову, что он предается забавам и веселью в то время, когда трон его предков захвачен узурпатором. Неужели у него не хватает чувства чести? Неужели он забыл о том, чего требует от него его долг? Она будет его женой лишь тогда, когда он снова станет господином в Медаине. Эта сильно написанная сцена напоминает диалог Марины и Самозванца у Пушкина.

Гордые речи Ширин ранят Хосрова в самое сердце. Он чувствует, что она права, что он проявил постыдную слабость. Упреки Ширин заставляют его собраться с силой и перейти к действию. Но войск у него нет, число сторонников невелико. Он решает обратиться за помощью к кесарю и едет в Византию. Кесарь согласен помочь, дает ему войска и заставляет жениться на своей дочери - прекрасной Мариам. Весь этот эпизод Низами излагает кратко, ссылаясь на то, что все это уже рассказано Фирдоуси и ему повторять это незачем. С помощью византийских войск Хосров наносит поражение мятежникам, изгоняет Бехрама и вновь становится властелином Ирана.

Образ Ширин все время стоит перед его глазами. Но положение осложнилось. Хосров чувствует свою зависимость от избалованной Мариам, с помощью которой он вернул себе трон. Обидеть ее он не решается. Не забыла и Ширин Хосрова, но любовь свою она тщательно скрывает от всех. Умирает Михин-бану, трон переходит к Ширин. Она приводит свою страну в порядок, поручает управление ее везиру, а сама едет в построенный для нее в Иране горный замок.

Весть о приезде Ширин в Иран вскоре дошла до Хосрова. Он решает во что бы то ни стало добиться сближения с нею. Страх перед Мариам удерживает его, но, наконец, набравшись смелости, Хосров предлагает жене, что введет Ширин во дворец в качестве наложницы и что она во всем должна будет покориться воле Мариам.

Это предложение приводит гречанку в ярость. Она клянется, что если только Хосров рискнет осуществить это намерение, она удавится на своих собственных косах и Хосрову придется отвечать перед кесарем за ее гибель.

Хосров пытается наладить связь тайно. Он посылает Шапура к Ширин с предложением тайно прибыть во дворец, с тем что Мариам ничего об этом знать не будет. Ширин с гневом отказывается. Пусть Хосров забудет о всяких планах такого рода. Она вступит во дворец, только став его законной женой и царицей Ирана. Ни на какие иные предложения она не пойдет.

Ширин тяготится жизнью в горном замке. Она привыкла к свежему молоку, а поблизости от замка пастбищ нет, растут только ядовитые лютики. Посылать своих служанок за молоком на далекие пастбища она не хочет, так как не любит обременять людей излишней работой. Как-то раз она советуется по этому вопросу с Шапуром. Тому приходит в голову, что можно было бы проложить через скалы канал, довести его до пастбищ и сделать так, что молоко прямо по каналу будет течь с пастбищ в замок. Такая работа требует искусного мастера. Шапур знает такого и может смело рекомендовать. Это Ферхад, искусный скульптор, каменотес, опытный в расчетах оросительных систем. Ферхада приглашают в замок. Так в действие вступает новый герой, о котором у Фирдоуси упоминания не было.

Описывая Ферхада, Низами подчеркивает его гигантский рост и сверхъестественную силу. Когда он вступает в замок, все невольно содрогаются при виде его грозного облика. Ширин, по обычаю времени, к нему не выходит и все переговоры ведет с ним из-за занавеси. Пленительный голос царевны так очаровывает богатыря, что он обещает в месяц выполнить эту трудную задачу.

Охватившая Ферхада страсть так увеличивает его силы, что, несмотря на все препятствия, он справляется с порученной ему работой. Ширин приказывает осыпать его щедрыми дарами, но Ферхад даже не хочет смотреть на них, - лучшая для него награда то, что он исполнил ее желание. Желая скрыть свою любовь от посторонних, он уходит в степь и блуждает там, предаваясь мечтам о Ширин.

Все же слух о его любви доходит до Хосрова и возбуждает его ревность. Он вызывает к себе Ферхада и хочет приказать ему выбросить из головы всякие помыслы о любви. Беседа Хосрова с Ферхадом - одно из самых знаменитых мест поэмы. Короткие, острые вопросы и ответы скрещиваются, как мечи, во время поединка:

Хосров спросил: Ты кто? Тут все я знаю лица.

Ферхад: Мой край далек, и Дружба - в нем столица.

Хосров: Чем торг ведут, зайдя в такую даль?

Ферхад: Сдают сердца, приобретаю печаль.

Хосров: Сдавать сердца - невыгодный обычай.

Ферхад: В краю любви не каждые с добычей.

Хосров: Ты с сердцем ли? Мне сердце опиши.

Ферхад: Сказал всердцах, я ж молвил - от души.

Хосров: В любви к Ширин тебе какая радость!»

Ферхад: Сладчайшая - душе услада, сладость.

Хосров: Ты зришь ее всю ночь, как небосклон?

Ферхад: Когда усну. Но недоступен сон.

Хосров: Когда гореть не станешь страстью злою?

Ферхад: Лишь задремлю, прикрыв себя землею.

В результате Хосров убеждается, что приказать что-либо Ферхаду или купить его отречение от Ширин золотом, невозможно. Он решает прибегнуть к хитрости и обещает Ферхаду, что если он осуществит неосуществимую работу - проложит дорогу через гору Бисутун, расколов сплошную скалу, то Хосров откажется от Ширин и предоставит Ферхаду свободу действий. Нужно заметить, что Ширин Хосров ему не обещает, ибо хоть он и царь, но сам распоряжаться волей Ширин не может.

Ферхад берется за работу. Силы, его все растут и растут. Под ударами его кирки скалы рассыпаются в порошок, рушатся камни, которых не мог бы поднять и десяток богатырей. Это возрастание его мощи поэт показывает в таком эпизоде. Ширин, услышав о титанической работе Ферхада, хочет вблизи посмотреть на него. Она садится на коня и едет в горы. Когда она приближается к Ферхаду, конь начинает скользить на гладких камнях. Вот-вот он упадет. Тогда Ферхад подхватывает коня вместе с всадницей и на своих плечах относит драгоценную ношу в замок.

Хосров видит, что Ферхад выполнит поставленное ему условие и что тогда и ему придется выполнить обещание. Убить Ферхада он не решает, ибо боится пролить невинную кровь. Отказаться от обещания он не может, ибо шах не может нарушить данного слова. Он прибегает к предательству. К Ферхаду подсылают гонца, который, словно невзначай, сообщает ему ложное известие о смерти Ширин. Удар был рассчитан правильно. Простодушному богатырю не пришло даже в голову, что его обманывают. Страшная весть поразила его, как громом, и он тут же испустил дух.

Хотя Ширин и не любила Ферхада, ибо сердце ее целиком принадлежало Хосрову, но смерть его все же производит на нее глубокое впечатление. Она строит для него прекрасную гробницу и оплакивает его.

Хосрова смерть эта тоже поражает. Он чувствует, что совершил низость, и предвидит, что рано или поздно его постигнет за это тяжелая

кара. В это время умирает Мариам. Низами протестует против рассказа Фирдоуси о том, что она была отравлена Ширин. Ширин, по его словам, не была способна на такое низкое дело, смерть византийской царевны произошла от естественных причин.

Хосров теперь свободен, препятствий на его пути более нет. Но его охватывает странная нерешительность. Ширин, видимо, хочет ускорить события. Она пишет Хосрову письмо, в котором в насмешливой форме выражает свое сочувствие по поводу смерти его жены. Она высказывает предположение, что Хосров особенно долго убиваться не будет, так как непостоянство его достаточно хорошо известно.

Письмо это производит глубокое впечатление на слабовольного Хосрова. Но результат оказывается совершенно неожиданным. Он случайно узнает, что в Исфахане живет знаменитая красавица Шекер (сахар). Его охватывает внезапно влечение к ней. Он едет в Исфахан и после ряда приключений привозит ее в Медаин. Психологически этот эпизод можно было бы объяснить своего рода мстью Хосрова за насмешки Ширин.

Связь с Шекер, понятно, еще усложняет и без того трудное положение. Хосров быстро убеждается, что Шекер - не Ширин и что заменить Ширин ему не может никто. Как-то раз на охоте он попадает в окрестности замка Ширин. Охваченный внезапным порывом, он преодолевает свою гордость и направляется в замок попросить у нее прощения. Когда он подъезжает к замку, вечереет, начинается итти снег. Но ворота перед ним не открываются. Хозяйка выходит на стену замка и объясняет ему, что впустить его не может, ибо это бросило бы тень на ее репутацию. Диалог Хосрова и Ширин, занимающий около сорока страниц оригинала, - образец прекрасной психологической разработки.

Хосров, натолкнувшись на сопротивление, раздражается. Его речи постепенно становятся все грубее и оскорбительнее. Напротив, Ширин с каждым мигом все более замыкается в ледяной неприступности, становится все более изысканно вежливой. Хосров в отчаянии уезжает.

Но и терпение Ширин тоже приходит к концу. Она истерзана до предела, и образ уныло уезжающего Хосрова неотвязно стоит перед ее глазами. Она приказывает оседлать коня и едет следом за шахом. Хосров в то время в походном шатре устраивает пир. При нем его два знаменитых певца - Барбед и Некиса. Ширин тайком пробирается в шатер и уговаривает певцов, чтобы они начали петь диалог, в котором изложили бы всю суть недоразумения Хосрова и Ширин. Из этого диалога Хосрову становится ясно, как горячо любит его Ширин. Он в восторге, и в эту самую минуту

появляется сама царица.

Теперь Хосров, наконец, собирается с силами, зовет вельмож и приказывает совершить брачный обряд по всем обычаям старины.

В день брака Хосров на пиру вылил слишком много вина. Ширин еще раз дает ему урок и, пользуясь его опьянением, подсовывает в брачную ночь вместо себя отвратительную старуху. Ширин подчеркивает, что Хосров обязан уважать ее и не смеет приближаться к ней в нетрезвом виде.

Женитьба оказывает на Хосрова облагораживающее действие. Ему становится ясно, что развлечения не могут быть единственной целью жизни. Он окружает себя учеными, старается мудро править страной, отдает разумные распоряжения. Но кара за предательство настигает его в то время, когда он достигает вершины счастья.

От Мариам у него был сын по имени Шируйэ (львенок). Юноша увидел Ширин и страстно в нее влюбился. Он переманивает на свою сторону вельмож, свергает отца с престола и заключает его в темницу. Но Ширин готова делить с Хосровом любую невзгуду и идет вместе с ним в заключение.

Тогда Шируйэ решает совсем отделаться от отца. Он подсылает в тюрьму убийцу, который наносит Хосрову смертельный удар. Хосров просыпается, видит исчезающего в окне убийцу, чувствует, что жизнь его покидает. Он хочет разбудить Ширин, мирно спящую рядом с ним. Но ему приходит в голову, что она столько ночей провела в тюрьме без сна и теперь забылась в первый раз. Он не хочет лишать ее утешения сна и безмолвно выпускает дух. Низами прекрасно показывает, как переродился эгоист, избалованный царевич, никогда в жизни не думавший о других и искавший только забавы для себя. Хосров поднимается в этот миг до уровня героя.

Теперь Шируйэ хочет овладеть своей жертвой, но Ширин обманывает отцеубийцу. Она притворно соглашается на требования Шируйэ, но ставит условием, чтобы он предварительно уничтожил все, что связано с именем Хосрова: сжег его дворец, убил Шебдиза, предал пышному погребению тело отца. Когда тело шаха вносят в склеп, Ширин входит туда, закрывает двери и закалывается кинжалом над прахом своего возлюбленного. Поэму заключают размышления на тему о бренности мира и непрочности человеческого счастья.

*

Мы говорили о той изумительной технике стиха, которую Низами применил в своей первой поэме. Его техническое совершенство полностью перешло и в «Хосров и Ширин». Во второй поэме Низами поднимается даже еще выше. Если в «Сокровищнице тайн» еще кое-где ощущается, что

отдельные строки вызваны желанием блеснуть игрой слов, то в «Хосров и Ширин» вся эта техника целиком поставлена на службу основной задаче - как можно более выпукло подать характеры главных героев.

Содержание поэмы, как мы видели, восходит к сасанидской хронике и ряду народных преданий. Форма героического романа относится к далекому прошлому Ирана, к романам, которые складывались, может быть, еще в IV-III веках до нашей эры. Традиция эта упорно держалась в персидской литературе, пережила и тяжкие годы арабского завоевания. Традиция требовала, чтобы заглавие такого романа состояло из двух имен - имени влюбленного и возлюбленной. Еще в XI (веке за романом такого рода закрепился особый метр, так называемый хазадж. Все эти признаки поэмы Низами сохраняет, то есть в формальном отношении не порывает с традицией, но зато по содержанию поэма вводит в классические литературы Ближнего Востока совершенно новый жанр. Совершенно очевидно, что Низами не стремился увлечь читателя обилием и быстрой сменой действия, фантастикой рыцарских походов. Его задача - совершенно иная: он стремится раскрыть перед читателем во всей полноте характеры трех основных героев своей поэмы. Вся сложность, все их многообразие выявляется полностью именно в процессе их столкновения, и таким образом Низами блестяще решает задачу конструкции самой поэмы.

Истинный герой всей поэмы, конечно, Ширин. Вся любовь поэта на ее стороне. Ширин - та пружина, которая двигает вперед действие поэмы, ею оно направляется, без нее все описываемые события стали бы невозможны. Носитель активного начала в поэме - она, Хосрову же выпадает на долю большей частью роль чисто пассивная. Нужно учесть, что поэма создана в XII веке в мусульманской стране, где женщина считалась игрушкой, продажным товаром. Нужно было обладать необыкновенной смелостью, чтобы так распределить роли героев в то время.

Выразителем традиционных взглядов в поэме является Хосров. Правда, Низами старается подчеркнуть его хорошие задатки, его геройство и человеколюбие, но все же на протяжении поэмы он по большей части предстает перед нами, как прямая противоположность Ширин. Если Ширин уважает народ, заботится о нем, стремится избавить его от ненужных мучений, то для Хосрова народ-средство или для развлечения, или для обогащения. Хосров не способен к действию; при всех своих способностях и красоте он носит в себе яд разложения. Характерно, что все его действия так или иначе обусловлены воздействием Ширин. Единственный раз, когда он предпринимает действие по собственному

почину, - это черное предательство по отношению к Ферхаду. Хосров, конечно, любит Ширин, но это эгоистическая любовь, - он только хочет получить, пойти на какие-либо уступки он даже и не помышляет.

Читателю быстро становится ясно, что Ширин отдала свое сердце недостойному. Но здесь-то и сказываются огромное мастерство и глубина психологического анализа Низами. Он прекрасно понимает всю иррациональность любви, знает, что женщины, подобные Ширин, становятся жертвами своей судьбы; полюбив человека, видят уже не его, а тот идеальный образ, который они себе создали. В сущности, вся поэма - цепь разочарований Ширин, которую поражают в самое сердце недостойные поступки ее возлюбленного.

Сила Ширин в том, что, несмотря на все это, несмотря на оскорбления и обиды, она не теряет надежды поднять Хосрова до своего уровня, перевоспитать его и приблизить к тому идеалу, который она себе создала. И поэма кончается победой Ширин. Судьба не дает Хосрову времени полностью раскрыть все заложенные в нем возможности. Но и то небольшое, что мы видим в конце поэмы, показывает, что Ширин победила, что под ее влиянием Хосров преобразается и становится другим.

Такие взаимоотношения Ширин и Хосрова объясняют и отношение Ширин к Ферхаду. Ширин знает о его любви, видит, что он становится ее жертвой. Можно было бы упрекнуть ее в холодности по отношению к несчастному влюбленному. Но Ширин ничем не может помочь ему. В ее сердце нет места для другого. Любовь Ширин сильнее ее самой. Она оплакивает Ферхада, си души жалеет его, но отвернуться от Хосрова и броситься в объятия Ферхада, с которым она, может быть, и нашла бы большее счастье, Ширин неспособна. Тогда она не была бы той чистой, преданной Ширин, которая цельностью своей натуры способна пленять нас и посейчас.

Конечно, для создания идеального образа женщины Низами мог найти образцы в «Шах-намэ» Фирдоуси, где есть такие прекрасные фигуры, как Рудабэ или Манижэ. Но все же можно думать, что создать образ Ширин ему в значительной степени помогла близость к христианским кругам. При смешанном характере населения Ганджи и ее близости к Грузии поэт не мог не знать о том, что женщина там была свободна и не подвергалась тому унижению, которое было обычно в стране мусульман.

Совершенно исключительное значение имеет третий герой поэмы - Ферхад. Роль Ферхада чисто эпизодическая, его трагическая гибель оказывает сравнительно небольшое влияние на течение событий (если не считать того обстоятельства, что гибель Хосрова - кара за совершенное им

предательство). Но, несмотря на это, для замыслов Низами Ферхад совершенно необходим. Поэт противопоставляет эгоистической любви Хосрова другой тип любви - любовь жертвенную. Ферхад ничего не требует, ничего не добивается, - напротив, он готов отдать все вплоть до самой жизни. Любовь для него сама по себе уже величайшая награда. Низами чрезвычайно тонко показывает, что если любовь Хосрова парализует человека, лишает его воли, доводит до низости, то любовь Ферхада, наоборот, поднимает его на неслыханную высоту, толкает на геройские подвиги, помогает полному раскрытию его личности.

Противопоставляя Ферхада Хосрову, Низами еще отчетливее вскрывает недостатки царевича. Но ведь дело в том, что Ферхад - не аристократ. Низами ничего не говорит, о его происхождении; поэт только упоминает, что Ферхад с Шапуром учились у одного мастера. Из этого можно заключить, что Ферхад, как и Шанур, представитель городского ремесла. Но какими чертами наделяет его поэт? Это искусный мастер, бесстрашный, независимый, честный и благородный. Его гигантский рост и сверхчеловеческие силы заставляют видеть в нем, скорее, не индивидуального богатыря, а олицетворенное воплощение труда.

Низами сталкивает между собой представителя замка и представителя города. Представитель города в этом столкновении гибнет. Иначе и не мог решаться вопрос для Азербайджана XII века. Город еще не был достаточно силен. Но характерно, что Ферхад гибнет в результате предательства, а не в честной борьбе. Низами как будто хочет сказать, что беда город еще не может совладать с коварством замка, но, может быть, наступит то время, когда он осознает свое право и сбросит с себя ненавистные - оковы. Для XII века весьма характерен этот рост самосознания города, его стремление окончательно отделаться от опеки замка. Поэма еще лишний раз показывает, какое мощное движение было оборвано кровавым потоком монгольского нашествия, надолго прервавшего естественное развитие стран Ближнего и Среднего Востока.

Таким образом, мы должны признать, что вторая поэма Низами - один из величайших шедевров не только азербайджанской, но и мировой литературы. Первый раз в литературах Ближнего Востока личность человека была показана во всем ее богатстве, со всеми противоречиями, взлетами и падениями.

*

Поэма имела успех при дворе. Поэту обещали столько богатств, что ему не верилось в возможность такой щедрости. Ему сулили китайские шелка, коней с царственным убором, десять рабов, пять рабынь. Все это

было обещано, но

Смотри, как задержалось выполнение обещания,
Как мое выючное животное пало, а выюк застрял на пути,
Как обещавший унес свои пожитки,
оставил несжатым засеянное поле^[44]].

И вот примчался -гонец с письмом, поспешно приветствовал поэта и сел. Он сообщил, что в тридцати днях пути от Ганджи находится шахский кортеж, что шах зовет поэта к себе на несколько дней. Затем он вручил Низами письменный приказ. Поэт собрался в путь. Когда он прибыл к шахскому лагерю, о нем доложили, и он был допущен в собственный шатер шаха. На престоле восседал Кизилшах^[45]. Когда Низами вошел в шатер, там происходила веселая попойка под звуки музыки, причем исполнялись газели Низами. При входе Низами шах из уважения к его аскетической жизни приказал убрать вино и удалить певцов и музыкантов. Он оказал:

Напев стихов его - слаще музыки,

Его речи от начала до конца - пение.

Низами приблизился к шаху, тот обнял его и разрешил ему сесть.

Началась беседа, в которой поэт увещевал шаха творить добро и быть справедливым и милостивым.

Затем вошел рави (декламатор)^[46] Низами и прочел касыду Низами в честь шаха. Выслушав стихи, шах положил руку на плечо поэта, похвалил его и завел речь о «Хосрове и Ширин»:

Для тебя и на мне и на брате моем

Стало обязанностью назначить кормление, словно молоко матери.

Брат, который был царем мира,

Миру был и великом^[47] и богатырем,

За ту книгу, над которой ты годы трудился,

Что дал тебе в награду из самоцветов и сокровищ?

Слыхал я, что он вытянул жребий на избавление тебя от нужды,

Написал на тебя две деревни из своих личных имений.

Что ты скажешь: дали тебе эти деревни или нет?

Ярлык на деревни тебе послали или нет?

Низами был крайне смущен этим вопросом. Как мы видели, он получил только обещание, а даров не получил. Но сказать об этом было опасно. Тем самым он принес бы жалобу на тех вельмож, которым было приказано выполнить веление и которые, очевидно, приказ утаили. Сказать же, что он получил то, чего ему не давали, было бы против правил Низами.

Он вышел из затруднения, сказав, что шах, конечно, обещал ему дары, но ведь он же скончался и тем самым «причинил ущерб не только мне, но и всему миру». Он тут же прибавил, что все его надежды на нового шаха.

Кизил-Арслан дал ему грамоту на владение (уже одной!) деревней Хамдуниан и добавил к этому почетный халат. Хотя шахская «милостью и убавила вдвое обещанную предшественником награду, но поэт все же осыпал дарителя благодарностями и получил разрешение отправиться домой. При выходе из шатра какой-то завистник посмеялся над ним, говоря, что особенно распинаться не стоило, так как награда эта -

Деревня, да что за деревня! Словно тесная печь.

Длина и ширина ее полфарсаха,

Дохода она не дает, а расходы на нее истощат любой карман,

Ведь на полях ее работает исполу абхазское царство.

Другими словами, она лежит на границе Абхазии, и урожай ее полей целиком достается не крестьянам, а совершающим набеги абхазцам. Верно ли было это утверждение, Низами не говорит. Он дал обидчику горький ответ, сказав, что шах увидел его скромность и нетребовательность и соразмерил по ней дар свой. Можно думать, что Кизил-Арслан действительно выбрал из всех своих поместий то, которое ему самому ничего не приносило, будучи уверен, что скромный шейх протестовать не посмеет. Никаких указаний на доходы с этой деревни мы в дальнейшем в произведениях Низами не находим.

Этот рассказ о свидании с Кизил-Арсланом дал историку XV века Доулатшаху повод к такому фантастическому преданию:

«Атабек Кизил-Арслан пожелал побеседовать с шейхом Низами. Он послал кого-то за шейхом. Доложили: шейх - отшельник и с султанами и правителями не общается. Атабек, желая проверить это, поехал повидать шейха. Шейх чудесным образом узнал, что атабек едет испытать его и относится к шейху с презрением. Шейх из духовного мира кое-что напустил в глаза атабеку. Тот увидел, что поставили царственный престол, украшенный самоцветами, и увидел кресло из драгоценных камней. Увидел, что сто тысяч слуг и воинов и свиты царской, и гуламы ^[48] с изукрашенными драгоценными камнями поясами, и хаджибы ^[49], и недимы ^[50] стоят вокруг, а шейх, словно падишах, сидит на том престоле.

Когда взор атабека упал на это величие и мощь, он смутился и хотел смиренно поцеловать ноги шейха. Вернувшись из мира духовного в мир физический, он увидел, что жалкий старик сидит у входа в пещеру на клочке войлока, а перед ним лежат священный свиток Корана,

чернильница, калам, молитвенный коврик, посох и немного бумаги. Он смиренно поцеловал руку шейха, и с тех пор его почтение к шейху достигло высокой степени. Шейх тоже краешек помыслов и забот уделял ему и временами посещал атабека и беседовал с ним».

Из этой легенды видно, как трудно полагаться на поздние источники. Авторы XV века скромная действительность не удовлетворяла, и ее украшали, не считаясь с собственными словами автора.

Поездка Низами к Кизил-Арслану была, повидимому, единственным случаем, когда он покинул свой родной город. Никаких упоминаний о выездах из Ганджи у него в дальнейшем не встречается. Правда, некоторые иранские литературоведы утверждают, что он ездил в хаддж с Хакани, с которым якобы был дружен; хронологически это невозможно, а среди поздних касыд Низами, написанных значительно позже (после 1191 года), можно найти указание, что поэт хотя и -мечтал о поездке в 'Мекку, но осуществить эту мечту ему не удалось.

НА ВЕРШИНЕ СЛАВЫ. «ЛЕЙЛЯ И МЕДЖНУН»

Материальное благосостояние Низами в результате его поездки к Кизил-Арслану едва ли особенно возросло. Но слава его, безусловно, значительно упрочилась. Весною 1188 года в его скромном доме снова появился царский гонец. На этот раз он прибыл из другого конца Азербайджана, из столицы ширваншахов Шемахи. Грозный Ахсатан I, столь сурово обошедшийся с Фелеки и Хакани, обратился к ганджинскому поэту с предложением написать для него поэму. В отличие от Ильдигизидов он не предоставил поэту возможности самому выбрать тему, - он прямо указал, что желает получить обработанную в персидских стихах арабскую легенду о несчастных влюбленных Лейли и Меджнуна.

Заказ этот не обрадовал Низами. Тема его не влекла, она не давала возможности достаточно широко применить выработанные к XII веку навыки поэтики. Она не позволяла ввести развернутые описания садов, царских пиров и т. п., обычных для того времени сцен. Низами с горечью замечает, что эта тема суха, как пески аравийских степей, где разыгралась трагедия Меджнуна.

Низами сообщает, что принять заказ его уговорил его сын Мухаммед, который в это время уже был тринадцатилетним мальчиком. Он сказал отцу, что на тему о любви он, знаток человеческого сердца, всегда сумеет создать прекрасное творение. Кроме того, с таким могущественным властелином, как Ахсатан, но его мнению, портить отношения не следовало. Более того, Мухаммед начал упрашивать отца отправить его, когда поэма будет закончена, вместе с рукописью в Шемаху к юному сыну

ширваншаха Минучихр ибн-Ахсатану.

Очевидно, Минучихр в это время только что достиг того возраста, когда, по обычаям времени, ему уже подобало создать вокруг себя свой собственный двор, своих советников, недимов и поэтов. Мухаммеда привлекала придворная пышность. Об этом довольно грустно говорит и сам Низами. Мухаммед рассчитывал, сблизившись с Минучихром, по вступлении его на престол сделать блестящую карьеру и выдвинуться на какой-нибудь крупный государственный пост. Низами согласился на эту просьбу и ввел в поэму обращение к Минучихру, в котором призывает его оказать внимание Мухаммеду. Из этого конечно, еще не следует, что поэт хотел расстаться со своим любимцем. Он мог рассчитывать на то, что Минучихр назначит его сыну пенсию, которая, как это тогда делалось, будет высылаться в Ганджу. Как бы там ни было, но из всех этих планов ничего не вышло, ибо по неизвестным причинам Минучихр своему отцу не наследовал.

Эта попытка обеспечить положение сына весьма показательна. Очевидно, материальное положение поэта уверенности в будущем ему не внушало. Правда, в «Лейли и Меджнун» нет жалоб на нужду, которые мы найдем в дальнейших поэмах. Некоторые историки из этого даже заключили, что дар Кизил-Арслана позволил поэту зажить спокойной деревенской жизнью. Но думать, что Низами перебрался в подаренное ему поместье, нельзя. Мы видели, что оно находилось где-то у границ Абхазии. Жить в таком углу в те времена безоружному горожанину было бы слишком опасно. Надо поэтому думать, что Низами довольствовался теми скудными доходами, которые удавалось получить с деревни Хамдуниан. Каждодневное пропитание было обеспечено, но будущее не могло не вызывать опасений. Итти же на службу к шахам Низами попрежнему упорно не желал. Он говорит в «Лейли и Меджнун», в главе, где дает советы сыну:

Откажись от шахского кормления,
Ибо военная служба несет бездомность,
Общенья с падишахом остерегайся,
Как сухой хлопок жаркого огня.
От огня, хоть он и полон света,
В безопасности лишь тот, кто вдали.

Можно, однако, думать, что, помимо доходов с Хамдуниана, у Низами был и еще какой-то заработок. На это как будто указывают его слова:

Я кормлюсь трудом своих собственных рук;

Если есть у меня достаток, то из собственного клада,

В другом месте этой же поэмы он говорит, что если бы ему не мешали другие работы, он закончил бы поэму скорее.

Но если материальная обстановка в конце восьмидесятых годов XII века и была у Низами довольно сносной, то жизнь поэта омрачалась тем, что его коллеги по профессии начали проявлять еще более энергичную деятельность, желая избавиться от столь мощного соперника.

Поэт горько жалуется на литературных воров.

Если я своим ремеслом делаю напевание газелей,

То он [соперник] выдвигает клевету.

Если я налаживаю бойкие касыды,

То он открывает вялые создания.

А когда он берется за писание поэм,

Как мне рассказать, какие бредни он городит!

Я чеканю свою монету хорошим штампом,

Он тоже чеканит, но наоборот.

Обезьяна ведь делает то же, что и люди,

И в мутной луже видны звезды.

Мало того, что эти любители легкой наживы его обкрадывают, они еще, стремясь прикрыть свои грязные дела, его же и обвиняют в плагиате:

Обкрадывающий меня, вместо награды,

Ругает меня, хотя это и воровской крик:

Ведь когда на улице ловят вора, воры

Бегут по улице, кричат: «Вор! Вор!»

То, что он крадет мои жемчуга, да простится ему,

Но ругань по отношению ко мне да станет ему бедой.

Видит он искусство, а сам в искусстве не силен,

Творит зло и даже не понимает этого.

Низами неприятно затрагивать эту тему. Но поэт оправдывает себя. Он сам никогда никого не обкрадывал; даже собаку, и ту не обидел дурным словом. Он знает, что выражать гнев не достойно разумного человека. Но все же бывают случаи, когда промолчать означает проявить малодушие. Сказать об этом нужно еще и потому, что если в Гандже земляки знают его силы и способности, то ведь за пределами города никто его не защитит от наветов, -приходится о защите подумать самому.

*

Сюжет, на который Ахсатан поручил Низами написать поэму, принадлежит к числу наиболее широко распространенных на Ближнем Востоке преданий. Если сравнить его распространение с близкой к нему по характеру «печальной повестью» о Ромео и Джульетте, то мы убедимся, что «Лейли и Меджнун» распространена гораздо шире.

С «Ромео и Джульеттой» в Европе и Америке, как правило, знакомятся через книгу или театр. Предания о Меджнуне во всех странах Ближнего и Среднего Востока давно слились с фольклором, и образы несчастных влюбленных становятся с раннего возраста близкими и привычными друзьями самых широких слоев населения, включая и неграмотных. Не приходится сомневаться в том, что этому распространению в значительной степени содействовала прекрасная поэма Низами.

Самая основа предания восходит к глубокой древности, Курдские фольклорные варианты довольно ясно показывают астральный (связанный с первобытными объяснениями движения звезд) характер лежавшего в их основе мифа. Однако имеющиеся в нашем распоряжении письменные документы все же не идут далее ранней арабской литературы, с которой поэтому и приходится начинать рассмотрение данной темы.

Заказ Ахсатана был формулирован весьма четко:

Хотим, чтоб в честь Меджнуновой любви

Гранил, как жемчуг, ты слова свои.

Чтобы, Лейли невинность обрета,

Ты был в реченьях свежим, как дитя.

Чтоб, прочитав, сказали мы: «Ей-ей!

Клянемся днесь короною своей,

Что сладость книги стоит сотен книг».

Ты перед нами некогда возник,

В чертоге слов, как некий шах Хосров,

Так не жалея опять своих даров, -

Арабской ли, фарсидской ли фатой

Украишь прелесть новобрачной той.

Но знай: с твоим искусством, Низами,

Знакомились мы прежде. Так пойми:

Для чьей отрады, для чьего лица

Ты нанизал свой жемчуг из ларца?

Нам неприличен тюркский твой язык.

Наш двор к простецким нравам не привык.

Раз мы знатны и саном высоки,

Высокие да слышим языки!

Характерно подчеркивание необходимости применения в поэме персидского языка. Оно неслучайно в устах ширваншаха, который, говоря о своей высокой родословной, имеет в виду связь с царями домусульманского Ирана.

Мы знаем две попытки увязать династию Ширваншахов с прошлым. По одной они ведут свой род от мифического стрелка из лука - Ареша, сына Кей-Кобада, по другой - от Бехрама Чубинэ, о котором мы говорили в предшествовавшей главе. Об этой похвальбой связью с древними властителями свидетельствует и список собственных имен Ширваншахов, среди которых мы находим Ферибурза, Манучихра, Фервдуна, Шаханшаха, Фаррухзада, Гершаспа, - всё имена, украшающие собой страницы «Шах-намэ». Это ясно показывает стремление восстановить старые традиции, сильно пострадавшие от долголетнего владычества тюрков - газневидов и сельджуков.

Несколько странен выбор темы. Казалось бы, что блюстителем иранских заветов нужно было заказать произведение на тему, связанную с традициями героического эпоса, столь популярного в этих кругах. Однако Ахсатан остановил свой выбор на чисто арабской теме, подчеркнув к тому же еще и желательность использования арабизмов в персидской речи.

О причинах такого выбора можно сделать следующее предположение. Ахсатан, видимо, интересовался литературой и был довольно начитан. Он не мог не знать, что почти все попытки продолжать традиции Фирдоуси в XI веке к желательным для старой аристократии результатам не приводили. Стоит вспомнить такие поэмы, как «Гершасп-намэ» Асади (написана в первой половине XI века) или «Вис и Рамин» Фахраддина Гургани (написана в середине XI века). Задание первой поэмы было - дать идеальный образ феодального аристократа. Гершасп, по мысли заказчика, должен был затмить доблестью даже знаменитого Рустама. На деле получилось иное. Как поэт ни восхваляет Гершаспа, но перед читателем встает образ жестокого, кровожадного, вероломного тирана, кроме отвращения никаких иных чувств не вызывающего. То же случилось и во второй поэме. Рамин, выставленный как образец рыцарских добродетелей, оказывается лживым, трусливым сладострастником, прекрасная Вис - распутной, безудержной в своих страстях, лживой и коварной. Хосров в изображении Низами идеальным типом отнюдь не является и сильно проигрывает рядом с простым ремесленником Ферхадом.

Предложенная Ахсатаном тема давала возможность избежать таких скользких вопросов. Она при любой трактовке не могла повредить интересам заказчика.

Низами взялся за предложенную ему тему, и в четыре месяца поэма была завершена. Совершенно неожиданно для самого поэта работа далась ему крайне легко:

Я говорил, а сердце давало ответ,
Я лишь царапну, а родник дает воду.
Если бы другие дела были запретны,
Была бы она завершена в четырнадцать ночей.

Низами указывает и точную дату окончания Труда - 24 сентября 1188 Пода.

В стихах ранних персидских поэтов XI века мы уже нередко встречаем имя Меджнуна, обычно приводимого как образец преданного возлюбленного. Можно поэтому думать, что предание о Меджнуне в это время уже было широко известно. Но письменных источников на персидском языке, излагающих это предание в более или менее полном виде, пока не обнаружено. Нужно поэтому думать, что Низами пользовался преимущественно источниками арабскими. У арабов эта тема была разработана как в фольклоре, так и письменно. Ввиду крайней сложности исследования раннего арабского фольклора мы здесь этой первой группы источников касаться не будем, а отошлем интересующихся ею к работе академика И.Ю. Крачковского [\[51\]](#)

Из письменных источников, которые могли быть доступны Низами» мы остановимся на трех. Старейший из них - «Трактат о поэзии и поэтах» Ибн-Кутейбы (умер в 689 году). В этом трактате целая глава отведена Меджнуну.

Из нее мы узнаем, что настоящее имя Меджнуна [\[52\]](#) было Кайс ибн-Муад, или, по другому варианту, Кайс ибн-Мулаввах, и что происходил он из племени Бени Джа'да. В детстве Кайс вместе с девочкой из своего племени, Лейли, пас верблюжат. Постоянное общение детей привело к тому, что они горячо полюбили друг друга. Но, как говорит автор, «дело Меджнуна затянулось», и в результате он потерял рассудок. Он бежал от людей, начал скитаться с дикими зверями, носил рубище. Когда с ним заговаривали, он не понимал человеческой речи и отвечал только в том случае, когда при нем произносили имя Лейли.

Некий Науфаль ибн-Мусахик, услышав о Меджнуне, разыскал его в пустыне. Он нашел Меджнуна голым, играющим с пылью. Он одел безумца в припасенные одежды, пытался говорить с ним, но ответа не получил. Тогда он заговорил о Лейли. Меджнун пришел в себя и даже запел стихи. Науфаль решил помочь Меджнуну и повел его с собой. Но племя Лейли

встретило их с оружием в руках, и старейшины заявили: «Ёаллахи! О, Ибн-Мусахик, Не вступит Меджнун на нашу стоянку никогда, или же мы все умрем». Науфалю пришлось отказаться от осуществления своего намерения.

Далее рассказывается, что некто на пути в Хиджаз был застигнут непогодой и вынужден искать убежища в богатом шатре, возле которого было много скота. Одна из женщин в шатре, узнав, что он едет из Неджда, стала расспрашивать его, что он знает о человеке по имени Кайс. Узнав о его невзгодах, она долго рыдала. Это и была Лейли.

Отец Меджнуна пытался всеми способами уговорить отца Лейли согласиться на их брак, но тот принес клятву, что не выдаст свою дочь за Меджнуна никогда.

Тогда Меджнуна повезли в Мекку. Там он должен был помолиться об избавлении от страсти. Но когда путники были в долине Мина, где-то поблизости, за шатрами, раздался возглас: «О, Лейли!» Этот возглас мгновенно с полной силой воскресил уже остывавшую страсть, и Меджнун упал без чувств. Надежд на его излечение уже нет. Лейли тем временем выдали замуж за другого, и, узнав об этом, Меджнун окончательно помешался. Его заковали в цепи и заперли. Но он так бился, что родные побоялись удерживать его и отпустили. Он ушел в пустыню и стал скитаться с дикими зверями. Ему носили туда пищу и оставляли ее в определенном месте, куда он за нею приходил. Несмотря на безумие, Меджнун все это время складывал прекрасные песни о своей любви, и одному юноше удалось даже подслушать и записать их. Как-то раз заметили, что он три дня не приходил за пищей. Пошли искать и нашли его мертвым в каменистой лощине.

Очень близки к этим рассказам и сведения, сообщенные знаменитым сборником «Книга песен» Абу-л-Фараджа ал-Иефахани (897-957). Абу-л-Фарадж говорит, что по одним сведениям Меджнунов было несколько, а по другим - это вымышленный персонаж. Один юноша из дома Омейядов любил дочь своего дяди, писал о своей любви стихи и придумал предание о Меджнуне, желая скрыть свою страсть.

Излагая далее самое предание, Абу-л-Фарадж сначала сообщает то же, что мы находим у Ибн-Кутейбы. Интересен такой рассказ. Прекраснее Лейли для Меджнуна в мире нет ничего. Только однажды ее красоту ему напомнила газель. На нее напал волк, зарезал ее и начал пожирать, но тут подоспел Меджнун и убил волка.

Далее следует рассказ о том, как Меджнун однажды встретил двух охотников, которые вели пойманную газель. Он выкупил ее в обмен на овцу

и отпустил на волю.

Наиболее полным сводом рассказов о Меджнуне можно считать так называемый «Диван Меджнуна» - сборник его стихов, снабженных комментарием Абу-Бекра ал-Валиби.

В этом сборнике эпизоды уже слегка между собой связаны и чувствуется какая-то единая линия. Детство молодых людей здесь описано так же, как и у Ибн-Кутейбы, с добавлением такого рода. Лейли любит слушать старые предания, и Меджнун развлекает ее своими повествованиями. Об их привязанности узнает отец Лейли и, разгневанный, обращается к султану, который объявляет Меджнуна вне закона. Далее следует неудачное сватовство, отчаяние Меджнуна, его поездка в Мекку и все то, что мы уже рассказывали. Причина, по которой отец Лейли не соглашается на брак, такова: народ слишком много болтает о близости молодых людей друг к другу.

Интересны такие эпизоды: Меджнун встречает на дороге старуху, ведущую на цепи человека. Он спрашивает, почему этот несчастный закован. Старуха отвечает, что он таким способом собирает подаяния, а половину отдает ей. Меджнун восклицает: «Посади лучше меня на цепь я беру себе тогда весь заработок».

Меджнун видит ворона, который каркает, сидя на дереве. Подойдя, он начинает беседовать с птицей [53]. После разговора с вороном следует беседа с другими птицами.

О смерти Меджнуна этот источник говорит так. Меджнун как-то раз встречает двух всадников, от которых узнает, что Лейли умерла. Он просит провести его на ее могилу, бросается на нее и так и остается лежать, пока его самого не настигает смерть.

Этот сжатый обзор показывает, что хотя предания, связанные с именем Меджнуна, к XII веку еще и не облеклись в форму законченного художественного произведения, но стержень романа наметился уже вполне отчетливо. Характерно, что первоначальная версия крайне скупа на факты. Развития действия почти нет.

У Низами поэма начинается рядом вступительных глав, среди которых особенно привлекает внимание глава, посвященная памяти усопшей родни. Каждый отрезок этой главы завершается обращением к кравчему с призывом подать «вина забвения». Эти призывы звучат - мрачным заклинанием и придают вступительной части оттенок какой-то отрешенности. Затем следует само предание.

В арабских странах жил один вельможа, правивший племенем Бени-Амир. Он могуществен, благороден, гостеприимен, богат. У него есть все,

но нет сына. Он страстно жаждет потомства, раздает милостыню. Но все бесполезно. Здесь поэт вводит отступление на тему о том, что люди часто страстно желают чего-либо, не зная, какие горести принесет им осуществление их мечты. И вот желание вельможи исполняется. У него рождается сын, которому дают имя Кайс. В десять лет он становится таким красавцем, что слухи о его красоте расходятся по всей стране.

Низами, вводит в поэму предисторию: знакомый сказочный мотив о «вымаливании» сына, весьма близкий к вступительной части его предшествовавшей поэмы.

Отец посылает мальчика в школу и поручает опытному воспитателю. Вместе с Кайсом в школу поступает еще несколько мальчиков и девочек, и среди них юная красавица - Лейли. Кайс и Лейли ежедневно встречаются в школе, и эти встречи приводят к зарождению любви.

Мы видим, что версию о верблюдах Низами отбрасывает, Это понятно, ибо у него отец Меджнуна не рядовой бедуин, а знатный муж, своего рода князек. Повидимому, поэт таким путем стремится перевести действие предания в более высокие социальные слои, приблизить сказание по характеру к старой традиции, где герои всегда - царевицы и царевны.

Дети знают, что их любовь может породить всякие толки. Они пытаются скрыть ее, но это им не удается, и начинают ползти сплетни. Кайсу, потерявшему голову от любви, дают насмешливое прозвание «Меджнун» (одержимый). Взрослые находят, что эта любовь неуместна, детей разлучают. Но разлука еще более обостряет чувства Кайса. Он блуждает по улицам и базарам, распевает тоскливые любовные песни, а его со всех сторон дразнят, крича: «Меджнун! Меджнун!» От этого его безумие еще возрастает. По утрам он босиком, с непокрытой головой убегает в степь, а по вечерам, в темноте, пробирается на улицу своей милой. Только с величайшей неохотой он поздней ночью возвращается домой.

У Меджнуна есть несколько друзей. С утра он уходит с ними бродить по улице Лейли. Если с ним заговаривают о чем-либо кроме нее, он не слушает и не отвечает. Отец его узнает, что случилось с юношей. Он решает посватать Лейли для сына, Старцы племени это решение одобряют.

Отец выезжает с большой пышностью, окруженный огромной свитой. Племя Лейли гостеприимно встречает его, вопрошает, каково его желание: Он излагает свою просьбу, подчеркивая, что не стыдится говорить об этом деле, ибо он известен по всей стране богатством и могуществом.

«Я жемчуг покупаю, чем не честь?

Ты продаешь. Товар в цене сегодня.

Торгуйся, чтоб я выше цену поднял».

Однако отец Лейли на эту сделку не соглашается. Его возражения таковы:

«Твой сын прекрасен, и родство мне лестно,
Но он для нас не родич и не друг
И счастья не внесет в семейный круг.
Он одержим безумием и болен.
Ты исцелить его, конечно, волен
Молитвами - тогда и приходи.
Покончим же до встречи впереди
Наш разговор. А жемчуг твой с изъязном -
Не предлагай ни в братья, ни в зятя нам,
В таких делах арабы знают толк:
Боюсь молвы», И тут отец умолк.

Отец Меджнуна ничего не может возразить на это, и амириты ^[54] печально отправляются в обратный путь. Узнав о неудачном исходе сватовства, Меджнун разорвал на себе одежды и с воплем - «Лейли! Лейли!» умчался в горы. Состояние его после этого с каждым днем начинает ухудшаться. Родня приходит к выводу, что помочь в этой беде может только храм в Мекке - Ка'ба. Прибыв в Мекку, отец подвел юношу к храму, приказал взяться рукой за кольцо на двери храма и просить избавления от любовной тоски. Он закончил речь наставлением, что именно нужно сказать-.

Помоги, ибо я терзаем любовью,
Освободи меня от любовной муки.

Но эти-то слова и нельзя было произносить. Услышав слово «любовь», безумец расхохотался и, ухватившись за дверное кольцо, начал молить бога о том, чтобы он довел его любовь до высшего возможного предела.

«Велят мне исцелиться от любви,
Уж лучше бы сказали: не живи!
Любовь меня вскормила, воспитала,
Мой путь навек она предначертала.
Моей, аллах, я страстию клянусь,
Твоей, аллах, я властью клянусь,
Что все сильнее тот пламень разгорится,
Все горячее в крови он растворится,
Что в час, когда земной истлеет прах,

Любовь моя останется в мирах.
И как бы пьяным нежностью я ни был,
Налей еще пьянее - мне на гибель!
Мне говорят, чтоб я Лейли забыл.
Но ты, аллах, раздуй мой страстный пыл.
Всю жизнь мою, все радости, все муки
Отдай в ее младенческие руки.
Пусть буду тоньше волоса Лейли,
Но только бы чело ей обвили
Те выющиеся - черной смольной чащей!
Будь раной я сплошной кровоточащей -
Пускай она по капле выпьет кровь!
И как ни велика моя любовь,
Как много дней о ней я не тоскую.
Продли, аллах, подольше боль

Слыша эти речи, удрученный отец смолкает. Ему ясно, что теперь Меджнун погиб безвозвратно.

Вести о происшествии в Мекке разнеслись повсюду. Начинаются рассказы, приводящие Лейли в отчаяние. Старейшины говорят ее отцу, что такое положение далее терпеть нельзя. Тот обнажает меч и говорит, что урезонит Меджнуна этим средством. Кто-то из амиритов, случайно узнав об этом, предупреждает отца Меджнуна о грядущей беде.

Отец в смятении посылает друзей в степь искать сына. Его находят. Отец идет к нему. Увидев его, Меджнун падает к его ногам и молит о прощении. Он знает, что терзает отца своим безумством, но он не в силах совладать с собой. Все советы отца он отклоняет. Такова судьба, тут ничего поделать нельзя. Отец все же везет его домой, но через два-три дня юноша опять убегает. Он бродит по горам Неджда, распевая газели. Со всех сторон сбегается народ послушать его прекрасные песни. Многие записывают их, и так его стихи становятся широко известны.

Лейли тоже тоскует, но вынуждена скрывать свою скорбь. От времени до времени она пишет несколько строк стихов на листке бумаги и бросает листок на дорогу с крыши дома. Нашедший такой листок обычно относит его к Меджнуну, а тот тут же приписывает ответ. Их стихи становятся так широко известны, что их распевают даже дети.

Как-то раз весной Лейли едет на прогулку в загородный сад. Там ее случайно видит богатый юноша Ибн-Селам, Он посылает к ее родителям сватов, обещает за Лейли несметные богатства и огромные стада.

Родителям это предложение кажется приемлемым, но они просят повременить со свадьбой, пока Лейли не придет немного в себя от потрясения.

Тем временем Меджнуна во время его скитаний по горам встречается Науфаль. Расспросив юношу и узнав, в чем его горе, он обещает силой или золотом добыть ему его возлюбленную. Он только просит, чтобы Меджнун на это время прекратил свои безумства и вел себя, как все люди. Меджнун дает согласие, отправляется домой, идет в баню, облачается в роскошные одежды и проводит время с Науфалем. Науфаль, собрав дружину, идет на племя Лейли и требует выдачи девушки, грозя в случае отказа войной. Но племя предпочитает войну позорной уступке. В бою оно нападает столь яростно, что дружина Науфаля терпит поражение.

Тогда Науфаль собирает новое огромное войско и вторично ведет его в бой. Племя Лейли, измученное предшествовавшим боем, уже не может сопротивляться. Старейшины говорят отцу Лейли, что надо сдаваться. Он идет к Науфалу, падает ниц и говорит: «Мы побеждены. Если ты возьмешь мою дочь и отдашь ее последнему рабу своему, то я согласен на это. Если ты решишь тут же убить ее, я покорюсь и этому. Но этому помешанному я ее не отдам. Он - безумец, ему нужно сидеть в цепях. Отдать ему дочь - опозорить себя навсегда. Если ты на этом настаиваешь, я вернусь, отрублю ей голову, а тело брошу на съедение собакам». Науфаль видит, что переупрямить старика не удастся. Приходится отказаться от своего намерения. Тогда Меджнун, осыпав Науфаля упреками, поворачивает коня и уносится на нем в степь.

По пути он встречается охотника, который поймал в силки несколько газелей и собирается их зарезать. Меджнун упрекает его - ведь их глаза похожи на глаза Лейли. Охотник с изумлением отвечает, что он так рассуждать не может: он беден, у него семья, это его единственное пропитание. Меджнун отдает ему своего коня со всем роскошным убранством и выпускает газелей на волю.

Такая же сцена происходит на другой день с охотником, поймавшим оленя. Ему Меджнун отдает свои драгоценные доспехи. В полдень после этого он садится в тень дерева. На ветвях сидит ворон, и Меджнун вступает с ним в беседу, спрашивая, в чем его горе и что заставило его облечься в черные одежды. Но птица не дает ответа и улетает. Меджнун один в тоске всю ночь напролет льет слезы.

Поутру он снова направляется в сторону кочевий Лейли. По пути он встречается старуху, которая ведет на цепи сумасшедшего. Меджнун расспрашивает ее, кто это. Оказывается, это они от нищеты дошли до такой

крайности, что она водит своего спутника под видом пленника и собирает по крохам на его выкуп. Добытое они делят пополам. Меджнун падает к ее ногам и молит: «Посади меня на цепь, я заслужил это. Я буду служить тебе вместо него, а заработок ты можешь брать себе целиком». Старуха рада такой выгодной сделке. Они подходят к дому Лейли. Почувствовав аромат ее лужайки, Меджнун бросается на землю - он в цепях за свои проступки, пусть же ему отрубят голову. Безумие его все возрастает. Внезапно он вскакивает, мощным усилием разрывает свои цепи и, как зверь, уносится в горы.

Родные спешат за ним, но, увидев его, отступают. Кроме имени Лейли, он уже не помнит ничего и не понимает обращенных к нему речей.

Мы видели выше, что эпизод с нищим на цепи имелся уже в арабском источнике. Но как изменен его характер у Низами! В арабской версии это одно из очередных чудачеств Меджнуна. Низами превращает этот эпизод в кульминационный пункт всей трагедии. Разрывание цепей символически обозначает, что Меджнун порвал все узы условностей, что связи с внешним миром у него больше нет. С этого момента становится ясно, что как бы ни довернулись события, для Меджнуна спасения больше уже нет, ибо вернуться в тот мир, с которым он порвал связи, он не сможет.

В тот день, когда усилия Науфаля кончились неудачей, отец Лейли вернулся домой - в растерзанных одеждах, с чалмой, съехавшей набок. Он рассказал, как ему удалось перехитрить Науфаля и отделаться от него раз и навсегда. Лейли в полном отчаянии. К ней со всех сторон съезжаются женихи. Ибн-Селам слышит об этом и спешно выезжает за ней с царственной пышностью. Готовят свадьбу.

После свадебных торжеств невесту везут в дом жениха. Два-три дня муж не решается подступить к молодой. Когда же, наконец, он пытается обнять ее, она дает ему такую пощечину, что он падает замертво. Лейли грозит мужу и советует ему даже Не пробовать приближаться к ней. Он может убить ее, но от нее никогда ничего не добьется. Ибн-Селам покоряется. Он мог бы развестись, но не хочет. Его утешает хотя бы то, что Лейли живет у него и дома и он иногда может ее видеть.

Какой-то путник, случайно встретив Меджнуна в степи, сообщает ему, что Лейли изменила ему, вышла замуж и счастлива с молодым мужем. Меджнуна охватывает такой приступ отчаяния, что путник тут же признается в клевете. Нет, - говорит он, - хоть ее и выдали замуж, но она верна тебе и тоскует.

Отец Меджнуна покорился судьбе. Но тоска гложет его, он с каждым днем слабеет и чувствует, наконец, приближение смерти. Он идет

попрощаться с сыном и находит его в ужасающем состоянии. Меджнун сначала не узнает отца, но потом бросается ему в ноги, и они долго рыдают вместе. Отец говорит о предчувствии близкой смерти и просит Меджнуну хоть последние деньки провести опять под родительским кровом. Но Меджнун отвечает, что у него своей воли более нет. Пусть отец считает, что сына у него никогда не было.

Вырой могилу, положи на нее руку,
Думай, что умер опьяненный влюбленный.

Отец видит, что все мольбы напрасны. Печально плетется он домой и дня через два умирает. Меджнун случайно узнает о его смерти. Он мчится на могилу, припадает к ней и горько рыдает. Вспоминая ласки и заботы отца, он жалеет, что отец всегда был к нему слишком мягок. Всю ночь он проводит на могиле, а поутру снова уходит в горы. Теперь, кроме возлюбленной, Меджнун оплакивает и отца.

Как-то раз, блуждая по степи, он нашел листок, где были рядом написаны оба имени: Лейли и Меджнун. Меджнун выскреб ногтем имя Лейли. Его спросили, почему он это сделал. Он ответил, что его имени достаточно: Лейли все равно и так в нем содержится.

Вскоре Меджнун совсем одичал. Вокруг него собираются дикие звери и живут около него, не трогая друг друга ^[55]. Из страха перед зверями никто не решается к нему приблизиться, ибо звери всех, кто ему не нравится, разрывают на куски. Приносимую ему пищу он отдает зверям. Поэтому они еще больше любят его, считая его своим кормильцем.

Здесь Низами вводит любопытную притчу. В Мерве жил царь, который осужденных им на смерть людей отдавал на растерзание своре кровожадных псов. У него был приближенный юноша, которого он очень любил. Но юноша не слишком доверял царской любви и предвидел, что рано или поздно ему тоже придется стать жертвой псов. Поэтому он сдружился с псарями и начал каждый день приходить к собакам и кормить их. Грозный день настал. Юношу за какой-то пустяковый проступок бросили псам. Но собаки его знали и не тронули, а только ласкались. Наутро царь начал раскаиваться в своем поступке и послал посмотреть, что случилось с его любимцем. Посланец доложил, что это, наверно, не человек, а святой: собаки его не тронули. Царь спешит к юноше сам и с изумлением спрашивает, как это могло случиться. Тот объясняет кажущееся чудо и прибавляет: «Десять лет я честно служил тебе, и вот что я получил в награду. Собаки же помнят добро и лучше тебя оценили мою дружбу». Царь огорчился и прекратил свои жестокости.

Далее следует изумительной красоты описание ночи. Низами начинает главу с прекрасного описания звездного неба. Меджнун один в пустыне беседует со звездами. Но он сознает, что от них помощи в его беде ждать нельзя, и обращается к богу, моля послать ему хоть какой-нибудь просвет в темной ночи его горя. Посреди молитв он засыпает. И вот настает утро, и перед Меджнуном появляется всадник, приведший ему письмо от Лейли. Письмо - чудо эпистолярного стиля эпохи, оно полно изысканнейших образов и сравнений. Лейли заверяет Меджнуна в своей любви и клянется, что думает только о нем. Меджнун с тем же гонцом посылает ответ, в котором описывает свое состояние.

Теперь к Меджнуну приходит его мать. Она тоже уговаривает его вернуться. Ведь и птицы, говорит она, по ночам возвращаются в гнезда. Но юноша дает все тот же ответ - своей воли у него более нет.

В тоске мать идет домой и тоже вскоре умирает. Снова Меджнун бежит на кладбище, давая волю своей скорби. На его вопли собирается вся его родня. Меджнуна хотят отвести домой, но, поняв это, он точас же скрывается в горы.

Муж Лейли тщательно стережет ее, чтобы она не могла убежать из дому. Как-то ночью ей удается выйти на дорогу, где она случайно встречает дядю Меджнуна - Селима. Лейли дает ему свои серьги и просит, чтобы он привел Меджнуна в назначенное место: она хочет посмотреть на него и послушать его новые песни.

Селим передает племяннику поручение, и Меджнун спешит в указанную ему пальмовую рощу. Звери сопровождают его, как свита. Селим извещает Лейли, она идет в рощу, но садится там поодаль, скрытая от глаз Меджнуна. Подойти ближе ей не позволяет честь. Меджнун по ее просьбе поет ряд страстных, пламенных газелей, а затем уходит в степь. Лейли в тоске идет домой.

Здесь вводится эпизод появления Селима, багдадского юноши. Он познакомился со стихами Меджнуна и страстно желает увидеть самого поэта. Ему удастся разыскать Меджнуна, сойтись с ним, и он некоторое время проводит в пустыне, старательно запоминая каждую строку его любовных газелей. По истечении некоторого времени он возвращается в Багдад, где и записывает все заученные стихи. Назначение этого эпизода очевидно. Не нужно забывать, что стихи Меджнуна были широко известны. Но ведь при чтении поэмы у всякого читателя должен был встать вопрос: каким образом эти стихи могли стать известны, если Меджнун скитался один в пустыне, стихов не записывал и пел их только своим зверям? Фигура собирателя устного творчества ничего необычного для

литературной традиции Ближнего Востока не представляет, ибо еще в VIII-IX веках арабские филологи приложили много усилий к собиранию устного творчества среди кочевых бедуинов.

Ибн-Селама терзает страсть к недоступной жене. Его здоровье начинает пошатываться. Его лечат, но подорванный организм не может справиться с поразившей его злокачественной лихорадкой, и Ибн-Селам умирает. Лейли делает вид, что оплакивает мужа, но на самом деле плачет по Меджнуну. У арабов есть обычай, по которому жена после смерти мужа два года должна сидеть дома и ни с кем не видеться. Лейли пользуется этим предлогом и дает полную волю своей скорби, которую ей так долго пришлось сдерживать.

Но эта тоска все больше подтачивает силы. Наступает осень. Поэт дает дивную картину умирания природы и на этом фоне рисует предсмертную болезнь Лейли. Лейли зовет мать, открывает ей свою тайну. Она уже не боится говорить о своей любви, жить ей все равно осталось недолго. Лейли просит при погребении убрать ее, как невесту. Она знает, что ее милый придет поплакать над ее прахом. Ее последнее желание - пусть его не гонят, пусть с ним обойдутся хорошо. С этими словами она умирает.

Узнав о смерти Лейли, Меджнун идет на ее могилу и обливает ее кровавыми слезами. Он то в исступлении мечется по горам, то снова возвращается на могилу, часами лежит на ней, поверяя ей свои тайны, под охраной свиты своих верных зверей. Силы Меджнуна постепенно тают, он молит бога избавить его от нестерпимого бремени жизни. Умирает он, нежно обняв могильный холм. Тело его месяц, а быть, даже и год, лежало на могиле Лейли, ибо звери никого близко не подпускали. Только когда они разбрелись, смельчаки решились подойти к могиле и увидели, что Меджнун мертв. Его похоронили рядом с Лейли, и могила его вскоре прославилась, как чудотворная.

Заканчивается поэма обращением к Ахсатану, в котором поэт дает ширваншаху еще ряд советов.

Сличая поэму с основными элементами арабских преданий, мы сразу же можем убедиться, что Низами крайне добросовестно воспроизвел всю структуру предания, не опустив ни одной его существенной части. Нужно обратить внимание на то, с какой осторожностью поэт обращался с материалами, используя зачастую даже мелкие детали. Правда, родители влюбленных у него превратились в своего рода царьков, но и арабские предания отмечают их богатство и мощь. Совпадают многие мельчайшие детали, как, например, беседа с вороном.

Характерны отличия, объяснить появление которых нетрудно.

Предистория Кайса возведена к излюбленному сказочному мотиву «вымаливания» сына. Изменена картина зарождения любви, и вместо трогательных верблюжат появилась школа. Это понятно. Патриархальный быт бедуинов читателям Низами был далек, и заставить сына царька быть пастухом уже было невозможно.

Сильно изменено вмешательство Науфаля, развернувшееся в целый, крепко сложенный эпизод. Боевого столкновения в арабском предании нет, но понятно, что для поэта XII века описание боя было выигрышной темой, позволявшей показать все свое мастерство. Аристократу-читателю, как правило, знатоку военного дела, было, конечно, приятно видеть художественное претворение близких и понятных ему картин.

Нет в арабских преданиях и беседы Меджнуна со звездами. Но и эта деталь в обстановке XII века понятна. Астрономическая и астрологическая тематика занимает у Низами видное место. Эти темы затрагивали и ширванские поэты Хакани и Фелеки. Следовательно, при ширванском дворе астрологией, вероятно, интересовались. Поэтому было вполне естественно, что Низами включил эти мотивы в поэму, посылавшуюся в Ширван.

Итак, сомневаться в том, что арабские источники поэту были известны и были изучены им с величайшей тщательностью, не приходится. Вполне возможно, что ему могли быть известны и фольклорные варианты предания. Но в каком виде в Гандже XII века это предание циркулировало в народных массах, мы не знаем и вряд ли когда-либо узнаем. При изучении поэмы в первую очередь бросается все же в глаза связь не с фольклором, а теснейшее соприкосновение с арабскими письменными материалами.

Но связь эта отнюдь не превратилась в простой пересказ предания. Нужно помнить, что ни один из доступных нам старых источников предания как органического целого не знает. Это только отдельные эпизоды, их порядок может меняться, связь между ними весьма слаба. Поэтому мы можем с полным правом заключить, что соединение разрозненных фрагментов в одно целое нужно отнести за счет собственной работы Низами. Это становится особенно ясным при рассмотрении основной линии поэмы. Арабские фрагменты дают, в сущности говоря, такую краткую формулировку сюжета: Кайс полюбил Лейли настолько страстно, что получил прозвание Меджнуна; попытка просватать за него девушку оказалась безуспешной; предпринятые для излечения его меры не привели к цели, и он погиб от любви. Иначе говоря, состояние Кайса статично, сюжет не развивается.

Низами такое построение не удовлетворяет. Он уже в

предшествовавшей поэме дал образ Хосрова в становлении; показав его характерную раздвоенность, привел его все же к победе над самим собой. К этому же стремится поэт и здесь. Он ставит перед собой задачу показать, как юношеская любовь Меджнуна в результате неожиданной неудачи разгорается в жгучее пламя. Поэма отчетливо распадается на ряд эпизодов, каждый из которых как будто подает надежду на благополучное разрешение конфликта. Но так как все попытки кончаются неудачей, то каждая из этих неудач еще усиливает страсть, постепенно превращая ее в стихийное бедствие. Эти эпизоды, таким образом, служат как бы для задержания действия.

Наконец страсть доходит до кульминационного пункта. Наступает катастрофа. Внешне это отмечено символическим актом разрывания цепей. Связь Меджнуна с человеческим, обществом порвана навсегда. Возврата уже быть не может. У читателя создается твердое убеждение, что теперь, что бы ни произошло, счастливого разрешения трагедия Меджнуна уже не получит.

Низами нашел крайне убедительный путь, чтобы показать эту невозможность. Его Лейли не случайно и в доме мужа остается девственницей. Едва ли резкое столкновение с Ибн-Селамом было необходимо поэту лишь для того, чтобы показать ее верность возлюбленному. Муж умирает. Теперь, казалось бы, отпали все препятствия, она может прийти в объятия Меджнуна. Но устранение препятствий произошло слишком поздно. Меджнун, разорвав путы общества, в Лейли уже не нуждается. Поэт ясно показывает, что после этого перелома образ Лейли окончательно и полностью вытесняет собственное «я» Меджнуна. Он уже не Кайс, он та оболочка, в которой живет его идеальная Лейли, гораздо более прекрасная и светлая, чем любая земная Лейли. Он действительно одержим Лейли, она - в нем, вытесняя его собственную индивидуальность. Сама девушка, столько выстрадавшая из-за своей несчастной любви, ему уже более не нужна. Имея возможность приблизиться к Лейли, Меджнун все же от нее уходит. Вот потому-то она и умирает, как бы уступая свою жизнь тому призраку, который живет в Меджнуне.

Слияние осуществилось, но не в том плане, в котором ожидал его увидеть читатель. Эта-то концепция и превращает отрывочные рассказы в одно стройное целое.

Эта концепция очень близко подходит к идее мистического «слияния» суфиев, где «низшее я» угасает в «я космическом». Но это толкование, которое было потом принято всеми восточными комментаторами, при всей

его соблазнительности последовательно применено быть здесь не может. Мешает этому отход Лейли на второй план и ее угасание. Если бы она была символом «космического я», она должна была бы оставаться попрежнему облеченной в свое величие, далекой и недостижимой, влекущей к себе еще несметное множество таких же бесследно растворяющихся в ней Кайсов. Поэтому суфийское толкование было бы слишком упрощенным. Низами дает гораздо более сложный процесс, хотя и не лишенный налета своеобразной мистики, но в основных своих чертах скорее подлежащий анализу по линии психологии творчества.

Рядом с этой основной линией поэмы отчетливо вырисовывается и вторая линия, уже имевшаяся в арабской традиции. Арабского филолога Меджнун интересовал не как влюбленный, а прежде всего как гениальный поэт, выразивший в прекрасных стихах свои страдания. Но предание в одном отношении могло вызвать недоумение. Меджнун большую часть своей недолгой жизни провел, скитаясь в одиночестве по безлюдной пустыне. Поэтому, естественно, вставал вопрос: каким же путем его стихи, которые он, конечно, не записывал, а пел скалам и ветру в пустыне, могли сохраниться? Арабские передатчики сознавали это и ввели в повесть ряд встреч Меджнуна с любителями поэзии, записавшими его творения. Так, предание приобретало характер своеобразного историко-литературного романа-романа о поэте. Низами и этой линии уделил внимание. Всюду, где это только было возможно, вставлены замечания, поясняющие, какими путями сохранились и распространились стихи Меджнуна. Очевидно, для Низами, тоже было важно подчеркнуть, что «любовное безумие» не просто лишило Кайса рассудка, а дало толчок к полному развитию его поэтического таланта.

Таким образом, Низами показывает еще одну из сторон любви. Если в «Хосров и Ширин» мы видели любовь, вдохновляющую на подвиг, разжигающую геройство, то здесь показана страсть, претворяющаяся в гениальную поэзию. Любовь Меджнуна иная, чем любовь Хосрова, и потому Низами изменяет и метр поэмы, используя не применявшийся до него в эпической поэзии усеченный хазадж.

Образ Меджнуна зачастую встречает критику европейского читателя. Меджнун кажется ему слишком пассивным, покорно сносящим все удары, не пытаясь их отвести, и лишь изливающим свою скорбь в бесконечных жалобах. Но не нужно забывать, что эти жалобы - поэзия, что это и есть его основное назначение. Меджнун действует, он создает, но создает только художественное слово.

Поэзия Переднего Востока уже к X веку выработала тип влюбленного,

который лишь в редчайших случаях предстает перед нами счастливым. Он почти всегда безнадежно влюбленный, страдающий или от непреклонности возлюбленной, или от зорко следящего за ней стража. Почти любая газель основана на этом представлении, причем обычно поэт в роли несчастного влюбленного изображает самого себя.

Таким образом, Меджнун в изображении Низами становится как бы собирательным типом поэта. Можно с уверенностью сказать, что образ Меджнуна оказал громадное влияние на почти всю последующую газельную лирику, которая разрабатывает преимущественно мотивы, уже широко развернутые Низами в этой поэме.

Наконец отметим еще третью линию, не занимающую главного места, но, несомненно, введенную поэтом совершенно сознательно. Низами почти все свои творения рассматривал как произведения дидактические. Их задача - поучать читателя, указывать ему правильный путь. Сюжет «Лейли и Меджнун!» крайне затруднял введение дидактического элемента. Может быть, это-то и огорчало поэта, когда он получил заказ от ширваншаха. Но все же некоторый выход Низами нашел, и элемент дидактики введен и сюда. Низами показывает два типа отцовской власти: отца Кайса и отца Лейли. Отец Кайса вымолил себе сына у бога, этот сын - поздно пришедшая к нему радость. Отсюда необычайная для того времени мягкость его к Кайсу. Он ни в чем не пытается препятствовать сыну, идет навстречу всем его желаниям и так, против своей воли, становится причиной его гибели. Может быть, действуя более решительно, он сумел бы предотвратить катастрофу.

Полная противоположность - отец Лейли, жестокий и непреклонный, ни в чем не считающийся с желаниями дочери и тем губящий ее счастье. Как третий возможный тип отца, Низами показывает себя самого. В его обращенных к сыну словах звучит нежнейшая, преданная любовь. Но он не склонен потворствовать его прихотям. Он говорит о тех чертах характера сына, которые ему не нравятся, стремится отвлечь его от карьеры поэта, не сулящей, по его мнению, ничего хорошего. Он раскрывает перед сыном свои мысли о выборе профессии, дает советы, проверенные им на личном опыте.

Сопоставляя эти три вида отцовской любви, читатель может убедиться, что ни мягкость, ни суровость не могут обеспечить счастье детей, что отец должен быть не только главой, но и другом своего сына. Читателю становится понятно, что Низами ввел в поэму сказочное «моление о сыне» не ради украшения, а желая мотивировать этим чрезмерную уступчивость и мягкость отца Кайса.

Есть в поэме и четвертый отец. Это - ширваншах Ахсатан, по заказу которого писалась поэма. Включение особой главы, посвященной сыну Ахсатана, молодому Минучихру, подчеркивает то, что Низами обращается к Ахсатану именно как к отцу. Можно думать, что по мысли Низами ширваншах должен был сделать необходимые выводы и на примере «горестной истории» Лейли и Меджнуна найти для себя правильное отношение к сыну.

Таким образом, из крайне несложного арабского предания Низами удалось создать стройную поэму, привлекающую своей гармоничностью и своей органической спаянностью. Можно думать, что именно эти свойства поэмы, наряду с «литературным» характером ее героя, и обеспечили ей исключительный успех на всем Переднем Востоке.

Количество поэм, написанных в подражание «Лейли и Меджнун», крайне велико. Из более известных можно назвать: на персидском языке двадцать, на среднеазиатско-тюркском (староузбекском) - одну, на азербанджанском - три, на анатолийско-турецком (османском) - четырнадцать, на курдском - одну, на таджикском - две (возникшие уже в конце XIX века). Европейских читателей может удивить, почему эта тема могла так упорно привлекать к себе внимание. Но если учесть особенности быта, вспомнить об абсолютной родительской власти, о почти полной невозможности для молодежи мусульманских стран распоряжаться своей судьбой, то станет понятно, что на всем протяжении действия этого семейного уклада тема поэмы должна была находить себе живейший отклик почти во всех слоях общества. Вместе с тем понятно, что с разложением феодализма, с изменением уклада жизни должен был ослабеть и интерес к этой теме. Она хотя и звучит в новых романах, возникавших уже в наши дни в Турции и Иране, но претерпевает изменения, придающие облику несчастного влюбленного совершенно иной характер.

ГОДЫ СТАРОСТИ. «СЕМЬ КРАСАВИЦ»

Прошло около восьми лет, которые Низами, вероятно, провел, попрежнему отдавая свой досуг изучению доступных ему научных трудов и художественных произведений. Об этих годах его жизни мы ничего не знаем, да они, вероятно, и не были богаты внешними событиями. Но вот в его доме снова появился царский гонец, сообщивший ему такую весть:

Выведа молодой месяц из праздничной ночи

Так, чтобы из-под покрова мрака

Никто не мог разглядеть его от тонкости.

Была обещана и награда:

Труд твой проложит путь кладу.
Ведь уносит клад всякий, кто трудится.

На этот раз заказчик не счел себя вправе указывать поэту тему нового произведения и предоставил выбор самому поэту. Низами, приняв заказ, снова обратился к старым хроникам. Долго он перелистывал их страницы, пока, наконец, не остановил свой выбор на легенде о Бехрам Гуре. Так возникла четвертая поэма Низами «Семь красавиц», законченная, как он сам указывает, 31 июля 1196 года посреди ночи. Писалась она все в той же Гандже:

Я, который заключен в своей области,
И закрыт мне путь бегства взад и вперед,
Книгу привязал я к почтовой птице,
Дабы снесла она ее к шаху, а я освободился от заказа.

Заказ теперь пришел из Мераги от представителя династии Аксонксридов Ала-аддин Корпа-Арслана (1174-1207/1208). Шах этот, видимо, был любителем литературы, ибо известны и другие книги, ему посвященные. Упоминает Низами в своей поэме, кроме самого правителя, и двух его сыновей - Нусратаддин Мухаммед-шаха и Ахмед-шаха.

В годы, когда шла работа над новой поэмой, поэт, которому тогда уже было около пятидесяти пяти лет, начал чувствовать себя плохо:

Я, у которого свежести не осталось, как у ивы,
Тюльпан^[56] стал желтым, а фиалка^[57] - белой,
Я от недомогания перестал
Одевать кулах^[58] и опоясываться.
Служил я, как истинный муж,
Но, по правде, теперь я уже не тот муж.
Время схватило и так связало меня,
Обычай времени таков.
Когда я еще не падал, сломаны были у меня крылья.
Теперь, когда я упал, каково будет мне!

Из этих строк видно, что здоровье Низами пошатнулось. Но, невидимому, случилось и еще что-то. О каком падении говорит он? Речь может идти о каком-то несчастном случае, но возможно, что имеются в виду какие-то недоразумения с правителями. Во всяком случае, из обращения к богу в начале поэмы видно, что Низами опасается полной

нищеты и молит охранить его от необходимости прибегать к кому-то за помощью:

Так как в дни юности, благодаря тебе,
Я от твоих врат ни к чьим вратам не ходил,
Ты всех посылал к моей двери,
Я не просил об этом, ты все же посылал,
То теперь, когда я пред твоим престолом состарился,
Помоги и защити от того, чего надо страшиться.

Из обращения к сыну видно, что Мухаммед все еще был при отце. Характер советов юноше меняется. Если раньше отец говорил о выборе профессии, то теперь он хочет направить его на путь той высокой моральной чистоты, которой отличался он сам. Поэт мечтает о том, что сын прославит его имя:

Чтобы там, где я заключен,
От твоего величия я был возвеличен.

Попрежнему Низами крайне сурово оценивает людей своего времени. Он утверждает, что в его дни успехом пользуются не те, кто этого достоин, а люди, которым случайно повезло. Более того:

От беды не в безопасности именитые,
Опасности не знает только дело тех, кто лишен ценности.
От притеснений и тирании страдает вся страна:
В этой гробнице нет муравья,
На котором не было бы клейма руки насилия.

Можно поэтому думать, что те страшные картины произвола и притеснения, которые Низами развертывает в последней части своей четвертой поэмы, введены в нее не случайно. Их назначение - обратить внимание повелителя на истерзанный народ, заставить его присмотреться к действиям его беков и прочих носителей власти.

Временами кажется, что Низами уже устал от своей бесплодной борьбы и готов от нее отказаться.

Иду я тем путем, куда меня гонят,
Конечно, потому-то называют меня спячей [стоячей] водой.

Но все же, даже когда силы явно начинают покидать поэта, суфийского бесстрастия, непротивления злу у него нет.

Так как скорпион зол по природе.
То щадить его - порок, убить - добродетель.

Остается и прежнее, столь ярко выраженное еще в «Сокровищнице

тайн» уважение к труду, как основному смыслу всей человеческой жизни:

Работай, ибо лучше по природе -
Работа и ад, чем рай и безделье.

Все вступление к поэме подернуто дымкой безнадежности, усталости, сомнения в своих силах. И приходится до сих пор поражаться, что поэт при таком настроении создал все же одно из самых замечательных своих произведений, чудо архитектоники, поэму, по блеску фантазии не имеющую себе равных. Поэма ставит глубочайшую проблему. Вместе с тем именно она, и только она среди всех пяти поэм, содержит много яркого юмора, фантастики волшебной сказки, чего Низами в первых трех поэмах тщательно избегал.

*

Мы переводим название поэмы «Семь красавиц», но с таким же правом мы могли бы перевести его и «Семь портретов», ибо персидское слово «пейкер» в XII веке имело оба эти значения, а, как мы увидим из изложения содержания поэмы, к ней приложимы оба эти названия.

Героем поэмы Низами сделал Бехрам Гура. Это один из шахов династии Сасанидов, Бехрам или Варахран V (420-438), сын Иездигирда I. Правитель этот не отличался какими-либо особыми доблестями, но так как его имя созвучно имени древнего индо-иранского бога грозы Вертрагны, то народная фантазия окружила его ореолом чудесных свойств, превратила в неутомимого охотника, не знающего удержу своим страстям, грозного и в любви и в ненависти.

Низами во вступительной части своей поэмы говорит, что и здесь он пошел по следам великого Фирдоуси, подобрал осколки брошенных им за ненадобностью самоцветов и попытался их огранить и оправить. Вместе с тем вполне очевидно, что выбор темы обусловлен отнюдь не только желанием «докончить» то, что начал Фирдоуси. Как указывает академик И. А. Орбели, Бехрам в народной Словесности Армении и Грузии играет очень большую роль, сливаясь с образами богатырей Вахагна и Вахтанга [59]. Очевидно, что эта связь с Закавказьем и натолкнула Низами на мысль разработать эту тему. Вспомним, что и поэма «Хосров и Ширин» у Низами в первую очередь связана с Закавказьем.

Установить все источники, использованные Низами в поэме «Семь красавиц», пока трудно.

Эта работа впереди. Пока для выяснения характерного для Низами замысла ограничимся только сличением его поэмы с преданием о Бехрам Гуре в том виде, как это изложено в «Шах-намэ» Фирдоуси.

Фирдоуси рассказывает, что Иездегирд при вступлении на престол

обещал в тройной речи быть справедливым и милостивым. Обещание это он не сдержал, был жесток и свиреп, и его боялись и ненавидели. На восьмой год его царствования родился Бехрам. Отец собрал со всех концов страны ученых и повел с ними беседу, чтобы выяснить, кому лучше всего доверить воспитание сына. Наиболее подходящими были признаны правители Йемена (на юге Аравии), Ну'ман и Мунзир. Ребенка отвезли в Йемен. Четыре года его кормили грудью, причем две кормилицы были арабки, две из иранских дюскан, то есть старой родовой аристократии. Семи лет Бехрам попросил Мунзира, чтобы его начали учить делу. Его стали учить грамоте, истории царей Ирана, охоте с соколами и барсами, владению луком и мечом. Восемнадцати лет он закончил свое образование, получил от своего воспитателя двух чудесных коней. Бехрам попросил, чтобы ему подарили еще и красавицу. Ему привели на выбор сорок рабынь, и он отобрал из них певицу и мастерицу игры на арфе - Азадэ. Он горячо полюбил ее и почти никогда не расставался с ней. Как-то раз Бехрам поехал с ней на охоту на газелей. Он предложил Азадэ доказать ей свое изумительное искусство во владении луком. Она предложила Бехраму превратить самца в самку и наоборот, и пришить стрелой ногу газели к уху ее.

Бехрам двойной стрелой срезал самцу сразу оба рога, две стрелы всадил в голову самки так, что у нее как бы появились рога. Третьей газели он пустил в ухо пульку из самострела и, когда она начала чесать ухо ногой, пришил стрелок ногу к уху.

Но это восторга у Азадэ не вызвало. Она воскликнула: «Ты, наверное, Ариман [злой дух], иначе разве ты мог бы так стрелять!» Бехрам впал в ярость, сбросил девушку наземь и растоптал ее конем. Здесь он предстает перед нами как грозная сила, убивающая своей любовью.

Бехрам возвращается к отцу. Тот заставляет его прислуживать себе на икрах и доводит его своей требовательностью до того, что Бехрам на пиру засыпает от усталости. Отец заключает его в тюрьму, где он проводит год. Приезжает посол из Византии, и Бехрам обращается к нему с просьбой помочь ему освободиться. Это удается, и Бехрам уезжает опять в Йемен, где его хорошо принимают.

О смерти Иездегирда Фирдоуси рассказывает любопытную легенду. Иездегирд приказал астрологам угнать, где и когда его настигнет смерть. Те отвечают, что это случится, если он поедет к роднику Су. Царь клянется, что никогда этого не сделает. Но вот он заболевает кровотечением из носа. Врачи говорят, что излечить его сможет только молитва у родника Су. Иездегирд решает рискнуть и поехать туда. Там он сразу поправился и

начал ругать астрологов, не сумевших узнать будущего. Вдруг из родника выходит водяной конь. Царь приказал поймать его. Это удалось, животное покорилося, но когда шах сел на него, конь понес и убил шаха.

После смерти Иездегирда знать собирает со вещание. Решают, что допустить Бехрама на престол нельзя, так как он будет таким же тираном, как и его отец. На престол сажают старика из знатного рода. Узнав об этом, Бехрам с арабскими войсками идет на Иран. Навстречу ему выходит делегация иранцев. Они приводят к Бехраму людей, невинно пострадавших от Иездегирда ослепленных, с отрубленными руками и ногами. Бехрам дает клятву, что не только не будет творить таких дел, но своим правосудием загладит все грехи отца. Тогда делегация соглашается сделать его своим правителем, но с условием, что венец будет положен между двумя львами и Бехрам сумеет завладеть им. Это ему удается, и он вступает на престол. Прежде всего он осыпает страну рядом благодеяний, а затем отдается забавам и развлечениям. Как-то раз на охоте он встречает старика, который рассказывает ему о богаче -скупце Берахаме и щедром нищем водоносе Ламбеке. Бехрам хочет проверить его рассказ и едет к Ламбеку, конечно, инкогнито. Тот сердечно принимает его и поит и кормит три дня, хотя для этого ему приходится заложить все свое имущество. Тогда Бехрам едет к Берахаму. Тот в угощении отказывает, не хочет сначала даже дать и ночлега и соглашается на это лишь при условии, если Бехрам потом сам уберет навоз своего коня. Вечером Берахам ужинает, а Бехрам сидит голодный. Скупец приговаривает:

В мире всякий, кто имеет, тот и ест,

А тот, у кого еды нет, тому остается смотреть.

Утром Бехрам своим надушенным шелковым платком убирает навоз. Но Берахама постигает кара. У него отбирают все имущество и отдают его Ламбеку, оставив скупцу только четыре дирхема ^[60] .

В другой раз Бехрам пирует у дихкана (помещика) Михр Бидада. На этом пиру некто Гаруй так упивается, что засыпает в саду мертвецким сном и ворон выклеывает спящему глаза. Бехрама это так огорчает, что он запрещает всем в своей стране пить вино. Проходит год. В столице жил юный сапожник с матерью-вдовой. Мать женила его, но он был робкого нрава и не решался приблизиться к молодой жене. Мать вспомнила, что у нее в погребе еще есть кувшин старого вина, и решила для храбрости напоить юношу. Сапожник подвыпил и пошел бродить по улицам. Как раз в это время из царского зверинца убежал лев. Никто не решался даже и близко подойти к нему. Но сапожник с пьяных глаз сел на него верхом и так

загнал его обратно в зверинец. Во дворце этот подвиг всех поверг в изумление. К старухе явилась делегация, ее допрашивали, верно ли, что юноша - сын сапожника, нет ли в нем знатной крови. Старуха призналась и объяснила причину такой храбрости. Об этом доложили Бехраму. и он вновь разрешил вино, но с условием, чтобы никто не смел упиваться до потери сознания.

Как-то раз на охоте Бехрама плохо встретили в одной деревне, и он прогневался на ее жителей. По совету мобеда Рузбиха он объявляет, что всех ее жителей делает старостами. Через год он снова приезжает туда и там, где ранее были посеы и цветущие сады, находит одну пустыню. Оказывается, что крестьяне, став старостами, сейчас же перестали работать. В этом эпизоде сказывается характерное для иранского аристократа презрение к крестьянству, работающему, по его мнению, только из-под палки.

В другой раз Бехрам заезжает в одну деревню на огонек и находит четырех девушек, дочерей мельника, которые в песнях воспевают его подвиги. Он берет всех четырех в жены. Отец всю ночь терзается сомнениями, хорошо ли он сделал, что отдал дочерей заезжему рыцарю, а утром неожиданно узнает, что стал царским зятем.

По указанию крестьянина Бехрам находит клад древнего царя Джемшида золотую корову, пасущуюся на лугу из изумрудов и рубинов. Но Бехраму не нужно богатств, которые он добыл не подвигом, и он приказывает раздать все эти сокровища неимущим.

Далее следует эпизод о скупом купце и щедром приказчике, более или менее повторяющий легенду о Ламбеке.

На охоте Бехрам убивает змея, но от его ядовитого дыхания чувствует себя плохо. Он заезжает отдохнуть в дом крестьянина. Его хорошо угощают, но утром жена крестьянина жалуется, что дружина шаха обижает народ. Бехрам раздражен. Он решает, что раз его благодетелей не ценят, он станет жестоким. В это время у крестьянина корова перестала доиться. Жена из этого поняла, что царь перестал быть милостивым. Бехрам узнает об этом, смягчается, и корова снова начинает давать молоко. Он приказывает повесить на дом крестьянина плеть - это знак того, что шах ночевал в его доме.

В другой раз он едет на охоту с любимым соколом Тугрилом, подаренным ему тюркским хаканом ^[61]. Сокол улетел. Бехрам поскакал за ним и попал в сад дихкана Бурзина, где пленился тремя дочками дихкана и всех взял в жены. Между этими эпизодами следуют все время сценки охоты на гуров (онагров, диких ослов), которую он любил больше всего, почему и

получил прозвище Бехрам Гура.

Он узнает, что у одного ювелира есть дочь, прекрасно играющая на арфе. Он едет посмотреть на нее. Везир его ворчит: «Еще одна жена понадобилась, их уж и так девятьсот тридцать. Состарится он от этого раньше времени». Ювелир прекрасно принимает шаха, конечно, опять явившегося инкогнито. Шах сватается к его дочке, но отец просит подождать до утра, ибо свататься в пьяном виде негоже. Утром ювелир видит на своем доме плетъ и понимает, что его осчастливил сам шах.

Заехав в дом богача Фершидверда, он не получает там ничего, кроме воды. Уехав, он встречает старика, собирающего в степи колючки на топливо. От него шах узнает, что у Фершидверда сто тысяч голов овец и много богатств. Он все это дарит старику и нищим.

Тем временем по всему миру идут слухи: у Бехрама все вино да забавы. О воинской доблести он и думать забыл. Эти слухи заставляют китайского хакана и византийского кесаря пойти войной на Иран. Бехрам назначает Нерси главнокомандующим, а сам уезжает в Азербайджан. Вельможи думают, что он бежал, и шлют гонца с повинной к хакану. Тот, на радостях, распускает войско и устраивает в Мерве большой пир. В этот момент Бехрам стремительно нападает на Мерв. Хакан взят в плен, войско его разбито. Туран ^[62] покорен, и границей между Ираном и Тураном делают Аму-Дарью. Бехрам осыпает народ милостями и принимает ряд мер для улучшения его жизни. Вызывают византийского посла, заставляют его вступить в дискуссию с мобедем, затем с почетом отпускают.

Бехрам узнает, что индийский правитель грабит соседние страны. Он едет к нему, выдавая себя за посла Бехрама, и передает ему грозное письмо. Раджа презрительно отвечает, что с ним все равно никто совладать не сможет. На пиру Бехрам с легкостью одолевает двух индийских силачей и показывает свое искусство в стрельбе из лука. Раджа начинает подозревать, что посол не простой человек. Он хочет удержать его в Индии, обещает богатства, сан, но, получив отказ, решает погубить. Он приказывает Бехраму убить лютого носорога. Шах с ним легко расправляется. Тогда раджа посылает его на змея, но результат тот же. Он задумывает просто убить Бехрама, но вельможи не советуют. По их мнению, лучше связать его, дав ему в жены дочь раджи. Бехрам берет ее, но видит, что ему пера бежать, и посвящает ее в свою тайну. Она советует подождать, пока отец с дружиной не выедет за город на праздник. Бехрам так и делает. Раджа гонится за ним, но Бехрам уже успел переправиться через Ганг. Он разговаривает с раджей через реку, открывает ему, кто он, и добивается примирения. Он возвращается в Иран, где ему устраивают пышную

встречу.

Бехраму было предсказано, что он проживет шестьдесят три года. Он тогда же решил, что двадцать лет будет веселиться, двадцать-быть справедливым, а двадцать - служить богу ^[63]. Приближается смерть, и Бехрам умножает заботы о народе. Ему жалуются индийские цыгане, что им плохо живется в Индии. Он вызывает их двенадцать тысяч, дает им семена и все необходимое для ведения сельского хозяйства, но они все проели и начали кочевать по Ирану с музыкой и пением.

Бехраму исполняется назначенный возраст. Он передает престол сыну, ложится спать, и утром его находят мертвым. Раздел кончается оплакиванием этого доблестного шаха.

Этот сжатый обзор показывает, что у Фирдоуси легенда о Бехраме законченной формы не имеет. Это ряд исторических фактов, на которые наложен ряд отдельных эпизодов, между собой почти ничем не связанных. О справедливости и мудром правлении хотя много говорится, но в действии эти качества Бехрама почти не видны. На переднем плане - охота и бесконечные любовные похождения, делающие Бехрама своего рода сасанидским Дон-Жуаном. В драматическом эпизоде поездки в Индию поэт использует международные сказочные мотивы. Весь раздел у Фирдоуси выдержан в светлых, жизнерадостных тонах, многие эпизоды изложены с большим юмором. Можно думать, что основой для Фирдоуси послужила официальная сасанидская хроника, к которой он добавил ряд анекдотов, ходивших в народе про этого, столь популярного в Иране шаха.

Интересно, что и Низами построил свою поэму на двух сюжетных линиях - история Бехрама и ряд новелл. Но у Низами новеллы не связаны с историей Бехрама. Это фантастические сказки, восходящие к устному народному творчеству. В обеих линиях видное место занимает любовь. Но, в отличие от двух первых поэм, здесь любовь дана в ином аспекте. Здесь нет ни героики «Хосров и Ширин», ни трагизма «Лейли и Меджнун». Здесь любовь приводит по большей части к благополучной развязке, иногда носит шуточный характер. В связи с этим Низами берет для этой поэмы и новый метр - легкий, прихотливый хафиф.

Поэма после обычных вступительных частей начинается с рождения Бехрама. Исторический факт воспитания Бехрама в Йемене Низами сохраняет, но объясняет его совсем иначе. Иездегирд I в сасанидских хрониках получил эпитет «грешника». Это случилось по той причине, что Иездегирд не доверял иранской родовой аристократии, опасался ее и пытался сломить ее силу. А так как за спиною этой аристократии стояло и зороастрийское духовенство, то испортились его отношения и с этим

могущественным сословием. Именно оно было носителем грамотности и образования, в его руках находилось составление официальных хроник, и потому понятно, что нелюбимому шаху было дано это недоброжелательное прозвание.

Низами говорит, что Иездегирд знал, насколько враждебно относится к нему его ближайшее окружение. Он опасался, как бы они не покусились на жизнь его единственного наследника, и потому и решил удалить его из Ирана и поместить под защиту преданного его роду вассального правителя Йемена Ну'мана.

Но жаркий и душный климат Йемена начал оказывать дурное влияние на здоровье юного царевича (мотив, повторяющий историю постройки замка Ширин). Поэтому для него решили построить замок в гористой части страны. Для этого пригласили величайшего архитектора эпохи, знаменитого Симнара, строителя ряда зданий в Египте и Сирии. Интересно имя этого архитектора. Оно явно вавилонского происхождения, и его древняя форма Син-Иммар может быть легко восстановлена. Очевидно, Низами имел какие-то источники, повествовавшие о строительстве храмов в древнем Вавилоне.

Симнар берется за работу, и через пять лет вздымаются башни невиданного ранее в мире замка - Хаварнак.

Здесь Низами сохранил известие о вполне историческом факте. Развалины Хаварнака сохранились и до наших дней, только лежат они не в Йемене, а в Месопотамии, к-востоку от Неджефа. Этот замок продолжал существовать еще при аббасидских халифах, которые расширили его и временами там жили. В XIV веке, однако, он уже был разрушен и представлял собой только груды развалин. Доисламские арабские поэты часто упоминают Хаварнак, так же как и соседний Садир (может быть, Ухайдир), и причисляют его к «тридцати чудесам мира».

Замок обладал чудесным свойством. Он был так отполирован, что отражал цвет неба и три раза в день менял свою окраску. Симнар получил огромную награду. Но строитель оказался недостаточно осторожным. Радуюсь успеху, он похвастался, что может построить еще более чудесное здание, которое будет менять цвет семь раз в день. Ну'ман не желал, чтобы кто-либо другой из правителей мира получил более удивительное строение. Он дал приказ отвести Симнара на самую высокую башню замка и сбросить его оттуда. Так в награду за свои труды Симнар расстался с жизнью. Низами говорит:

В высоте ста с лишним гязов^[64] замыкая свод.

Он не знал, что, труд закончив, гибель там найдет.

Выше хижины он замка строить бы не стал.

Если бы свою кончину раньше угадал.

Но совершив такое позорное дело, Ну'ман начал раскаиваться. Ой решает искупить вину тем, что уходит в пустыню и становится отшельником. Власть в стране, а следовательно, и забота о воспитании Бехрама переходит к его сыну Мунзиру. Низами всегда охотно останавливается на вопросах воспитания. Потому и здесь он подробно рассказывает о воспитании Бехрама и сообщает, что его обучали трем языкам - арабскому, персидскому и греческому, разным наукам, в том числе астрономии и астрологии, и совершенному владению различными родами оружия.

Бехрам уже в юности пристрастился к охоте на гуров. Но убивал он из пойманных гуров только тех, которые были старше четырех лет, а молодых клеймил своим тавром и отпускал. Этих заклеянных им животных уже никто касаться не смел. Эта деталь есть и у Фирдоуси и, вероятно, восходит к сасанидским хроникам.

Физическая сила Бехрама совершенно невероятна. Однажды он одной стрелой пробил гура и набросившегося на это животное льва. Этот его подвиг изобразили на стене Хаварнака. Деталь интересная, показывающая, что Низами был известен обычай древнего Ирана украшать стены дворцов фресками и мозаиками, изображавшими подвиги древних героев.

Как-то раз Бехрам до самого заката гнал за прекрасным большим гуром. Он скрылся от охотника в пещеру. Бехрам устремился следом за ним и наткнулся в пещере на громадного змея, которого и убил. Оказывается, что змей лежал стражем на огромном кладе (древнеиранское поверье, что клады всегда оберегают змеи). Клад был настолько велик, что для перевозки его понадобилось триста верблюдов. Бехрам все эти богатства раздарил своим друзьям. И этот подвиг был изображен на стенах замка.

В замке было несметное множество комнат. Бехрам был далеко не во всех. Как-то раз он зашел в одну комнату, где ему ранее не приходилось бывать (опять известный сказочный мотив), и увидел там на стене удивительную фреску: она изображала его самого, окруженного семью сказочными красавицами. Эта фреска предсказывает его будущее. Юноша приходит в восторг. Он приказывает закрыть эту комнату на замок, чтобы никто не смел туда заходить. Только он сам заходит туда по временам, обычно под влиянием винных паров, любуется фреской и мечтает о будущем счастье.

Тем временем умирает его отец. Низами, сохраняя исторический ход событий, сообщает, что знать не желала видеть Бехрама на троне,

опасаясь, как бы он не стал продолжать политику своего отца. Престол отдают другому, старику из дальних родственников Иездегирда. Известие об этом доходит до Бехрама и приводит его в ярость. С помощью Мунзира он собирает большое войско и двигается на Иран.

Низами делает здесь небольшое отступление и говорит, что не имеет обычая повторять чужие слова. Однако здесь он в некоторых случаях все же вынужден это делать. Но

Раз уж не избежать повторения,
Я из паласа^[65] сумею изготовить шелк.
Два художника философским камнем слова
Обновили чеканку древней монеты.
Один свою медь сделал ценным серебром,
А этот серебро превратит в чистое золото.
Ведь ты же видел, что медь чеканкой уподобилась серебру,
Не удивляйся же, если серебро станет золотом...

Иначе говоря, самый ход событий, соблюдение известий, сохраненных хрониками, не позволяет Низами опустить некоторые детали, уже рассказанные у Фирдоуси. Но вместе с тем Низами свое искусство считает значительно более высоким и полагает, что даже и в этих частях он сумеет превзойти своего предшественника.

Бехрам подходит к границам Ирана. Его встречают гонцы с письмом от возведенного на престол старика, который молит о прощении: ведь не по своей воле он вошел на престол, он себя шахом никогда и не считал, он только страж страны. Он завидует Бехраму, которому не приходится нести всех тягот правления страной. Конечно, Бехрам - законный наследник, но только вельможи не хотят его, они будут всячески противиться, и потому лучше было бы Бехраму отказаться от трона. Это лукавое письмо, смесь трусости и коварства, приводит Бехрама в бешенство. Однако он сдерживается и пишет вежливый и тонкий ответ: «Трон принадлежал моему отцу. Да, я признаю, что он во многом был грешен. Но только почему именно я должен отвечать за его грехи? Я - другой человек и править буду иначе, буду милостив и справедлив». Мобеды, получив письмо, признают, что Бехрам прав. Но они выдвигают новое препятствие: они присягнули тому, кто сейчас сидит на троне, беспричинно нарушать верность присяге они не могут. Бехрам Снова отвечает: «Вам и не придется ничего нарушать. Я ему не присягал, а я сам сниму с него венец и притом самым деликатным образом».

Тот, кто пришел ко входу в пещеру змея,

Разве будет спрашивать у паука разрешения войти?

Бехрам предлагает такой выход. Пусть шахский венец положат между двумя свирепыми львами. Кто из нас сумеет отнять его, тот пусть им и владеет.

Услышав такое предложение, старик так пугается, что сейчас же начинает торопливо слезать с трона. Однако мобеды хватают его и удерживают. Они вносят такое изменение в это предложение, - пусть Бехрам попытается завладеть венцом. Если ему это не удастся, венец достанется старику.

Приводят львов. Бехрам, не дрогнув, подходит к хищникам, убивает и завладевает отцовским венцом. Препятствия устранены. Он вступает на трон и, обращаясь к народу, в большой речи обещает быть справедливым и милостивым шахом. И в самом деле, уже через короткое время страна начинает процветать. Бехрам, увидев, что государственный аппарат налажен и работает хорошо, перестает особенно интересоваться делами правления и предается любовным забавам.

Страна до такой степени богатеет, что население ее становится заносчивым, жестоким и несправедливым. Оно убеждено, что эта беззаботная и спокойная жизнь будет длиться вечно. По вдруг наступает засуха, ряд недородов, и страну . поражает жестокий голод. Бехрам приказывает открыть правительственные склады зерна, скупает имевшиеся у богачей запасы и распределяет их среди голодающих. Часть зерна выделяется и на прокормление живущих на свободе птиц. Такой обычай действительно существовал. Еще при монгольских хаях в случае суровой зимы рассыпали небольшое количество зерна, чтобы защитить от голода птиц.

Голод продолжался четыре года, но за все это время от недоедания умер только один человек. Бехрам, узнав об этом, чрезвычайно расстроился и сказал, что считает себя виновником его смерти. Через четыре года благосостояние снова восстановилось. Население возросло, и страна настолько разбогатела, что невозможно было найти желающих вступить в войско. Дабы умножить радость жизни, Бехрам собирает со всей страны певцов и музыкантов и равномерно распределяет их по всем городам и селам. Здесь Низами вводит знакомый нам уже, по Фирдоуси, эпизод о ссоре Бехрама с его любимейшей певицей. У Низами ее зовут Фитнэ. Когда Бехрам показывает ей свое искусство в стрельбе из лука, она бесечно замечает, что тут ничего удивительного нет: всякий, мол, кто долго упражняется в каком-нибудь искусстве, всегда достигает в нем совершенства. Бехрам в гневе хочет убить рабыню, но не считает

возможным своей рукой пролить кровь женщины и поручает убить ее одному военачальнику. Тот уводит Фитнэ. Оставшись с ним с глазу на глаз, она умоляет его отложить на время исполнение приговора. Пусть он несколько дней спустя доложит Бехраму, что выполнил приказ. Если шах выразит удовлетворение, то, что поделать, убей меня. Если он огорчится, я спасена. Через неделю военачальник сообщает Бехраму, что приказ его выполнен. Бехрам горячо любил прекрасную певицу, приказ им был отдан сгоряча. Поэтому он теперь раскаивается и горько рыдает.

Тем временем военачальник отвез Фитнэ в одну из своих деревень, где она поселилась тайно от шаха. Она отдала военачальнику свои драгоценности и попросила продать их, а на вырученные деньги построить для нее высокую башню. В день, когда башня была закончена, в деревне родился теленок. Фитнэ каждый день берет этого теленка на спину и относит на вершину башни. Теленок растет, но в результате постоянной практики растут и силы девушки, и через некоторое время она уже без особых усилий носит наверх большого взрослого быка.

Фитнэ начинает теперь выжидать удобного случая. Как-то раз шах на охоте заехал в те края и оказался поблизости от поместья военачальника. Фитнэ, узнав об этом, умоляет военачальника пригласить его в свой замок. Шах соглашается, приезжает. Военачальник просит его подняться на вершину башни, куда вели шестьдесят ступенек, и там подает ему роскошное угощение. За вином шах хвалит местоположение башни, но шутливо спрашивает военачальника: как же он рассчитывает подниматься на эти шестьдесят ступенек, когда ему стукнет шестьдесят лет? Военачальник отвечает, что с этим он как-нибудь да справится, а вот, дивное дело, мол, в том, что у него на селе есть девушка, которая поднимается на эту высоту, неся на себе быка. Бехрам поражен. Зовут Фитнэ, и она, закрыв лицо покрывалом, показывает шаху свое искусство. Бехрам восклицает:

«Это сделать ты могла,
Потому что обучалась долгие года,
А когда привыкла, стала делать без труда;
Шею приноравливала к грузу день за днем.
Тут лишь выучка одна, сила - ни при чем!»
Фитнэ тотчас же отвечает. -
«Ты за долг великой платой должен мне воздать
Дичь без выучки убита? А быка поднять -
Выучка нужна? Вот подвиг совершила я!
В нем не сила, в нем видна лишь выучка моя?

Что же ты, когда онагра валкого сражаешь, -
Ты о выучке и слова слышать не желаешь?»

По этому ответу Бехрам узнает чуть не загубленную им возлюбленную. Он срывает ее покров и заключает ее в объятия. Военачальник получает щедрую награду, а Фитнэ становится женой шаха.

Изменения, внесенные Низами в легенду Фирдоуси, весьма характерны. Первобытная жестокость Бехрама ослаблена, трагизм «Шах-намэ» заменился веселой шуткой с благополучным исходом. Жестокая расправа, конечно, омрачила бы светлый образ Бехрама. Не нужно забывать, что Низами, как и всегда, хочет учить правителей, хочет показать Бехрама как образец хорошего шаха. Поэтому убийство рабыни шахом для поэта уже совершенно неприемлемо.

Тем временем над головой Бехрама собираются грозные тучи. Китайский хакан прослышал, что Бехрам весь отдался забавам и любовным утехам. Он решает, что Иран не сможет защититься от нападения, собирает огромное войско из трехсот тысяч лучников и через Среднюю Азию вступает в Хорасан.

Дружина Бехрама долгие годы проводила в бездействии, она обленилась, двинуть ее против врага было бы крайне опасно. Бехрам не принимает боя и бежит из своей столицы. Известие об этом приводит хакана в восторг, и он, на радостях, устраивает роскошное пиршество. Бехрам же, отобрав триста смелых всадников, внезапно ночью нападает на хаканскую ставку и благодаря неожиданности нападения одерживает блестящую победу. Китайские войска бегут в панике, и самому хакану с трудом удается спасти жизнь.

Одержав победу, Бехрам собирает своих вельмож в столице и обращается к ним с гневной речью. «Вы, - говорит он, - богатыри только на словах, а на деле вы ни к чему не способны». Очень интересны такие строки:

Я избрал вас среди всей страны.

Но в каком бою я вас видел?

Кто из вас бросался в бой,

Убивал врага и покорял страны?

Один похваляется: «Я веду род от Иреджа»^[66]

Другой притязает па то, что владеет искусством Ареша^[67].

Один поминает Гива^[68] и Рустама^[69].

Один прилагает себе прозвище Лев, другой - Леопард.

Но ни одного не видел я из вас, кто бы сражался,
Кто бы во время боя совершил подвиг.

Эти строки ясно говорят о том, что Низами глубоко презирал старую родовую аристократию, похвалившуюся знатностью рода и громкими титулами, но выродившуюся и не способную к действию. Заметим, что происхождение от Ареша себе приписывали ширваншахи, так что, может быть, здесь стрела по их адресу.

Обеспечив безопасность страны, Бехрам приступает к осуществлению своего заветного желания: он добывает разными путями себе в жены семь царевен, портреты которых он видел в замке Хаварнак. Это царевны - индийская, туркменекая, хорезмская, славянская (русская), магрибская (Северная Африка), византийская и иранская. Низами сообщает даже их имена; их звали - Фурек, Ягманаз, Назпери, Несриннуш, Азериюн, Хумай и Дурусти.

Один из учеников Симнара строит по приказу шаха для этих царевен дворцы с семью павильонами, крытыми куполами. Каждый из этих куполов имеет другой цвет, причем цвет их согласован с астрологическими представлениями о дне недели и той планете, которая с этим днем недели связана. Порядок этот такой:

1. Черный - Сатурн (Кейван) - суббота.
2. Желтый - Солнце - воскресенье.
3. Зеленый - Луна - понедельник.
4. Красный - Марс (Миррих) - вторник.
5. Бирюзовый - Меркурий (Утарид) - среда.
6. Сандаловый ^[70] - Юпитер (Муштари) - четверг.
7. Белый - Венера (Зухрэ) - пятница.

Интересно отметить, что все это восходит к древним астрологическим воззрениям Вавилона. Вавилонские храмы (зикурат), как известно, строились на семи ступенях, причем стены также делались семи цветов, связанных с днями недели и планетами. Календари европейских народов тоже восходят к этим традициям. Известно, что во всем мусульманском мире названия дней недели не связаны с астрономическими представлениями. Почти всюду счет недели начинается с субботы, а следующие дни недели носят название «первый после субботы», «второй после субботы» и т. д. В Европе же названия дней недели обычно связаны с планетами, и хотя с течением времени они сильно исказились, но и сейчас можно установить, что порядок их тот же, который мы находим и у Низами. Так, по-английски суббота - Satuday (день Сатурна), воскресенье -

Sunday (день Солнца), понедельник - Monday (день Луны), вторник - в английском носит имя древнего северного божества, но по-французски он - Mardi (день Марса), среда-по-французски Mercredi (день Меркурия), четверг - Jeudi (Jovis dies - день Юпитера), пятница - Vendredi (Veneris dies - день Венеры). Отсюда видно, что эта традиция в XII веке еще была известна и в мусульманском мире, ибо иначе Низами не мог бы воспроизвести ее с такой точностью.

Постройка дворцов закончена. Теперь Низами показывает нам одну неделю жизни Бехрама. В субботу, одевшись с головы до ног в черное, он идет во дворец индийской царевны, где вся обстановка тоже выдержана в этом цвете. Проведя день за пиршеством, послушав музыку и выпив вина, Бехрам просит царевну рассказать ему что-нибудь. Она рассказывает сказку. Так вводятся семь сказок или новелл, составляющие центральную часть поэмы. Низами для этих новелл воспользовался различными источниками, в конечном счете восходящими к устному народному творчеству. Здесь он дал полную волю своей фантазии. Мы видели, что в первых трех его поэмах почти не отведено места сверхъестественному элементу. Нет его и в пятой поэме, где, напротив, Низами пытается фантастику легенды объяснить рационалистически. В этих же новеллах Низами рассказывает волшебные сказки. Но вся сила его в том, что он сливает фантастику с крайним реализмом и так достигает необычайной убедительности. Этот прием мы встречаем и у больших мастеров европейской литературы. Им проникнут, например, «Золотой горшок» Э. Т. А. Гофмана. Призрак графини в «Пиковой даме» шаркает туфлями и именно поэтому становится таким убедительным.

Таким образом, Низами ставит себе исключительно трудную задачу. Мало того, что он должен преодолеть трудности фантастики, - тема каждой новеллы еще должна быть увязана с соответствующим цветом. Но и этого мало. Так как новеллы связаны с любовью Бехрама, то основой каждой из них служит любовное переживание, причем, в соответствии с переходом от черного к белому, оно постепенно от грубой чувственности сменяется просветленной гармоничной любовью. Могучему гению Низами не страшны были эти, почти непреодолимые препятствия, и он создал семь шедевров. Краткое содержание новелл таково:

1. Черный дворец

Индийской царевне еще в детстве рассказывали, что их дом часто посещала одна почтенная женщина, всегда носившая только черные одежды. Как-то раз ее спросили, почему она отдает такое предпочтение этому цвету, и она рассказала следующее. Она - рабыня царя. Царь этот был мягкого и кроткого нрава, и дворец его постоянно посещали приезжие чужестранцы. Однажды царь внезапно пропал. Долгое время его искали, но его нигде не было и следа. В один прекрасный день он вернулся, одетый в черные одежды, и после этого никогда другого цвета не одевал. Рабыня набралась смелости и спросила его о причине этого. Он ответил, что среди путников, приходивших к нему во дворец, один был в черном. Царь поинтересовался, почему он предпочитает черный цвет. Путник долгое время не хотел дать ответа на этот вопрос. В конце концов он рассказал, что в Китае есть красивый, многолюдный город, называемый «Городом смятенных». «Причиной постигшего меня несчастья, - сказал он, - был этот город». Больше он ничего не хотел сказать. Царя охватило любопытство. Ему страстно захотелось узнать, что здесь за тайна. Он выяснил, что такой город действительно есть, тайно покинул дворец, поехал туда и сдружился в этом городе с, одним юношей.

Он осыпал этого юношу дарами и упрашивал его открыть ему тайну города. Просьба эта юношу расстроила, но, чувствуя себя обязанным перед шахом, он не решается отказать ему. С наступлением ночной темноты он ведет шаха на окраину города, к полуразрушенной башне. Там шах находит подвешенную на канате большую корзину. Не видя иного пути далее, шах забирается в корзину, которая сейчас же стремительно взлетает вверх и попадает на небольшую площадку. Увидев, что он попал в такое опасное положение, шах от страха чуть не умер.

Немного спустя прилетает огромная птица и садится на площадку, прикрывая шаха. На рассвете она собирается улететь, и шах, увидев это, цепляется ей за ноги. Птица взвизгивает и уносит его в воздух. После длительного полета птица начинает понемногу спускаться. Шах видит под ногами красивый сад, выпускает ноги птицы и падает на мягкую зеленую лужайку. Наступает вечер, и сад внезапно наполняют красивые девушки, несущие в руках факелы. За ними следом появляется царевна столь изумительной красоты, что шах, увидев ее, сразу забывает обо всех своих невзгодах. Она садится на приготовленный для нее царственный трон.

Заметив пришельца, царица подзывает его и предлагает сесть рядом с нею. Сначала она угощает его фруктами и вином, затем вступает в беседу. Она так ласкова и нежна, что вскоре осмелевший шах уже начинает обнимать и целовать ее. Она признается ему, что он пленил ее сердце, обещает ему полное счастье, но ставит условие - пусть на сегодняшнюю ночь он удовольствуется одними поцелуями. Поздно ночью она предлагает ему выбрать себе какую-нибудь из ее рабынь. Выбранная шахом девушка ведет шаха в роскошный дворец, где он и покоится до самого утра. Проснувшись, шах видит, что в саду снова никого нет. Он бродит по дорожкам, наслаждается прекрасными плодами и ждет вечера.

С наступлением сумерек повторяется все то же, что было накануне. Страсть шаха разгорается все больше, но он сдерживается. Так продолжается двадцать девять дней. На тридцатый день шах становится настойчивым. Он умоляет красавицу не быть столь жестокой. Та просит отсрочки, хотя бы еще на одну ночь. Шах не соглашается. Тогда она просит, чтобы он на несколько секунд закрыл глаза, пока она переоденется. Шах соглашается, но, открыв глаза, видит, что он снова сидит в корзине у подножия башни, на том же самом месте, с которого начались все его приключения. Немного спустя приходит и его юный друг. Он видит, в каком отчаянии шах, и говорит ему: «Видишь ли, вот потому-то нам всем только и остается облачаться в одежды скорби и печали». С тех пор шах носит только черные одежды, потому и рабыня его усвоила этот же обычай. Сказка завершается восхвалением черного цвета, сильнее которого, говорит персидская поговорка, цвета нет [\[71\]](#) .

2. Желтый дворец

Одному из иракских шахов звездочеты предсказали, что его постигнет беда от жены. Он решил не жениться, а вместо этого покупать красивых рабынь. Но все рабыни, которых он приближал, в короткое время становились капризными и своевольными. Виной этому была старая служанка, которая всякую избранную властелином рабыню начинала расхваливать и так сбивала ее с толку.

Надеясь найти идеальную подругу, царь таких избалованных рабынь продавал и заменял другими. Вскоре это стало широко известно по всем странам, и ему дали прозвание: «царь, торгующий рабынями».

Однажды работорговец привел к нему партию новых рабынь. Красота одной из них пленила шаха. Но работорговец не советовал ему брать эту девушку, предупреждая, что она жестока и бездушна. Шах не мог устоять перед соблазнам и все же купил ее. Оказалось, что как прислужница она не имеет себе равных и выполняет любое желание шаха ранее, чем тот успеет его вымолвить. Однако стать возлюбленной шаха она не соглашается ни под каким видом. Шах умоляет, упрасивает, но все напрасно. Тогда он говорит ей так:

Об одном я тебя попрошу,
Чтобы ты правдиво ответила на мой вопрос.
Если будет ответ твой полновесным,
То прямым станет [наладится] мое дело, как стан твой.

Затем в подтверждение могучей силы правды он рассказывает ей такую притчу. Однажды Сулейман ^[72] восседал со своей женой Билькис ^[73]. У них было одно единственное дитя, у которого были парализованы обе руки и ноги. Билькис задала мужу вопрос, почему их дитя такое несчастное, знает ли он причину и может ли найти средство для его исцеления. Она просит Сулеймана спросить архангела Гавриила, когда он явится к нему с очередным поручением от бога, чем можно помочь в этой беде. Гавриил на вопрос Сулеймана дал такой ответ: «Дитя излечится, если вы оба, и ты и твоя жена, скажете друг другу только чистую правду». Билькис согласилась, и муж задал ей вопрос: «Скажи, чувствовала ли ты страсть к кому-либо, кроме меня?» Она ответила: «Хотя ты и прекраснее, и мудрее, и мощнее всех на свете, но все же, признаюсь тебе откровенно, когда я вижу прекрасного юношу, приходят ко мне иногда дурные

желания». В тот же миг дитя протянуло к ней обе ручки И радостно воскликнуло: «Мама, у меня ручки начали действовать!»

Теперь, в свою очередь, задала вопрос Билькис и спросила, бывает ли когда-нибудь, чтобы Сулейман пожелал чужое добро. Тот отвечает: «У меня есть то, чего ни у кого в мире нет, мои богатства неисчислимы, власть неизмерима, но все же, когда кто-нибудь приходит ко мне на поклон, я всегда тайком гляжу ему в руки, какой подарок он мне привез».

Он не успел еще договорить, как дитя уже вскочило на ножки и совершенно излечилось.

Убедив рабыню в могучей силе правды, он просит ее сказать, почему она к нему так жестока. Она рассказывает, что во всей ее семье женщины после первых родов сразу же умирают. Поэтому она страшится брака и ни с кем не сближается. Узнав эту тайну, шах все же хочет как-нибудь смягчить рабыню и заставить забыть страх. На помощь приходит та же старуха, которая раньше сбивала с толку рабынь. Она советует шаху попытаться вызвать в сердце девушки ревность. Он достигает этого, делая вид, что полюбил другую рабыню. Девушка в припадке страстного гнева признается шаху, что уже давно любит его. Таким путем все препятствия устраняются, и рабыня становится его женой. Он так горячо любит ее, что осыпает золотыми украшениями. В связи с золотом сказка кончается восхвалением желтого цвета.

3. Зеленый дворец

В Руме ^[74] жил один почтенный муж по имени Бишр. Как-то раз он встретил на улице девушку, увидел случайно ее лицо и влюбился в нее. Все же он следом за ней не пошел и всячески пытался отогнать от себя чувство, которое он признавал незаконным. Лучшим средством для исцеления от любви всегда считалось путешествие. Поэтому он решил поехать в Иерусалим.

На обратном пути ему случайно попался спутник. Звали его Малиха. Внешне он производил впечатление человека образованного и мягкого, но на деле был коварным и злобным. Он претендовал на то, что обладает совершенно исключительными познаниями, и всякое событие по дороге старался по-своему разъяснить. Бишр пытался удержать его от таких разглагольствований и говорил, что в мире есть много явлений, постигнуть смысл которых человеческий разум не может.

Путь лежал через жаркую, безводную пустыню. Жажда измучила их, им уже казалось, что они погибнут, как вдруг вдали показалось дерево. Подойдя, они увидели, что у подножия его в землю врыт огромный глиняный чан, до краев наполненный прозрачной водой. Бишр высказал мысль, что это устроил какой-нибудь богобоязненный человек по обету, чтобы выручать из беды измученных путников. Малиха с этим не согласен. По его мнению, это - западня, устроенная каким-нибудь охотником для ловли хищных животных. - Путники поели, запив свой обед студеной водой. Малиха захотел во что бы то ни стало выкупаться в этом чане и затем разбить его. Бишр всячески старается отвлечь его от этой мысли, просит подумать о других и не лишать их такого блага. Но Малиха не хочет и слышать благоразумных советов, быстро раздевается и бросается в воду. Оказалось, что это был вовсе не чан, а глубокий колодец, края которого были укреплены глиной наподобие чана. Малиха захлебнулся и пошел ко дну. После долгих усилий Бишру удалось вытащить его труп, который он и похоронил тут же поблизости. Он собрал оставшиеся после спутника пожитки и двинулся в путь один. При этом из кафтана Малиха выпала киса, в которой было тысяча динаров золотом. Бишр поставил себе задачей доставить эту крупную сумму его наследникам. С большим трудом он разыскал в городе дом Малиха, узнал, что после него осталась только вдова, и попросил, чтобы она его приняла. Женщина, услышав о смерти мужа, облегченно вздохнула. «Он, - сказала она, - был жестокий, коварный

и злобный человек, мне жилось с ним очень плохо, и я рада, что, наконец, от него избавилась. Она предложила Бишру выйти за него замуж, приподняла с лица покров, и Бишр убедился, что перед ним та самая женщина, из-за которой он когда-то лишился покоя. Брак их был исключительно счастливым, и Бишр, желая и внешне отметить свое счастье, с тех пор, подобно райским жителям, носил только зеленые одежды.

4. Красный дворец

В русской стране жила прекрасная царевна. Она изучила все науки мира, даже и в колдовстве была искусна. Слухи о ее красоте пошли по всему миру, и женихи начали стекаться к ней со всех сторон. Но красавица и слышать о них не хотела. С разрешения своего отца она велела построить для себя в горах неприступный замок, проникнуть в который можно было только через потайной ход. На пути к воротам она всюду расставила статуи воинов, приводимые в движение тайным механизмом. Всякого, кто не знал тайного хода, а шел в замок обычным путем, эти статуи разрубали мечом надвое.

После этого она велела изготовить свой портрет и повесить его на городских воротах. Под портретом приказала написать, какие условия она ставит тому, кто пожелает стать ее мужем. Он должен остановить магическое действие статуй, найти тайный проход в замок и разгадать загадки, которые ему предложит царевна. Только за того, кто все это сумеет осуществить, она согласится выйти замуж. Объявление это вывесили в городе. Многих пленяла дивная красота царевны, многие пытались свое счастье, но все погибали под ударами меча бронзовых воинов, даже и не успев догадаться, где вход в замок. Головы погибших отрубали и вешали на городской стене, и вскоре на стене уже почти не оставалось места для новых голов.

Черед дошел до некоего юного шахзаде. Образ красавицы пленил его. Но висевшие на стене черепа были весьма грозным предостережением. Долго он бродил у ворот, размышляя, каким путем можно справиться со всеми этими задачами. Случайно до него дошел слух, что в горах, в уединенной пещере, обитает мудрец, постигший все тайные науки и умеющий разрешить любое трудное дело. Царевич поспешил к нему и, не таясь, рассказал ему, какие задачи ему хотелось бы разрешить. Мудрец посмотрел в тайные книги и дал юноше все необходимые указания.

Юноша приступил к подвигу. Высчитав благоприятное время, он прежде всего устранил действие магических статуй. На свои подвиги он отправился облаченный с ног до головы в красные одежды, символизируя этим, что он выступает мстителем за всю невинно пролитую кровь. Когда статуи были обезврежены, он взял барабан и начал бродить вокруг стен замка, сильно ударя по барабану. Сравнивая отзвуки, он вскоре нашел то место, где был тайный подземный вход. Царевна узнала, что первые два

условия выполнены, и передала ему, чтобы он отправился в город и два дня подождал. Она приедет во дворец к отцу и там задаст ему четыре задачи. Если он решит их, она станет ему преданной женой.

Юноша отправился в город, прежде всего сорвал с ворот портрет царевны, свернул его и приказал своим слугам спрятать. Затем он велел снять со стен все головы погибших и с почестями похоронить их. Население было обрадовано и дало клятву, что если шах откажет ему в браке, они свергнут его, а юношу сделают своим повелителем.

Царевна к вечеру приехала во дворец и рассказала отцу все, что произошло. Она просит отца наутро сделать во дворце пышный прием, на котором она всенародно подвергнет царевича испытанию. Утром после богатого угощения начинается испытание. Девушка прежде всего вынимает из ушей две маленькие жемчужины и велит передать их царевичу. Юноша взвесил их на руке, прибавил к ним еще три совершенно таких же и отослал их обратно царевне. Она растерла их в порошок, смешала с сахарным песком и послала эту смесь царевичу. Тот потребовал кубок молока, всыпал в него эту смесь и отослал назад. Девушка выпила молоко, лежавший на дне осадок замесила в тесто и убедилась, что вес остался прежним. Тогда она сняла с руки кольцо и послала его царевичу. Юноша надел его на палец и послал царевне крупную жемчужину. Та распустила свое ожерелье, подобрала другую, точно такую же, надела обе жемчужины на нить и снова послала жениху. Тот отослал их обратно, присоединив к ним еще голубую бусину. Девушка, увидев это, рассмеялась и сказала отцу. «Вставай, испытание закончено: счастье улыбнулось мне, и я нашла себе достойного мужа». Отец с удивлением спросил, что обозначали все эти непонятные действия и как она могла убедиться в мудрости своего избранника. Царевна объяснила: «Первые две жемчужинки обозначали - жизнь коротка, два дня, не более. Он добавил еще три, это означало: даже если бы дней было и пять, то ведь и это краткий срок. Смешав жемчужную пыль с сахаром, я задала вопрос: жизнь наша смешана со сладострастием, можно ли отделить одно от другого? Растворив сахар в молоке, он ответил: их можно разделить посредством воздержания. Выпив молоко, я тем самым сказала, что по сравнению с его мудростью признаю себя грудным ребенком. Послав кольцо, я выразила этим, что согласна на брак с ним. Он, послав жемчужину, этим сказал, что ему нет равных, как этой жемчужине. Я подобрала к ней пару и тем самым показала, что а я не хуже его. Он прибавил голубую бусину, и это означало: пусть дурной глаз никогда не посмеет нас коснуться. Я одела на себя бусину и этим признала, что буду покорна ему во всем».

Царь возрадовался тому, что его непокорная дочь, наконец, смирилась. Отпраздновали свадьбу и устроили празднество для всего народа. Царевич и в дальнейшем продолжал носить только красные одежды, тем более, что красный цвет - это также и цвет радости.

Следует отметить, что с красным цветом Низами соединил именно русскую царевну. Это вряд ли случайно. И в последней его поэме русы всегда сочетаются с представлением о красном цвете. Объяснить причины этого сейчас еще едва ли возможно, но вспомним, что в русской народной песне «красный» и «прекрасный» - синонимы (красная девица, красный молодец, красное солнышко и т. д.). Вполне возможно, что у Низами было больше сведений о русах, чем у многих других восточных авторов.

5. Голубой (синий) дворец

В Египте жил молодой богатый купец по имени Махан. Как-то раз, когда он развлекался со своими друзьями в саду, к нему прибежал один из его товарищей по торговле и сообщил, что пришел ожидавшийся им караван с товарами. Махан рассчитывал получить от этих товаров большой барыш и потому поспешил с товарищем к городским воротам. Но пока они шли по городу, солнце село, и ворота по обычаю закрылись на ночь. Нужно было ждать до утра, чтобы привести караван в город. Товарищ посоветовал Махану не дожидаться утра: он знает одно место, где в городской стене большая расщелина. Через нее можно будет и в ночное время доставить товары в город. Это будет очень выгодно, так как они избавятся от необходимости платить за товары пошлину. Махан поддался на это предложение. Товарищ провел его к расщелине и помог выйти из города. Но не успел Махан спрыгнуть вниз, как товарищ исчез, и он остался один в совершенно: незнакомой ему пустынной местности. Махан пустился в путь. Это была дикая пустыня, изобиловавшая мрачными пещерами, где таились лютые змеи. Весь день шел Махан, но человеческого жилья не было видно и следа. Махан изнемогал от страха и наконец, упал без чувств у входа в какую-то пещеру. Когда он открыл глаза, то увидел возле себя двух человек с какими-то вязанками на спинах. Один из них окликнул Махана и сказал ему, что он попал в пустыню, обитаемую дивами [75]. Тот, кто завел Махана сюда, был вовсе не его товарищ, а див Хаиль-пустынный, который хотел погубить его. «Но не бойся - сказал он, - я и моя жена, мы защитим тебя и спасем. Иди за нами следом». Махан пошел за своими новыми спутниками. Но настало утро, и оба они исчезли так же таинственно, как сбивший его с пути коварный див. Махан совершенно выбился из сил. Он оказался теперь в горах, путь был труден, а за все это время, он не ел ничего, <гкромe печали и скорби>. Он собрал немного каких-то корешков, пожевал их и пошел дальше. Опять настала ночь. Обессиленный путник забрался в пещеру и поспал там немного. Послышался конский топот. Махан выглянул и увидел всадника, державшего в поводу другого коня. Махан рассказал ему о своих похождениях, и тот объяснил юноше, что его спутники были два гуля [76] - людоеда, самец и самка. Малан должен благодарить бога, что он каким-то чудом спасся из их лап. Всадник предложил Махану сесть на вторую лошадь и ехать с ним.

Они поскакали и вместе выехали на обширную равнину. Перед Маханом открылось страшное зрелище. Вся степь была полна гулями и дивами, справлявшими там свою жуткую оргию. Гремела музыка, демоны плясали и орали мерзкие песни. Внезапно показались сотни факелов: шла процессия огромных рогатых чудищ с длинными хоботами. Под их песни заплясали все дьяволы, заплясал и конь Махана. Юноша в ужасе устался на коня и увидел, что из его ног вырастают крылья и он превращается в дракона с семью головами. Дракон плясал и извивался; он нес Махана, как поток несет щепку. Но забрезжило утро, и дракон сбросил юношу и со свистом улетел.

Снова Махан оказался один в пустыне. К ночи ему удалось пройти большое расстояние, и перед ним появился большой прекрасный сад. Наконец ему удалось утолить голод плодами.

Махан собирал фрукты, как вдруг послышались грозные крики: «Стой, вор! Наконец-то я тебя поймал. Ты уж не первый раз грабишь мой сад». Перед юношей предстал разгневанный старик с большой дубиной в руках. Махан торопливо поведал ему все свои несчастья. Старик сжалился над юношей, присел возле него и начал утешать, говоря, что теперь он, наконец, нашел безопасное место и может более не страшиться за свою жизнь. Он объясняет Махану, что с ним произошло:

Это страх твой совершил на тебя набег,
Он порождает образы в твоём воображении.
Все эти нападения на тебя
Были ради того, чтобы сбить тебя с пути.
Если бы сердце твоё было в то время устойчиво,
Помыслы твои не показывали б тебе этих образов.

Иначе говоря, Низами здесь как бы открывает путь к рационалистическому объяснению всей этой мрачной фантастики, сводя ее к расстроенному страхом воображению.

Старик рассказал Махану, что владеет, кроме этого сада, дворцом и большими богатствами. Потомства у него нет. Юноша пришелся ему по сердцу. Он готов принять его в сыновья и передать ему все эти владения. Махан упал к его ногам, расцеловал ему руки и принял это предложение. Хозяин радостно повел гостя на высокую роскошную суфу [77] , устроенную в саду, в тени большого сандалового дерева. На дереве была площадка из досок, покрытых мягкими коврами. «Поднимись туда, - сказал он, - и подожди, пока я приготовлю все, что нужно. Если проголодаешься, там есть и хлеб и вода. Но пока я не вернусь, не спускайся оттуда, что бы ни произошло и кто бы тебя ни звал. Даже когда я сам приду, ты сначала

хорошенько проверь, я ли это. Эту одну ночь остерегись дурного глаза, дальше уже все будет хорошо».

Махан удобно расположился на мягком ложе, поел и начал осматривать сад. Внезапно издали заблестели огоньки. Показалась красавица, окруженная служанками, которые поспешно украсили суфу и приготовили на ней все необходимое для пира. Красивые девушки пели и плясали, угощались изысканными яствами, а Махан восседал на своем воздушном троне и сгорал от желания присоединиться к ним. Но он помнил советы старца и не решался спуститься. Вдруг красавица сказала служанке: «Я чувствую, что на этом дереве есть родственная душа, плененная нами. Позови его, пусть он позабавится с нами». Девушка подошла к дереву, высмотрела Махана и начала ласково уговаривать его спуститься и принять участие в пиршестве.

Когда закипит природа юноши,
Разве вспомнит он советы стариков? -
говорит Низами. Махан спустился. Красавица усадила его рядом с собой и начала угощать. Под действием вина страсть Махана разгоралась все больше и больше. Наконец, забыв всякое стеснение, он обнял красавицу и уже хотел припасть к ее устам, как вдруг увидел, что

Перед ним - от пят до пасти скаляся -сидит
Порожденный божьим гневом адский дух ифрит^[78]
По рогам - свирепый буйвол, по клыкам .- кабан.
Не дракон - страшной дракона, это-Ариман!^[79]
От надира до зенита пасть его разъята;
А спина - спаси нас, боже! - как гора, горбата.
Словно лук, хребет зубчатый выгнут; рачья морда.
На сто верст кругом зловонье от него простерто.
Нос, как печь, где обжигают кирпичи огнем.
Пасть - как чач, где известь гасят, чтобы красить дом.
Это чудище, ухмыляясь, целовало Махала и приговаривало:
«А-а! Ты в лапы мне попался! Грудь твою сейчас
Разорву! Гулял сегодня ты в последний раз.
Ты меня хватал руками, зубы в ход пускал
Ты мне нежный подбородок, губы целовал!
Видишь: когти, словно копья, зубы - как кинжалы;
Знай: таких зубов доныне в мире не бывало!
Ах, как горячо сначала страсть твоя пылала!
А теперь куда девалась? Почему пропала?

Эти губы - те же губы, полные огня,
Личико мое - все то же. так целуй меня!»

Махан теряет сознание, а очнувшись, видит, что рассвело, никакого сада нет, а он - в степи, покрытой скелетами дохлых животных. Тут ему является таинственный помощник заблудившихся - пророк Хызр, и с помощью его юноше удастся вернуться домой. Страшные приключения навсегда сделали его меланхоличным, и в память о них он носил только одежды цвета мусульманского траура - темносиние.

6. Сандаловый дворец

Два путника, которых звали Хейр (благо) и Шерр (зло), вместе пустились в странствие. Путь привел их в безбрежную пустыню, жаркую и безводную. Шерр знал, что им предстоит преодолеть такое препятствие, и, ничего не сказав товарищу, захватил с собою бурдючок воды. Через некоторое время Хейр начал изнывать от жажды. Он заметил, что его товарищ тайком от него временами достает откуда-то воду и пьет. У Хейра были при себе два огненно-красных лада [80] огромной ценности. Он предложил их Шерру с тем, чтобы тот уступил ему хотя бы глоток воды. Но Шерр решительно отказался.

- Здесь, в пустыне, - сказал он, - ты мне предлагаешь эти драгоценные камни, а когда придем в город, ты их у меня отберешь. Нет, дай мне две таких драгоценности, которые ты отнять не сможешь, - отдай мне твои глаза, тогда я дам тебе воды.

Хейр ужаснулся такому злодейству, он всячески умолял Шерра отступить от жестокого требования. Но никакие уговоры не действовали. Наконец, видя, что он все равно погибнет от жажды, Хейр решился и предложил Шерру взять его глаза. Тот, не долго думая, вонзил спутнику кинжал в глаза и, так и не дав ему воды, забрал его драгоценности и поклажу и ушел, бросив Хейра одного в пустыне.

Он упал на раскаленный огненный песок.

Хорошо еще, что видеть он себя не мог.

Неподалеку от этих мест кочевал богатый курд-скотовод, у которого была красавица-дочь. Она пошла за водой к роднику, находившемся около этих мест, о существовании которого путники не знали. Наполнив кувшин, девушка направилась обратно к кочевью, как вдруг услышала жалобный стон. Она пошла на голос и нашла Хейра. Прежде всего она напоила несчастного, затем, осмотрев его глаза, увидела, что хотя белки и сильно поранены, но зрачки целы. Она перевязала его и повела к кочевью. Вечером вернулся со стадами ее отец и, узнав о ранении Хейра, велел приложить к его глазам припарки из листьев известного ему целебного дерева. Часть листвы этого дерева исцеляет глазные ранения, другая часть лечит эпилепсию.

Когда целебный сок приложили к глазам Хейра, он в первый миг взвился от боли. Но вскоре боли поутихли, и он смог заснуть. Пять дней на

его глазах лежала повязка с целебным зельем, а когда ее сняли, оказалось, что зрение к нему вернулось. Хейр полюбил спасшую его девушку. Отец согласился на их брак, и Хейр получил за нею в приданое большие стада.

Когда они собирались откочевать из этих мест, Хейр пошел к целебному сандалу и сделал запас листьев обоих сортов. Кочевники двинулись в путь. Вскоре они пришли в один город, где дочь царя страдала эпилепсией. Сколько ее ни лечили, никто помочь ей не мог. Отец ее дал клятву, что излечившему отдаст ее и жены. Если же кто возьмется лечить, но не сумеет вылечить, то ему отрубят голову.

Хейр вызвался провести это опасное лечение. Он дал девушке настойку из сандаловых листьев. Она выпила ее, тотчас же заснула крепким сном и проснулась через три дня совершенно здоровой. Шах сдержал обещание, щедро одарил юношу и выдал за него дочь.

У везира царя была красавица-дочь, потерявшая зрение после оспы. Хейр вылечил и ее и ее также получил в жены. Прошло некоторое время, шах умер, и престол его достался Хейру. Как-то раз Хейр отправился в свой загородный сад. Проезжая через город, он вдруг увидел Шерра, торговавшегося с кем-то на базаре. Хейр приказал привести злодея к нему в сад. Шерр предстал перед царем, восседавшим на троне, Рядом с троном стал курд, его тесть, с обнаженным мечом в руках.

Хейр начал расспрашивать Шерра. Тот сначала от всего упорно отрекался, но когда Хейр открылся ему, вынужден был сознаться. Все же Шерр и тут нашел выход¹. Он оказал:

«Разно нас созвездья неба наименовали,
Правдою - тебя, меня же кривдою назвали.
Мной злодейский был поступок совершен, но он
Именем моим был раньше предопределен.
Ты же в день, когда я небом мстительным гоним,
Поступи со мной в согласьи с именем твоим!»

Хейр, услышав такие речи, отпустил его, и Шерр весело пошел из сада. Но простодушный курд не смог перенести этого. Он ринулся вслед за него и одним ударом снес ему голову, восклицая:

«Хоть мыслит благо добрый Хейр, но ты
Зло. Да будут двери ада злему отперты!»

Жизнь Хейра далее потекла счастливо и безмятежно. От времени до времени он ездил к тому сандаловому дереву и отдыхал в его тени. Одежды он начал носить только сандалового цвета. Рассказ завершается

восхвалением сандала и его целебных свойств.

7. Белый дворец

У одного богатого юноши на окраине города был огромный прекрасный фруктовый сад. Как-то раз он направился туда подышать свежим воздухом. Придя к саду, он, однако, увидел, что ворота его крепко заперты. Вместе с тем изнутри сада доносилась веселая, праздничная музыка. Сколько он ни стучал, ему не открыли. Юноша проломал в одном месте стену и пробрался внутрь. Оказалось, что там гуляет и развлекается компания молодых девушек. Заметив незнакомого юношу, они приняли его за злоумышленника и изрядно отколотили. Однако ему удалось доказать, что он вовсе не вор, а хозяин, и сконфуженные гости извинились. Они сообщили ему, что они - жительницы этого города и забрались в его сад, чтобы погулять и повеселиться на свободе. Девушки предлагают ему выбрать из их среды ту, которая ему больше всех понравится, и провести время в ее обществе. Юноша забирается в старую беседку и смотрит через щелку, как купаются девушки. Одна особенно пленила его, и он просит привести ее к нему. Но как он ни старается уединиться со своей красавицей, все время возникают различные препятствия, заставляющие парочку разлучиться. Наконец юноша убеждается, что судьба против него, что, очевидно, сама природа хочет предохранить его от преступного деяния. Он выясняет, кто пленившая его красавица, делает ее родителям предложение, заключает с ней законный брак и счастливо живет с нею до самой смерти. Новеллу завершает восхваление белого цвета - символа чистоты и непорочности.

*

Пока Бехрам проводил время в приятных беседах со своими царевнами, на Иран снова напал китайский хакан. Бехрам хочет защищаться. Но выясняется, что у него нет войска, а казна пуста, и собрать новое войско не на что. У него был везир по имени Раст-Роушен (прямой - светлый) ^[81]. Он предлагает Бехраму собрать нужные для ведения войны средства у населения. Шах дает ему полномочия, и везир берется за сбор с невероятной жестокостью и бессердечием. В короткое время все население разорено и доведено до полного отчаяния. Бехрам всех подробностей, конечно, не знает, но чувствует, что происходит что-то неладное. Его гнетет тоска, и, чтобы развлечься, он едет на охоту.

Заехав далеко от всякого жилья, он начинает искать места, где бы можно было отдохнуть. Вдали он видит столб дыма, направляется в ту

сторону и находит старика-пастуха, который предлагает шаху отдохнуть в его шатре. Отдыхая, Бехрам вдруг замечает, что на ветке дерева висит большая собака. Это удивляет его, и он спрашивает старика, почему он ее повесил. Старик рассказывает, что пес был долгое время его верным сторожем и помощником-Но вот он начал замечать, что одна за другой пропадают овцы из его стада. Он выследил своего пса и установил, что тот сдружился с волчицей и взамен ее любезностей дает ей возможность беспрепятственно уносить самых жирных овец. «Если тот, - заканчивает рассказ старик, - кому надлежало сторожить мое добро, оказался предателем, то его должна постигнуть самая суровая кара».

«Кто предателя собачьей смертью не казнит, -
Знай: того никто на свете не благословит!»

Бехрам едет обратно в город в глубоком раздумьи. Он понимает, что мудрый старик хотел открыть ему глаза. Не похож ли его везир на того пса? Не предаст ли он его страну? Чтобы выяснить это, нужно расспросить тех, кого везир под разными предлогами заключил в тюрьму. Но сделать это можно будет лишь тогда, когда сам Раст-Роушен будет лишен власти и заключен. Иначе невинно пострадавшие не решатся сказать правду.

Вернувшись во дворец, Бехрам приказывает немедленно бросить в тюрьму везира, освободить заключенных и привести к нему несколько человек, знающих правду. Здесь Низами снова вводит семь рассказов. Но теперь это уже не веселые, шуточные сказки, а мрачные картины беспощадного феодального гнета. Можно думать, что поэту здесь не приходилось напрягать фантазию. Эти сцены бесправия, попрания человеческого достоинства, бессердечной жестокости и хищной алчности он нередко мог наблюдать собственными глазами.

Рассказы заключенных более или менее однотипны, излагать их все мы не будем. Довольно будет привести два из них полностью. Первый заключенный рассказал Бехраму следующее:

Раст-Роушен жестокими ударами
Убил моего брата во время пытки.
Все, что у него было, - богатство, коней, -
Все он отнял у него, и жизнь и честь на придачу.
Все решительно, зная его красоту и юность,
Огорчались, что жизнь его была понапрасну загублена.
А когда я поднял вопли и крики,
За это «преступление» схватил меня везир,
Говоря: «Он был на стороне врагов.

Раз он был таков, то и ты таков».
Он приказал грубому гурцу^[82]
Чтобы тот разграбил и мой дом.
Наложили мне на ноги оковы,
Ввергли в жилье, подобное могиле.
Тот брат невинно лишен жизни,
А этот скован по рукам и ногам.
Вот уже год, что я заключен,
Но видеть лик шаха - для меня доброе знамение.

У второго заключенного был прекрасный сад. Везиру этот сад понравился, и он потребовал, чтобы владелец продал его ему за небольшую сумму. Тот отказался. Тогда везир обвинил его в сношениях с врагами, бросил в тюрьму, а сад конфисковал. У третьего таким же путем были отобраны редкие драгоценности.

Особенно характерен седьмой рассказ. Отшельник, разделивший общую участь, говорит:

«Я из тех, кто устранился от мирских тревог,
Кто идет путем аскета. Мой вожатый - бог.
Длань узка, но взор мой, словно у свечи, широк,
На горенье ради мира я себя обрек.
Для меня людских соблазнов стал невластен глас,
И от бренного земного руки я отряс.
И отрекся я от пищи и от сна тогда, -
Я без сна, питья и пищи пребывал всегда.
Не имел воды и хлеба - днем, не пил, не ел;
Ночью же не спал я - ибо крова не имел.
Утвердился я в служеньи богу моему,
И не знал я дела, кроме как служить ему.
Взглядом, словом, делом людям благо приносить, -
Вот как я старался богу моему служить.
И за мною от везира стражники пришли.
Вызвал - посадил меня он от себя вдали,
Молвил: «Стал тебя в злодействах я подозревать!
А закон страны - злодеев нам велит карать...»
«О везир! - в ответ сказал я. - Мысли мне открой,
Жить по-твоему хочу я - и а ладу с тобой!»
«Я боюсь твоих проклятий, - отвечал везир, -
Да скорее бог избавит от тебя свой мир!

Ты злонравен по природе, мстителен и зол.
Ты дурных молитв немало обо мне прочел.
Из-за злых твоих молений я ночной порой
Поражен, быть может, буду божией стрелой.
Только раньше, чем от злого твоего огня
Искра божьего проклятья опалит меня, -
В глотке яростной молитву я запроу твою.
Руки злобные в колодки с шеей закую!»
Заклучил меня в оковы, неба не страшась.
Старика поверг а темницу нечестивый князь.
Как осла, что вертит жернов, дервиша велел
Заковать; колодки, цепи на меня надел.
На семь лет меня он бросил в страшный сей затвор.
Я же скованные руки к небесам простер, -
Ниспроверг величье князя я мольбой своей
И сковал злодею руки - крепче всех цепей!»

Таким образом, Низами дает исключительно полную характеристику преступного везира. Если насилие над первыми заключенными вызвано его алчностью, то здесь мотив еще более интересный. Везир, узнав о праведной жизни отшельника, даже не допускает мысли о том, что он может отнестись к его преступной деятельности безразлично. Раз он добрый человек, он должен ненавидеть везира.

Раскрывшиеся перед Бехрамом картины насилия повергли его в ужас. Он дает приказ казнить Раст-Роушена позорной смертью. Но оказывается, что всей бездны его преступности он еще не знал. От китайского хакана прибывает гонец и сообщает, что везир уже давно находился с ним в соглашении. Под предлогом собирания средств он разорял страну и народ, причем все жестокости он приписывал приказам Бехрама, а себя изображал преданным интересам масс, пытающимся оберечь их от произвола жестокого царя. Он рассчитывал, что в результате этих действий вспыхнет восстание, страна станет окончательно беззащитной, и тогда хакан вступит в ее пределы и с легкостью ее покорит. Так как хакан узнал, что везир заключен в тюрьму, то он для соблюдения добрососедских отношений считает нужным известить Бехрама о той грозной опасности, которой он подвергался.

Все эти события производят на Бехрама глубочайшее впечатление. Он совершенно изменяет образ жизни, отказываясь от всех прежних забав. Дворцы он отдает под храмы огня, гарем закрывает. Все его заботы теперь

направляются исключительно на управление страной. Единственное удовольствие, в котором он не может себе отказать, - охота на гуров. Однажды, выехав на охоту, он встречает особенно красивого гура. Животное убегает. Бехрам мчится за ним. Долго длится преследование. Наконец гур вбегает в пещеру. Бехрам за ним следом. Подоспевшие два пажа не решаются войти в пещеру и остаются ждать снаружи. Подъезжает и дружина, но Бехрам не выходит и не выходит. Начинают допрашивать мальчиков, бьют их; они плачут, по повторяют, что шах в пещере. Внезапно из пещеры поднимается пыль, и слышится грозный возглас: «Уходите, ступайте домой, шах ваш занят здесь делом!» Воины входят в пещеру - она пуста. Наиболее удивительно то, что она даже неглубока и другого выхода у нее нет.

Приезжает мать Бехрама и приказывает раскопать в пещере землю. Но и раскопки ничего не обнаруживают. Груды земли и камней, говорит Низами, и доныне лежат возле этой пещеры.

Поэму завершают строки, основанные на игре словом «гур», которое означает одновременно онагра и могилу:

Повествующий, чье слово нам изобразило !
Жизнь Бехрама, укажи нам - где его могила?
Мало молвить, что Бехрама между нами нет, -
И самой его могилы стерт веками след.
Не смотри, что в молодости именным тавром.
Он клеймил онагров вольных на поле! Что в том?
Ноги тысячам онагров мощь его сломила;
Но взгляни, как он унижен после был могилой.
Двое врат в жилище праха. Через эти - он
Вносит прах, через другие - прах выносит вон.

*

При всей сложности построения поэма удивительно гармонична. Отдельные ее части все время перекликаются: постройка Хаварнака и постройка семи дворцов, уход в пустыню Ну'мана после убийства Симнара и таинственное исчезновение Бехрама. Интересно и сложное построение новелл, о котором мы уже говорили выше. Но наибольший интерес все же представляет здесь рама повествования, то есть биография Бехрама. Мы видели, как она была изложена у Фирдоуси (вероятно, более или менее в соответствии с доисламскими хрониками). Как и в «Лейли и Меджнун», из разрозненных элементов, соблюдая узловые моменты биографии, Низами сумел опять создать стройное целое, показывая характер Бехрама в изменении. Иначе говоря, Низами опять вернулся к той мысли, которая

обусловила построение его второй поэмы. Он хочет показать, как в результате ударов судьбы и жизненного опыта характер Бехрама меняется, и из беспечного искателя приключений, рыцаря и ловеласа он превращается в правителя, достойного править народом, посвящающего заботы не своему благополучию, а процветанию страны.

Несколько неожиданным можно считать конец Бехрама это таинственное исчезновение, объяснить которое поэт не захотел. Эпизод напоминает исчезновение Кей-Кавуса в «Шах-намэ». Сасанидские хроники, повидимому, такого предания не содержали. Можно предположить, что Низами были известны какие-то версии предания о гибели Бехрама, письменными источниками не зафиксированные или до нас не дошедшие.

Приближавшаяся старость не ослабила поэтической силы Низами. Не ослабила она и его оценки феодальной действительности. Более того, в этой поэме его оценка стала еще более суровой. Он беспощадно изобличает продажность, коварность и алчность окружавших шаха вельмож, показывает их бессилие и трусость в моменты, когда внешний враг угрожает стране. Выход из такого кризиса Бехраму указывают не придворные мудрецы, не его советники, а человек из народа, простой, прямотушный скотовод.

Так называемые «зерцала» - дидактические трактаты, поучавшие искусству править страной, - были известны Ближнему Востоку еще задолго до ислама. Широкое распространение имели они и в мусульманском мире. Низами знал многие из них и широко ими пользовался. Но заслуга его в том, что он не удовольствовался одними советами и рецептами, - он облек все свои поучения в подлинно художественную форму, через художественные образы искал глубокого воздействия на своего читателя. Можно с полным правом утверждать, что «Семь красавиц» во всех отношениях наиболее зрелое и совершенное из произведений Низами, если только не считать последнюю его поэму, занимающую, как мы сейчас увидим, совсем особое место.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ПЕСНЯ. «ИСКЕНДЕР-НАМЭ»

В своей последней поэме Низами обращается к себе:

Застенай, о старый, ветхий годами соловей,

Ибо красные щеки розы стали желтыми.

Вдвое согнулся прямой изукрашенный кипарис^[83].

Садовник из тенистого угла поднялся^[84].

Когда пятьдесят лет минуло,

Изменилось состояние спешившего.
Голова от тяжкого бремени склонялась к камню^[85].
Верховое животное измаялось от узкого пути.
Устала моя рука требовать вино.
Отяжелела, нога, трудно вставать.
Тело мое приняло лазурную окраску^[86].
Роза моя красноту отбросила, желтизну приобрела,
Мой бегущий конь устал в пути,
Голова моя мечтает об изголовьи.
Ветроногий, пригодный для ристалища конь
Под сотней ударов не сдвигается с места.
У веселья потерял ключ к винному погребу,
Признаки раскаяния появились.
Поднялось с гор облако, сыплющее камфору^[87],
Природа земли стала вкушающей камфору^[88].
То сердце склоняется к уходу,
То голова восхваляет сон.
Попреки девушек не доходят до уха,
Фляга опустела, кравчий умолк.
Голова от шутки отвернулась, ухо от музыки,
Приблизился миг прощания для откочевки.

Забрезжили сумерки, говорит поэт, и пора подумать о том, как достойно завершить дело жизни, как сохранить потомству свое имя. Здесь введено изумительное по трогательности место, в котором Низами говорит о своей вечной жизни:

Вспомни, о юная горная куропатка,
Когда придешь ты к моему праху,
Увидишь ты траву, поднявшуюся из моего праха,
Изголовье надгробия увидишь рассыпавшимся,
подножие провалившимся.
Весь посланный мне прах унес ветер,
Никто из современников уже меня не поминает.
Положишь ты на камень над моим прахом руку,
Вспомнишь о моей чистой сути,
Прольешь ты на меня слезу издали,
Пролью я на тебя свет с неба.
Молитва твоя, к чему бы она ни поспешила,

Скажу: аминь, дабы она была доходчива.
Привет мне пошлешь - и я пошлю привет,
Пойдешь - и я спущусь с купола.
Считай меня живым, как и себя.
Я приду душой, если ты придешь телом.

Мы видели, что уже в предшествовавшей поэме Низами жаловался на болезни. Теперь, видимо, состояние его здоровья ухудшилось, он чувствовал постоянную усталость и потому все более искал уединения и отчуждался от окружающих:

Наскучил я дням :
И покой свой унес в угол уединения.
Дверь дома, словно высокий небосвод,
Запер я для мира на замок, для людей на запор.
Не знаю я, как протекает вращение судьбы,
Что доброго, что злого происходит в мире.
Я - мертвый, но мужественно идущий,
Не принадлежу к каравану, но все же
иду с караваном.
С сотней мук сердца я совершаю единый вздох,
Чтобы не уснуть, звоню в колокольчик^[89]].

Повидимому, многих из близких поэту людей к этому времени уже не было в живых:

Выпью я вина в память о друзьях, скончавшихся в чужбине,
Из которых ни одного я более не вижу на месте.

Возможно, что и с сыном у старика были какие-то размолвки, ибо он жалуется на одиночество:

От любви людей я отвратил лицо,
Своей родней себя же самого нашел.
Если влюбленным я и покажусь очень злым,
Все же лучше мне стать моим собственным возлюбленным.

Материальное положение поэта ухудшилось. Получил ли он обещанный дар из Мераги - неизвестно, но о недостатке говорить уже не приходится:

Если нет у меня жаркого из седла онагра,
То и мучений от могилы утробы нет^[90]].
И если нет передо мной прекрасного палудэ^[91]],
То пищей своей я делаю выжимки своего мозга.

И если высохло мое масло в кувшине,
Я от отсутствия масла мучительно расстаюсь с жизнью,
словно светоч.
Так как тело мое пусто от «барабанных»^[92] лепешек,
То я, словно барабан, не разрываюсь от затрещин.

В довершение ко всем невздам Ганджу постигло страшное землетрясение:

От этого землетрясения, что разорвало небо,
Города исчезли в земле.
Такая дрожь напала на горы и доли,
Что пыль поднялась выше ворота небосвода.
Земля стала беспокойной, как небо,
Кувыркающейся от игры времени.
Раздался один звук дуновения последней трубы,
Так что рыба отделилась от горба коровы^[93].
У небосвода рассыпались сцепления,
У земли сломались сочленения.
Столько сокровищ в тот день пошло на ветер,
Что Ганджа в ночь на субботу исчезла из памяти.
От стольких жен и мужей, юных и старых,
Не осталось ничего, кроме надгробного плача.

Легкомысленная жизнерадостность никогда не была свойственна Низами. Он сам говорит, что его уже в юности считали серьезным не по возрасту. Но не характерен для него и пессимизм.

Однако беды, омрачавшие последние годы поэта, приводят его к восклицанию:

Блаженна та молния, что жару отдала душу,
В один миг родилась и в один миг умерла,
Не застывшая свеча, которая, загоревшись,
Несколько ночей терзалась в предсмертной муке, а затем умерла.

Но несмотря на все эти беды, на одиночество и нищету, именно в эти годы Низами осуществляет самый грандиозный из своих замыслов - огромную двухтомную поэму об Александре Македонском.

Установить точную дату завершения этой поэмы трудно. Поэт сам ее не указал, и определять ее приходится только на основании догадок. Так как в предисловии к поэме говорится о «Семи красавицах» как о

произведении, уже законченном, то ясно, что работа над последней поэмой началась после июля 1196 года. В некоторых рукописях есть указание на 597 (1200/1201) год. Приписка эта, сделанная очень плохими стихами, Низами принадлежать не может, но она частично близка к истине.

Поэма носит название «Искендер-намэ» («Книга Александра»), но каждый том ее имеет еще особое название. В эти названия переписчики внесли большую путаницу, но можно уверенно полагать, что сам поэт первую книгу назвал «Шараф-намэ» («Книга славы»), а вторую - «Икбаль-намэ» («Книга счастья»).

Во второй книге Низами упоминает, что ему исполнилось шестьдесят лет. Если дата рождения (1141) правильна, то, следовательно, «Икбаль-намэ» писалась в 1199-1201 годах. Но она не могла быть написана в особенно короткий срок, ибо и возраст и болезнь не допускали такого усиленного труда. Тогда «Шараф-намэ» могла быть написана только между 1196-1200 годами. А так как объем ее очень велик и сам Низами, как мы увидим, придавал ей исключительное значение, то можно допустить, что подготовительная работа к ней шла уже в период создания «Семи красавиц».

Поэма посвящена представителю Ильдигизидов, сыну Джихан-Пехлевана - Нусратаддин Абу-Бекр Бишкин ибн-Мухаммеду, вступившему на престол в 1191 году, после гибели своего деда Кизил-Арслана. Поэма, повидимому, не была никем заказана; тему Низами выбрал по своему желанию. Но когда он ее закончил, ряд правителей выразил желание приобрести ее. Низами передал ее тому, кто был ближе всех:

Раз пришел такой приказ от государя:

«На паше имя начерти этот рисунок»,

По. словам шаха увлажню я мозг,

На слова же других ответчу отказом.

Имя этого же правителя мы находим и во второй части поэмы. Но во второй части в некоторых рукописях появляется еще имя правителя Мосула-Иззаддин Мас'уд. Указание на Мосул приводит нас к правившему там в то время дому Зенгидов. Но в этом доме с таким именем правителей было два: Иззаддин Мас'уд I ибн-Маудуд (1180-1193) и Иззаддин Мас'уд II ибн-Арслан (1211-1219). Если мы Признаем, что поэма посвящена Мас'уду I, то тогда нужно будет заключить, что она была закончена до 1193 года, а это никак не может быть увязано с хронологией других поэм. Если же признать, что имеется в виду Мас'уд II, то возникает другое затруднение. По традиции считается, что Низами скончался в 1203 году. Посвятить

поэму правителю еще до вступления его на престол он едва ли мог, тем более не мог называть правителем того, кто тогда еще не правил. Остается допустить, что традиционная дата смерти неправильна и что Низами умер после 1211 года. К этому вопросу мы еще вернемся далее.

Двойное посвящение мы видели уже и в «Хосров и Ширин». Но там это были представители одной династии. Здесь же мы находим имена людей, друг с другом никак не связанных. Но в поэме есть строки, повидимому, объясняющие это несколько странное явление. Поэт говорит, что получил такой приказ:

Нам дай эту жемчужину - самоцвет.

Если же нет, то уходи из сада.

Иначе говоря, ему было предъявлено требование в очень резкой форме, даже подкрепленное угрозой. Угрозы были, надо думать, вполне реальные, ибо о «венценосных меценатах» Низами тут же отзывается очень резко:

Все люди зарились на эту мою книгу,

Однако она была сочинена с посвящением ему.

Ни у одного из повелителей, виденных мною, кроме него,

Я не видел места для отшельников.

Я видел головы, опорожненные от мозга.

Которые гнусно снесли много других голов

Дверь зазывает, а стол с угощением пуст,

Все - тощее, без всякого жира.

Все они - торговцы с природой менялы,

Мучители тех, кто на их иждивении.

Сопоставляя все эти факты, можно допустить, что Низами закончил поэму и кому-то собирался посвятить ее. Ильдигизид Бишкин прослышал об этом и потребовал поэму себе, угрожая в противном случае изгнать поэта из Ганджи. Сопротивляться Низами, конечно, не мог и вынужден был включить в поэму это посвящение. Но в 1210 году Бишкин умер; поэт освободился от своих обязательств и поднес поэму Мас'уду II, вступившему на престол в 1211 году. Рукопись с первым посвящением получить обратно из дворцовой библиотеки Низами уже не мог. С них снимались копии, и так получились две редакции поэмы, отстоящие друг от друга по времени лет на десять.

Это объяснение можно, конечно, принять, если отказаться от традиционной даты смерти Низами (1203). Но, как мы увидим далее, доказательства правильности этой даты у нас нет.

В начале поэмы есть еще упоминание о покровителе, некоем Имаде из Хоя, но кто был этот человек, установить не удалось.

Тема, которую Низами избрал для своей последней поэмы, имела за собой длинную историю. Образ македонского завоевателя, с головокружительной быстротой покорившего чуть ли не весь культурный мир, поставившего себе задачей слить воедино Восток и Запад, с древнейших времен вызывал интерес у самых различных народов. Уже вскоре после его смерти Клитарх и Онесикрит, близко к нему стоявшие, составили его биографию. По их материалам написал позднее его жизнеописание Плутарх.

Но реальная биография не могла удовлетворить круги, интересовавшиеся Александром (зороастрийское духовенство и иранскую аристократию). Рядом с ней начали складываться легенды, с историческими фактами считавшиеся мало. Можно думать, что первыми создателями и распространителями таких легенд были воины Александра. Во время походов на Восток они распускали среди народов, с которыми им приходилось встречаться, фантастические слухи о своем повелителе. Вернувшись на родину, они, не жалея красок, расписывали чудеса и диковины дальних стран, которые им довелось посетить. Поражение, нанесенное Александром властителям разных стран Востока, особенно Египта и Ирана, ранило их самолюбие, более того, подрывало теократические ^[94] теории, которыми они обосновывали свое «право на власть». Не приходится поэтому удивляться, что первый «роман об Александре», в противоположность реальной биографии, возник на Востоке. Складываться он начал около I века нашей эры, но разросся и пополнился в первых десятилетиях III века, когда императоры Каракалла и Александр Север ввели официальный культ Александра. Приписан роман был врачу завоевателя Каллисфену и долгое время распространялся под его именем. Уже давно установлено, что роман этот никакого отношения к Каллисфену не имеет, и потому он в науке известен под названием Псевдо-Каллисфена.

Основная тенденция романа ясно показывает, что возник он в Египте. Александр в этом романе сын не македонца Филиппа, а египетского жреца Нектанеба, бежавшего из Египта в Македонию и сумевшего околдовать жену Филиппа Олимпию. Так как Нектанеб не только жрец, но и потомок древних царей Египта, то, следовательно, в жилах Александра течет кровь фараонов, и он не иноземный завоеватель, а законный наследник египетского престола. Тем самым восстановлен авторитет теократических теорий и успокоено самолюбие и властителей.

Греческий роман лег в основу многочисленных переводов на восточные языки. Был не сохранившийся среднеперсидский перевод; известны переводы сирийский, эфиопский и армянский. Для более широкого круга европейских читателей Псевдо-Каллисфен стал доступным благодаря латинскому переводу Юлия Валерия. Для средневековья, страстно любившего слушать о похождениях рыцарей в далеких странах, роман представлял огромный интерес. Уже в XII веке возникает ряд стихотворных и прозаических переработок, среди которых можно назвать французскую версию - Ламбера Ле-Тора и Александра Парижского. Немецкими стихами в то же время изложил роман монах Ламбрехт. Французские версии легли в основу двух английских переработок: «Кинг Алисандер» (XIV век) и «Роман об Александре» (1438),

Таким образом, к XV веку роман завоевал даже большую территорию, чем его герой, и его сюжет сделался в полном смысле слова международным. Хотя с отмиранием рыцарского романа он и должен был отойти на второй план, но еще для XVIII века, рядившего своих героев в античные одежды, отдельные эпизоды его были излюбленной темой пышных придворных трагедий.

В Иране интерес к образу македонского завоевателя был вызван совершенно иными соображениями. Удар, нанесенный Александром Ирану, был крайне тяжок. Рухнул престол Ахеменидов, в пламени пожара погибла сказочная роскошь дворца «царя царей» в иранской столице. В ахеменидском Иране светская власть была тесно сплетена с властью духовной. Для упрочения своей власти Александр поэтому принял ряд мер против зороастрийского духовенства. Уничтожены были их священные книги, казнены сотни представителей зороастрийского культа. Понятно, что зороастрийское духовенство должно было возненавидеть Александра.

В дошедших до нас остатках среднеперсидской литературы Александр прямо называется исчадием ада, созданием отца зла Аримана. Связанные с зороастрийским духовенством круги отрицали строительство Александра. По их мнению, он не мог ничего построить, ибо «был он разрушителем, но не был созидателем».

Но голое отрицание заслуг Александра не могло удовлетворить представителей иранской аристократии. Политические воззрения ее покоились на теократической основе: считалось, что законным правителем Ирана может быть лишь лицо, наделенное «божественной благодатью» (фарром), которая в царском роде наследственна. Захват престола Александром практически доказывал всю несостоятельность этой теории и подрывал престиж носителей власти. Нужно было попытаться каким-либо

способом включить Александра в число носителей фарра и так оправдать захват престола шаханшахов.

Путь к разрешению этой задачи я показал роман Псевдо-Каллисфена. Если Александра можно было сделать египтянином, то почему бы не возвести его в сан сына иранского царя? Как была проделана эта операция, мы не знаем, но почти несомненно, что в сасанидскую «Книгу царей», официальную хронику династии Сасанидов, Александр вошел уже не как адское исчадие, а в роли потомка Ахеменидов. Подтверждение этого предположения можно усмотреть в том, что как «Шах-намэ», так и многие арабские историки дают рассказ об Александре уже в переработанном виде.

Говоря о происхождении Александра, они рассказывают, что Филипп Македонский, будучи побежден во время войны Дарией II, вынужден был, кроме дани, выдать замуж за победителя еще и свою дочь. Вскоре Дарий возымел к ней отвращение и отослал ее обратно к отцу. По возвращении на родину она родила сына - Александра. Не желая позора, Филипп скрыл происхождение ребенка и выдал его за своего собственного сына. Таким образом Александр оказывается старшим братом свергнутого им Дария III и, следовательно, законным наследником иранского престола.

Насколько мы можем судить, первой художественной обработкой сказания об Александре на персидском языке является соответствующий раздел «Шах-намэ» Фирдоуси. Он сложился у Фирдоуси в целую самостоятельную поэму, в известной степени законченную. Основные его элементы восходят к греческому роману Псевдо-Каллисфена, в какой-то восточной его переработке. Однако полная версия романа Фирдоуси уже известна не была. Многие черты потускнели, иногда даются только второстепенные детали, значение которых автору уже не вполне ясно. Так, знаменитый эпизод источника живой воды совершенно потерял логическую связь. Образ Искендера четкого оформления не получил. Фирдоуси не обратил внимания на мусульманскую традицию, к его времени успевшую присоединить Александра Двурогого - Искендера Зулкарнайна к числу пророков, ниспосланных в этот мир до Мухаммеда. Излагая историю завоевания Ирана, Фирдоуси придает герою черты защитника правосудия и охранителя законности. Но в дальнейшем исчезают и эти черты.

Почему Искендер совершает походы, что он ищет, скитаясь по всему миру, остается неясным. Заключительная часть раздела, наполненная мрачными предвозвестиями, таинственными и страшными явлениями, как будто имеет целью подчеркнуть бессилие смертного, предостеречь его от

несбыточных мечтаний, заставить понять, что никакие завоевания и никакие богатства ни на миг не отсрочат назначенный ему смертный час. В общем, в понимании Фирдоуси Искендер - один из многих властелинов Ирана, которому выпало на долю совершить необычайные походы. Никакой особой миссии у него нет, и его царствование - только один из эпизодов в истории этой древней страны.

*

Своей последней поэме Низами сам придавал очень большое значение. В предисловии он подчеркивает, что

Более славного повествования

Не находили еще правдивые люди.

Эту книгу он считает как бы венцом всей своей творческой работы:

Я сказал это и ушел, а повесть осталась: Не следует читать эту повесть от безделья.

Для более легкого усвоения ее сложного содержания поэт даже вводит особую главу, в которой вкратце излагает все содержание поэмы, чего он ранее никогда не делал. Наконец он даже указывает, что и в языке он старался соблюдать меру, и хотя и украсил его красноречием, но не настолько, чтобы затруднять понимание.

Очень важен такой факт. Низами включает в предисловие главу о своей беседе с таинственным пророком Хызром, якобы посетившим его и уговорившим взяться за создание этой книги. Конечно, это можно сравнивать с обращением греческих поэтов к музе, но только надо иметь в виду, что для читателей Низами Хызр был реальностью, а Низами представлялся окруженным ореолом праведности. Принять эту главу за простую поэтическую фантазию они не могли, и содержание книги должны были поэтому рассматривать как своего рода откровение.

Все это показывает, что при создании поэмы Низами ставил себе особые цели, казавшиеся ему особенно важными и требующими сугубого внимания со стороны читателя.

Низами начинает с указания на то, что, приступая к поэме, он провел большую работу по изучению источников:

Рассказов об этом царе, покорителе горизонтов,

Я не видел начертанными ни в одном свитке.

Слова, собранные мною как сокровище,

Во всех списках были разбросаны.

Облекая их в убранство стиха,

Кроме новейших историй, изучил я и книги

Еврейские, христианские и пехлевийские.

Низами не видел ни одной книги, специально посвященной Александру. Следовательно, пехлевийский вариант Псевдо-Каллисфена или его арабский перевод ему остался неизвестным. Под новейшими историями он, конечно, понимает арабские и персидские хроники. Пехлевийские книги скорее всего переводы с пехлеви, то есть арабские трактаты по морали, дидактике, может быть, перевод «Книги царей». Трудно думать, что он пользовался пехлевийской литературой в оригинале.

Но что он разумел под еврейскими и христианскими книгами? Исходя из этнического состава Азербайджана XII века, особенно Ганджи, можно предположить, что поэт с помощью друзей мог знакомиться с грузинскими, армянскими и сирийскими книгами. Таким образом, помимо «мусульманских» преданий, ему открывался еще и второй путь к традициям античного мира. Нельзя, конечно, утверждать, что представления Низами об античных авторах были четки и ясны. Предания греков у него причудливо переплетаются с циклом коранических легенд. Но все же он знал об этом мире значительно больше, чем многие ученые мусульманского Востока. Такое стремление к расширению круга источников в условиях Азербайджана того времени вполне понятно. Низами хочет создать книгу, которая была бы приемлема не для одной иранской знати, как у Фирдоуси, а для всех народов Азербайджана. Он ясно говорит об этом сам:

Другие книги, которые ты будешь смотреть сначала,
Не окажутся правильными перед общим мнением народа.

О происхождении Искендера Низами знает две версии: румскую (византийскую) и иранскую. С последней мы уже знакомы. Это легенда о том, что Искендер - сын Дария II. Источник «румской» легенды неизвестен, но она крайне интересна. В Руме была праведная женщина, которая, забеременев, утратила мужа. Она рассталась с родным городом и попала на чужбину. Родовые муки застали ее в пути. Она разрешилась от бремени в каких-то развалинах и в результате перенесенных лишений тут же скончалась. Царь Македонии Филикус ^[95] во время прогулки случайно зашел в эти развалины и нашел покойницу и живого младенца.

Голодный, он собственный палец сосал,
Как будто, грызя его, скорбь выражал ^[96].

Царь взял младенца, отвез его во дворец и усыновил. Таким образом, будущий повелитель мира ведет свой род от безвестной нищеты. Желание объяснить таким путем добродетели Александра в легенде совершенно

ясно.

Но Низами, с презрением отнесясь к иранской версии, Не принял и это предание.

Слова летописцев проверил я строго

И записи мужа, познавшего бога^[97].

В обеих историях правда мертва,

Не стоят вниманья пустые слова.

Рассказы всех стран я читал - убежден,

Что от Филикуса был мальчик рожден.

Низами не нужны никакие объяснения событий на основании происхождения. Для него бог дает и власть и мудрость, «кому пожелает», не считаясь с аристократическим происхождением.

Замысел Низами таков. Он хочет показать Искандера в трех аспектах: царя-завоевателя, царя-философа и мудреца, царя-пророка:

Одни называют его обладателем трона,

Покорителем стран, больше того, завоевателем горизонтов,

Другие из числа приближенных его

Выписали ему диплом на мудрость.

Еще другие вследствие чистоты его и ревностного отношения к религии

Сочли его за пророка.

Я из всех трех зерен, рассыпанных мудрецами,

Хочу вырастить одно плодоносное дерево.

Сначала постучу в двери царства,

Поговорю немного о завоевании стран.

Потом заведу речь о мудрости,

Возобновлю древние усилия.

Потом постучу в двери пророчества.

Ибо и господь называет его пророком.

Как мы увидим далее, этот план поэт полностью выдержал, причем первый том поэмы соответствует первому разделу плана, а два следующих раздела объединены вместе в «Книге счастья».

Рассказав о происхождении Искандера, Низами дает подробный гороскоп часа его рождения, а затем переходит к своей любимой теме - рассказу о воспитании героя.

Славный воспитатель царевича - Никомах, отец Аристотеля. Будущий великий философ учится у своего отца вместе с царевичем. Тем самым Искандеру уже с детства прививают любовь к науке и философии, а

Аристотель становится его верным соратником на всю жизнь.

Военная карьера Искендера, по Низами, начинается с похода на зинджей, занзибарцев, чернокожих дикарей, что соответствует походу Александра в Африку у Псевдо-Каллисфена. Интересно обоснование, которое поэт дает этому походу. Искендер не собирается завоевывать Египет. Он предпринимает поход только потому, что к нему приезжает делегация из Египта, умоляющая его помочь местному населению и освободить его от насильников - занзибарцев, напавших на страну, грабящих и опустошающих ее. Цель похода - помощь угнетенным, восстановление поправленных прав. Мы увидим, что Искендер у Низами почти на всем протяжении поэмы выступает только как защитник угнетенных, а не как завоеватель.

Очень любопытен эпизод о военной хитрости, к которой прибег Искендер во время этой войны, выдавая себя за людоеда. Наведя панику на вражеское войско, он таким путем спасает жизнь своим воинам. Но рядом с этим Низами описывает и единоборство Искендера с вражескими богатырями, подчеркивая его личную Доблесть и отвагу. Характерны мысли, которые приходят ему в голову, когда по окончании последнего боя он объезжает поле битвы:

Посмотрел он в назидание на тех убитых,

Наружно посмеялся, а в душе заплакал:

Столько народу в этом бою

Зачем было убивать мечом и стрелами!

Резко отрицательное отношение к войне, явно выраженное здесь, - точка зрения для феодалов XII века неприемлемая. Интересно и замечание «наружно посмеялся»: Искендер не может открыто выразить свою печаль, - она для воинов была бы непонятна, да и омрачила бы для них радость победы.

Второй эпизод - столкновение с Дарием (Дара) и война с Ираном. Каковы причины, ее вызвавшие? Вспомним, что Македония, по рассказам хроник, платила Ирану дань. Задачи Искендера - освободиться от этой зависимости и избавить народ от тяжких повинностей. Победа над зинджами показала ему, что он может рискнуть вступить в единоборство со страшным врагом. Полную уверенность в победе он получил благодаря гаданию по птицам - древнему обычаю, хорошо известному еще в Вавилоне. Но, несмотря на благоприятные предзнаменования, Искендер все же не решается начать войну. Он считает нужным прежде посоветоваться со своими сановниками и выяснить, поддерживают ли они его планы. Советники его замысел признают правильным, но думают, что ему не

следует самому начинать войну, а лучше дожидаться враждебных действий со стороны Дары. Если иранский шах начнет войну, то успеха не добьется, так как он - притеснитель, творит зло и в своем народе поддержки не встретит. Если напасть на Дару, то лучшие люди его страны будут защищать родину, но если нападающим будет он, то он поддержки не получит и поражение его станет неизбежным.

В преданиях имя Искандера часто связывается с рассказом о принадлежавшем ему магическом зеркале, отражавшем все, что происходит в мире. Низами затрагивает здесь это предание, но объясняет его реалистически. Он считает, что, вероятно, в дни Искандера впервые было изготовлено зеркало из полированного железа. Такое зеркало действительно может отражать мир, то есть все то, что близ него находится.

Возвращаясь к рассказу, поэт сообщает, что Дара потребовал у Искандера дань, которую тот перестал выплачивать. Упоминается античное предание о том, что дань имела форму золотых яиц, Искандер вежливо отказывает и упоминает, что курицы, которая несла эти яйца, больше, нет. Рассвирепевший Дара пишет ему грубое письмо, полное угроз, и посылает подарки: мяч для игры в човган (поло), клюшку для этой игры и кунжут. Смысл этих даров (ср. загадки славянской царевны) таков: ты еще дитя, поиграй в эти игрушки; воинов же у меня так много, как зерен в мешке кунжута. Искандер толкует эти дары иначе: мяч, говорит он, - изображение земли. Дара отдал мне власть над землей и крючок, которым ее можно поддеть. Кунжут он велит высыпать на пол и принести кур, которые тотчас же склевали все зерно. В ответ он посылает при вежливом письме мерку сипенда (руты), предлагая попробовать раскусить это твердое зернышко.

Теперь столкновение неизбежно, и Искандер готовит войско. Тем временем собирает военный совет и Дара. Но там совещание протекает совсем иначе, чем у Искандера. Престарелый воин Ферибурз предостерегает шаха от необдуманных решений. Эти предостережения вызывают у вспыльчивого и заносчивого Дары приступ ярости. Он называет советника стариком с прогнившими мозгами и похваляется тем, что сломит Искандера одним ударом. Таким образом, эти две сцены - совещание Искандера и совещание Дара - должны показать читателю полную противоположность их характеров.

Начинается война. Первый бой у Мосула крайне жесток. Искандеру едва удастся спастись от яростного натиска Дары. Искандер начинает опасаться за исход войны. Но в это время к нему тайно приходят два иранских полководца и предлагают убить своего шаха, если Искандер обещает им за это награду. Герой не верит, что они могут решиться на

такое дело, но согласие все же дает. Поэт указывает, почему он решился на это:

Но всем нам дорога лишь та дорога,
Которая к смерти приводит врага.

Можно думать, что у Искендера мелькает мысль о возможности избежать таким путем лишнего кровопролития, то есть им двигает тот же мотив, как и во время войны с зинджами.

Во время второго боя полководцы приводят в осуществление свой план и спешат к Искендеру, требуя обещанной награды. Он приказывает схватить их, а сам устремляется к смертельно раненному Даре. Беседа умирающего с победителем - одно из эффектнейших мест поэмы.

Речи Дары дышат яростью, обостренной сознанием своего бессилия. Это рычание умирающего льва. Лишь с громадным трудом Искендеру удастся немного успокоить повергнутого вирах владыку. Дара перед смертью обращается к победителю с тремя просьбами: отомстить его убийцам, не притеснять иранскую знать и жениться на его дочери Роушенек, Искендер выполняет все это.

Характерно, что, вызвав Ферибурза, он спрашивает старика, почему тот не отговорил своего повелителя от этой безумной войны. Полководец объясняет, что Дара по гордыне своей не захотел слушать разумного совета. Он обращается к Искендеру с большой речью, указывая, как ему надлежит поступить с иранской знатью. Шах отпускает его, осыпав щедрыми дарами.

Завоевав иранский престол, Искендер прежде всего приступает к разрушению всех зороастрийских храмов. Здесь Низами пользуется старыми иранскими преданиями, но с его точки зрения это - доброе дело, ибо Искендер искореняет ложную веру, расчищая место для веры истинной. Затем он восстанавливает порядок в стране, которая притеснениями Дары была совершенно разорена и истерзана. Здесь поэт опять дает картину, явно отражающую разорение, наблюдавшееся им лично в его дни. Завершается эпизод браком Искендера с Роушенек и восшествием его на престол в Истахре. Молодую жену он отправляет с Аристотелем в Грецию. С ними вместе посылают туда и все научные книги, которые Искендер нашел в библиотеке иранских царей.

После небольшого вставного эпизода, повествующего о посещении Искандером Ка'бы в Мекке (такой анахронизм был уже и у Фирдоуси), действие переносится в Азербайджан. Начинается третий раздел: встреча Искендера с царицей Нушабэ. Эпизод этот восходит к двум главам Псевдо-Каллисфена: встреча с царицей Кандакэ и война с амазонками. Низами сознательно слил эти эпизоды в одно целое. Нушабэ - Кандакэ у него

царица Берда'а - того самого города, который поэт воспел уже в своей второй поэме. Он говорит, что Берда'а в древности называлась Харум (название страны амазонок у Фирдоуси); (подчеркивает также, что во дворец Нушабэ мужчины доступа не имели, и дворец обслуживали только девушки. Нушабэ дни проводит в забавах и развлечениях, а по ночам предается служению богу. Искендер едет к Нушабэ переодетым, выдавая себя за Посла македонского царя. Здесь опять поэт показывает свое тонкое знание психологии. Хотя Нушабэ и окружена царственной роскошью, но вся эта пышность повелителя Востока и Зайада смутить, конечно, не может. Искендер входит во дворец смело, как «гуляющий лев». Не привыкнув унижаться, он забывает снять меч; подойдя к трону царицы, не склоняется до земли. Это необычное для посла поведение заставляет Нушабэ заподозрить, что перед нею не просто посол. У царицы был уже давно тайно заготовленный портрет Искендера. Она велит принести его и убеждается, что сам повелитель находится в ее дворце. Увидев проницательность Нушабэ, Искендер смирится и предлагает покончить дело миром. Нушабэ устраивает роскошный пир. Всем подносят изысканные яства, а перед Искендером ставят только золотые чаши, наполненные драгоценными камнями. Искендер говорит царице, что все это несъедобно. Нушабэ отвечает: «Зачем же тогда ты ведешь войны из-за богатства, зачем гордиться тем, из чего нельзя приготовить пищи?» Искендер признает, что упрек правилен, но, в свою очередь, указывает, что тогда незачем украшать дворец с такой пышностью. Мы видим, что Искендер, в понимании Низами, все это время воевал вовсе не ради обогащения. Эпизод этот введен ради поучения венценосцам и предостережения их.

Четвертый эпизод - поход Искендера в Дербенд. Низами стремится связать своего героя как можно теснее с Закавказьем. В Дербенде, в горном замке, сидели разбойники, грабившие путников и мешавшие караванному движению. Замок настолько неприступен, что взять его ни осадой, ни штурмом невозможно. Искендер обращается за помощью к Праведному мужу, и по его молитве стены замка рушатся и злодеи попадают в руки Искендера. Уничтожив их, он едет в горный замок Сарир, где, как он слышал, хранился престол иранского царя Кей-Хосрова и его кубок. Этого эпизода «и у кого из предшественников Низами нет, и восходит он, вероятно, к местным азербайджанским преданиям. Сариром древние географы называли одну из областей теперешнего Дагестана, где на высокой горе стоял замок христианского властелина области, владевшего будто бы знаменитым тронном из чистого золота. Характерно, что Искендер,

посетив замок, не стремится завладеть этими драгоценностями. Он немного посидел на троне, выпил вина из кубка. По Фирдоуси, царь Кей-Хосров таинственно исчез в этих горах, так что дружина не могла найти даже и следа его. Искендеру показывают пещеру, где якобы это произошло. Искендер проникает в нее и убеждается в том, что это кратер полупогасшего вулкана, в страшных безднах которого еще и сейчас горят залежи серы. Так становится понятным исчезновение древнего шаха, и таинственное предание Фирдоуси получает рационалистическое объяснение.

Пятый раздел - поход Искендера на Восток. Из Азербайджана через Иран и Афганистан Искендер идет в Индию, чтобы наказать царя Кейда, отказавшегося признать себя его вассалом. Когда войска завоевателя вступают в Индию, Кейд ищет примирения и посылает Искендеру ценные дары. Из Индии шах идет в Китай, где правит мудрый хакан, осторожный и осмотрительный. Он собирает огромное войско для защиты своей страны, но столкновения все же стремится избежать. В ответ на грозное послание Искендера он пишет письмо, в котором говорит о своем миролюбии и согласии покориться. Затем он лично едет в ставку царя, выдавая себя за посла. Он просит свидания с глазу на глаз. Советники Искендера убеждают его не соглашаться, думая, что это подосланный хаканом убийца. Но Искендер все же дает согласие, и тогда хакан открывает свою тайну. Царь поражен его смелостью и соглашается не трогать Китай, если хакан уплатит ему дань за семь лет вперед. Хакан готов исполнить это, но только требует от Искендера письменного ручательства в том, что он проживет еще семь лет. Ответ нравится завоевателю, и за остроумие он тут же прощает хакану шесть лет и требует дани только за год. На следующий день хакан появляется возле ставки с огромным войском. Приближение рати вызывает среди румцев панику. Они решают, что Китай нарушил обещание и собирается нанести внезапный удар. Но хакан выезжает вперед и (возвещает Искендеру, что нападать не собирается. Он привел войско лишь для того, чтобы показать ему свою силу. Сопротивляться он мог бы, но видит, что счастье на стороже Искендера, и потому напрасного кровопролития не хочет. За это Искендер прощает ему и остальную дань.

Здесь введен интересный рассказ о состязании румских и китайских художников. В большой зале делают перегородку, делящую ее пополам. В каждой половине художники должны написать на стене фреску. Румцы делают прекраснейшую картину, но когда перегородку снимают, оказывается, что китайская картина является точной копией картины

румской. Все изумляются тому, как китайцы, не видя этой картины, могли ее в точности повторить. Искендер открывает тайну. Китайцы просто отполировали стену до гладкости зеркала, и румская картина в этом зеркале отразилась. Искендер приходит к заключению, что хотя румцев и можно считать превосходными живописцами, но в искусстве полировки никто не может соперничать с китайцами.

Хакан устраивает в честь Искендера пышный пир, на котором подносит ему три ценных дара: охотничьего сокола, боевого коня и красавицу-рабыню, кроме прекрасного голоса и умения петь отличающуюся еще и мужеством, героизмом и силой. Однако эти свойства Искендеру не нравятся. Он находит, что такие свойства женщине не подходят, и отправляет ее в свой гарем, не желая более близкого общения с нею. Характерно, что героические качества Низами приписывает женщине из Китайского Туркестана, что вполне соответствует традициям героического эпоса тюркских народов.

Собираясь в обратный путь, Искендер узнает, что на Закавказье напали русы, разграбили Берда'а и взяли в плен царицу Нушабэ. Так мы переходим к шестому разделу - войне Искандера с русами.

Через кыпчакские степи, где по дороге Искендер ввел обычай закрывать чадрой лица у женщин, герой проходит в Закавказье. Несмотря на собранное им огромное войско, одолеть русов крайне трудно, ибо они бесстрашные могучие воины. Только во время седьмого боя македонцу, наконец, удастся одолеть противника. Особенно тяжел был шестой бой, когда среди русов появилось своеобразное чудовище, вооруженное железным крюком. У него красное лицо, светлосиние глаза, а на лбу большой рог. Победить его не может никто. Тогда из румского войска выезжает никому неизвестный витязь, уже отличившийся подвигами в предшествующих боях. Чудовище и его стаскивает крюком с коня. Шлем с головы витязя падает, и Искендер видит, что бесстрашный воин - та самая прекрасная рабыня, которую ему подарил хакан. Взбешенный повелитель сам выезжает на бой с чудовищем и ловит его при помощи аркана. Вечером, пируя после боя, он решает освободить плененное чудовище. Оно убегает, но вдруг возвращается, и приносит Искендеру героиню-красавицу, которую утром утащило к русам. Это знак его благодарности великодушному победителю, пощадившему его жизнь и вернувшему ему свободу. Неприязнь, которую Искандер питал к девушке, проходит, и Искендер берет ее в жены.

Добившись победы над русами, Искендер освобождает Нушабэ и выдает ее замуж за мелика Абхазии. К своему удивлению, он узнает, что у

русов деньгами служат не драгоценные металлы, а беличьи и собольи шкурки.

Последний, седьмой раздел «Книги славы» - предание о живой воде. О дарующем жизнь чудодейственном роднике, скрытом в стране вечного мрака, Искендер случайно узнает от одного старика. Он решает разыскать это чудо. Подойдя к границам страны мрака, он, однако, видит, что вступить туда крайне опасно, ибо обратный путь нельзя будет найти. Затруднение разрешает один старец, которого юный воин, сын его, несмотря на запрет шаха, взял с собой в поход. Он дает совет: взять только что ожеребившуюся кобылу, на краю страны мрака зарезать ее жеребенка, а затем пуститься в темноту: влекомая материнским чувством кобыла всегда сумеет найти обратный путь к месту гибели жеребенка. Искендера во мрак сопровождает Хызр, которому и удастся найти родник и получить бессмертие. Он понимает, что Искендеру это не суждено, и уходит, не возвращаясь более к шаху. Низами говорит, что, по румским преданиям, там был еще и Ильяс (Илья-пророк). Источник они нашли случайно. Они расположились около него отдохнуть и утолить голод, и когда уронили в него соленую рыбу, взятую на дорогу, рыба ожила и уплыла. С тех пор они оба бессмертны, и на них возложена обязанность помогать заблудившимся путникам, причем Хызр помогает на суше, а Ильяс, как христианский Николай-угодник, на море.

Видя, что родник найти не удастся, Искендер торопится в обратный путь.

Низами упоминает, что во мраке он увидел много разных чудес; как, например, ангела Исрафила, но

Открыл эту шахту рассказчик другой,
И я не коснусь ее дерзкой рукой.

Иначе говоря, он не хочет перечислять все то, о чем действительно уже подробно рассказал Фирдоуси. Здесь опять сказывается нерасположение Низами ко всякого рода фантастике, которую он сохраняет лишь тогда, когда композиционно она ему совершенно необходима. В стране мрака таинственный голос возвещает, что дружине нужно подобрать с дороги камни: те, кто этого не сделает, пожалеют, но сожалеют и те, кто сделает. Кроме того, божественный вестник лаает шаху маленький камешек и приказывает взвесить его, когда они вернутся к свету. На свету оказывается, что подобранные камни были драгоценными самоцветами. Понятно, те, кто их не взял, пожалели об этом, но и взявшие пожалели, что мало взяли. Камешек же взвесить оказалось невозможно, ибо он хоть и мал, но тяжелее целых гор. Весы пришли в равновесие только тогда, когда на другую чашку

бросили шепотку праха. Шах понимает, что это символ, что он сам -

Прах, и только прах и насытит ему мозг.

Здесь введен еще любопытный эпизод. Искендер узнает, что возле одной горы лежит чудесный город. От времени до времени с горы раздается голос, вызывающий кого-либо из жителей города по имени. Он уходит на гору и уже никогда более не возвращается. Шах посылает туда людей, чтобы выяснить, каковы причины этого чуда. Когда одного из посланных им людей позвал таинственный голос, друзья всеми мерами пытались удержать его, но он все же вырвался и исчез, и тайна осталась нераскрытой. Искендер понимает, что это - назидание ему.

И в горьком раздумьи изрек властелин:

«От смерти когтей не уйдет ни один!»

Сравнение «Книги славы» с источниками показывает, что она построена на основе традиционного изложения биографии Искандера, с тем отличием, что введены эпизоды, связывающие его деятельность с Азербайджаном, причем именно этим эпизодам уделено значительное внимание за счет сокращения всего того, что связано с походами на Восток. Важно отметить, что во всех главных войнах Искендер выступает как защитник и освободитель угнетенных. Он по большей части получает не дань, а добровольные дары и подношения. Совершенно ясно, что поэт из всей традиции стремится сохранить только положительные черты.

Вторая часть поэмы - «Книга счастья» - отчетливо распадается на два раздела. Начинается она с возвращения Искандера в Рум. Он приступает к управлению страной и прежде всего приказывает перевести все те научные книги, которые были им добыты в Иране. Вводится закон, по которому сан при его дворе устанавливается соразмерно знаниям человека, а не по его происхождению и богатству. Его помощники делятся на шесть разрядов: 1) воины, 2) чародеи, 3) ораторы, 4) мудрецы, 5) старцы-отшельники и 6) пророки.

Если в осуществлении какого-либо дела одна группа помочь не может, то он прибегает к помощи другой. Если же никто не в состоянии Помочь ему, он просит помощи у бога.

Здесь введена вставка, поясняющая, почему Искендер получил эпитет Зулкарнайн (двурогий). Среди различных толкований интересно одно, приписываемое поэтом известному ученому Абу-Ма'шару (умер в 786/787 году). Когда Искендер умер, в Руме было изготовлено его изображение, причем по бокам его были изображены два ангела, имевшие рога лазурные, с золотом.

Арабы, увидев изображение, приняли одного из этих ангелов за

Искендера, отсюда и возникло прозвище. Низами добавляет еще и известную легенду о царе Мидасе - ослиные уши, его брадобрее и тростинке, разгласившей тайну царя, отнеся ее тоже к Искендеру.

Заболела любимая Искендером красавица. Он был крайне удручен ее болезнью. Желай развлечься, царь поднялся на крышу дворца и оттуда увидел старика-пастуха. Он велел позвать его и попросил что-нибудь рассказать. Старик поведал ему, как один шахзадэ впал в отчаяние вследствие болезни его возлюбленной, которую никто не мог вылечить. Решив, что спасти ее нельзя, он пошел в страшную пустыню, называвшуюся «Аллея смерти», откуда никто никогда не возвращался. Друг шахзадэ, узнав об этом намерении, пустился на хитрость, чтобы спасти его жизнь. Переодевшись разбойником, он напал на краю пустыни на царевича, увез его в свой дом и там держал в подземелье на хлебе и воде. Девушка между тем выздоровела. Друг устроил пир, привел туда девушку, нарядившуюся в свои лучшие одежды, а затем велел привести и шахзадэ. Так он спас его от гибели. Не успел старик закончить рассказ, как Искендеру доложили, что и его возлюбленная поправляется.

За этим следует другой рассказ. У Аристотеля был ученик по имени Аршимендис (Архимед). Искендер подарил ему ту красавицу-рабыню, которую получил от хакана. Юный ученый так в нее влюбился, что перестал посещать лекции своего учителя и крайне огорчил его этим. Аристотель потребовал, чтобы онг на время прислал ему в дом эту рабыню. Он дал ей какое-то питье, удалившее из ее тела всю соединенную с кровью влагу, которую собрал в сосуд. Девушка от этого сморщилась, пожелтела и потеряла всю свою красоту. Тогда Аристотель позвал Архимеда и предложил ему взять обратно свою возлюбленную. Тот возмущенно воскликнул: «Что это за безобразная старуха!» Тогда Аристотель пока дал ему сосуд с выделениями и сказал: «Вот то, что ты в ней любил. Стоит ли ради этого отказываться от мудрости?» Так молодой ученый был возвращен науке.

Здесь идут строки о необходимости придерживаться единобрачия, о которых мы говорили выше. Несколько трогательных строк посвящено воспоминаниям о нежно любимой жене Низами - Афак.

Следующий любопытный рассказ повествует о том, как одна из правительниц Сирии, коптская Мария, утратив свои владения, приехала в Рум и вступила в число учеников Аристотеля. Философ обучил ее всем наукам, а чтобы она могла добыть, нужные для возвращения власти средства, сообщил ей, как путем алхимии добывать золото. Так она вернула себе владения и притом добыла столько золота, что даже собак в ее замке

стали водить на золотых цепях. Многие мудрецы старались узнать у нее тайну философского камня, но она сообщала им только темные символы, доступные лишь немногим избранным.

Этому Низами противопоставляет рассказ о жулике из Хорасана, приехавшем в Багдад. Он выдавал себя за алхимика и, получив от халифа для изготовления золота огромные богатства, скрылся с ними.

Далее идет рассказ о некоем человеке, дошедшем до крайнего предела нищеты и отчаяния. Случайно, в самый критический момент, он попал в развалины, где гнездились два негра-разбойника, обладавшие огромным кладом. Ему удастся похитить у них это сокровище, и так он избавляется от всех забот и достигает счастья.

Следующий рассказ - о величайшем мудреце Хермисе, то есть, очевидно, знаменитом Гермесе Трисмегисте, которому и средневековая Европа приписывала магические знания. Семьдесят ученых, завидуя его познаниям, вступили в состязание с ним. Слушая его речи, они на все его утверждения отвечали голым отрицанием, отказываясь подтвердить их правильность. Мудрец разгневался и путем заклинаний превратил их всех в камни.

На смену Хермису появляется Платон. Он изобрел музыкальный инструмент - органон. Ему удастся, учитывая законы мировой гармонии, найти такие музыкальные лады, которыми можно вызвать из пустыни диких зверей, можно усыпить и вновь пробудить любое существо. Аристотеля терзает зависть, он хочет самостоятельно добиться того же результата. Усыпить людей посредством музыки ему удастся, но разбудить их он бессилен. Ему приходится прибегнуть к помощи Платона, и так выясняется, что главенство над всеми мудрецами принадлежит Платону.

Особенно интересен следующий рассказ. Его сообщает Искендеру Платон, что в данном случае важно подчеркнуть. Он говорит, что слышал такое предание. Однажды в результате стихийных явлений земля где-то в степи раскололась, и появился на свет древний «талисман» - громадный бронзовый конь. Его случайно нашел пастух, пасший там стадо. Осмотрев его со всех сторон, он в боку коня увидел отверстие, через которое можно проникнуть внутрь статуи. Он забрался туда и обнаружил там древнее погребение. Труп прекрасно сохранился, на руке у него кольцо. Так как больше ничего ценного внутри не было, он взял это кольцо, надел его на палец и пошел к своему стаду. Вечером он отправился к хозяину и хотел показать ему кольцо и узнать, какова его цена. Хозяин завел речь о скоте. Отвечая ему, пастух все время поворачивал кольцо на пальце, то поворачивая его камнем внутрь, то наружу. Вдруг хозяин спросил его,

почему он все время исчезает у него из глаз. Пастух понял, что кольцо, когда оно повернуто камнем внутрь, делает своего носителя невидимым. Узнав это, он бросил свое занятие, пошел к шаху, выдал себя за пророка, доказывая свою миссию чудесной способностью делаться невидимым. Шах в страхе уверовал в него, и ему удалось стать великим и могучим в стране.

Рассказ интересен тем, что его источник не вызывает ни малейших сомнений. Это легенда о Гигесе [98], почти слово в слово, в том же виде находящаяся во второй книге «Государства» Платона. Перевод этой книги на арабский язык, повидимому, существовал. Оттуда, вероятно, и заимствовал сюжет Низами, изменив только немного некоторые детали, которые были бы непонятны читателю XII века.

Поэтому можно думать, что не случайно Низами вложил эту легенду в уста Платону.

Последний рассказ - история встречи Искендера с Сократом. Узнав о его аскетическом образе жизни, шах посылает людей вызвать мудреца к себе. Тот отказывается идти во дворец. Тогда Искендер идет к нему сам, находит его спящим на солнце и толкает ногой, чтобы разбудить. Когда Сократ проснулся, Искендер гневно спросил его: неужели он не знает, кто перед ним стоит. Философ ответил, что перед ним некто, обладающий скотской природой, ибо лягаться свойственно скотам, а не людям. Искендер разгневался еще больше и назвал Сократа рабом. Тот ответил, что зато шах - раб его рабов. Им владеют страсти, а философ эти страсти покорил и сделал своими рабами. Источником этого рассказа опять-таки, вероятно, служила арабская литература, ибо в арабских трактатах IX века мы находим смешение Сократа с Диогеном, отразившееся и здесь.

Закончив серию философских новелл, Низами приступает к показу глубины научной мысли Искендера. К нему приезжают мудрецы из Индии и устраивают диспут, причем Искендер на самые трудные вопросы дает четкие ответы и побеждает своих соперников.

После их отъезда Искендер собирает во дворце мудрецов для обсуждения вопроса о происхождении земли и неба. Выступают такие ученые: Аристотель, Валис (вероятно, Фалес Милетский, ибо он излагает теорию о происхождении мира из воды), Булинос, то есть Аполлоний Таганский, Сократ, Фурфуриус, то есть Порфирий Тирский, ученик и издатель трудов неоплатоника Плотина, Хермес, то есть Гермес Трисмегист, и Платон. Соблюдено священное число семь; философы названы вполне реальные, но к хронологии проявлено полное презрение. Можно думать, что о времени, когда жили все эти философы, Низами представления не имел. После всех мудрецов высказывается сам царь. Хотя

Низами и признает его решение вопроса наиболее глубоким из всех, но все же приводит и свое собственное мнение, которое, повидимому, считает самым правильным.

Искандер достиг вершины знания. Дальше в познании мира двигаться некуда, и все свои помыслы он обращает к познанию бога. Тут наступает решительный перелом в его жизни. Перед ним предстает божественный вестник и сообщает, что ему пожалован сан пророка.

Искандер должен обойти весь мир и призвать людей вступить на путь истинной веры. Никто нигде не сможет причинить ему вреда, он будет понимать языки всего мира, и его самого и его румский язык будут понимать повсюду. Известно, что, по мусульманским воззрениям, каждый пророк должен обладать чудесной способностью, которая и доказывает людям его миссию. Для Искандера эта способность - высшая мудрость. Иначе говоря, его религия, которая у Низами нигде точнее не определяется, - наука.

Так эти главы вводят нас во второй раздел книги. Показав в «Книге славы» царя-завоевателя, Низами потом развертывает образ царя-философа, царя-ученого, для чего и был так тщательно подобран материал из античных авторов. Теперь перед нами предстает царь-пророк. Характерно, что, отправляясь проповедовать новую религию, Искандер берет с собой не священные книги, а «Книги назиданий» Аристотеля, Платона и других философов, то есть трактаты по этике и философии.

Первый поход Искандера - на запад. Установив около берегов Греции громадный маяк с системой зеркал, позволяющих издали видеть приближение врага, он едет в Египет. Там он узнает, что в Иерусалиме появился какой-то злодей, притесняющий народ, и спешит туда освободить страну и покарать насильника. Затем по африканскому побережью он идет на запад и через степь, состоящую из серных отложений, приходит к берегу Окиануса - мирового океана, по представлению того времени омывающего со всех сторон землю. Рискнуть выехать в это море нельзя, ибо там живет огромный змей.

В дальнейшем пути ему сообщают, что он достигнет золотых камней, которые вызывают у видящего их неудержимый смех, влекущий за собой смерть. Он велит прикрыть их материей, собрать и Построить из них здаение с таким расчетом, чтобы золото было видно только внутри, а снаружи были простые камни. Неподалеку от этого места - гора, за которой находится дивный райский сад, но проникнуть туда нельзя. В пустыне, покрытой золотым песком, он находит другой сад, где все деревья сделаны из золота, а цветы и плоды из драгоценных камней. В саду - гробница легендарного

царя Шеддада из племени Ад, повелителя демонов, которые и построили для него эту диковину. Еще дальше - выжженная, безводная степь, населенная черными дикарями, не знающими земледелий и живущими охотой.

Следующий поход - на юг. Первая находка-деревня идолопоклонников, которые препарируют особым образом человеческие черепа и колдуют с помощью их.

На дальнейшем пути - долина, полная алмазов, проникнуть в которую, однако, нельзя. Она кишит ядовитыми змеями, да и спуск туда слишком крут и труден. Заметив, что вокруг много орлов, он приказывает зарезать быков и, разрубив на куски, сбросить с гор в долину. Алмазы прилипают к мясу, а орлы выносят это мясо на гору, и так алмазы удастся собрать. Это тема, широко распространенная в сказках Переднего Востока.

Перейдя через горную цепь, Искандер погадает в прекрасно возделанную местность и встречает там юношу, работающего в поле. Он пленяет царя красотой и разумными речами. Искандер хочет сделать его царем этой местности. Юноша не согласен, его призвание - земледелие, и менять свою жизнь на иную он не хочет. Он знает бога и правильную веру, ибо видел во сне Искандера и так получил откровение.

Еще далее местность, также пригодная для земледелия, но запущенная и разоренная, так как: там властвует жестокий насильник, притесняющий людей. Искандер уничтожает злодея и основывает там город Искандерабад.

Третий поход - на восток. Первый этап - город, который тюрки называют Кангар-бихишт и который теперь известен, как Кандахар. Там кумирня, и в ней золотой идол, у которого глаза сделаны из сверкающих самоцветов. Искандер приказывает разбить идола. Но дева, прислужница капища, рассказывает ему историю этих камней. Там ранее было здание с куполом. Однажды из степи прилетели две птицы, державшие в клювах эти самоцветы. Они сели на купол и уронили камки. Из-за камней был великий спор, ибо всякий хотел завладеть ими. В конце концов изготовили этот кумир и вставили ему в глаза камни, дабы все могли ими любоваться. Дева просит не уничтожать идола и не лишать население радости. Искандер дает согласие, но ставит на идоле свое клеймо. Проехав через Кандахар в Китай, он снова встречается с хаканом, который радостно принимает шаха. Он сопровождает Искандера на берег моря, где шаху удастся послушать пение сирен. Древнегреческое сказание о губительности этого пения для слышавших его Низами известно не было, он описывает эти звуки как нечто необычайно прекрасное, и только.

Оставив хакана на берегу, Искендер пускается в плавание по морю. Они достигают места, далее которого плыть нельзя, так как там начинается бурное течение, впадающее в мировой океан. По указанию Искендера, Булинас ставит там на небольшом островке статую, предупреждающую мореходов об опасности. На обратном пути они попадают в губительный водоворот, выбраться из которого удастся лишь благодаря находчивости Булинаса. Прибыв снова на сушу, они идут в обратный путь и находят белый (серебряный) город, жителей которого терзает страшный грохот, раздающийся на восходе солнца из моря. Ученые устанавливают причину этого явления: оказывается, что вода содержит в себе ртуть.

Вступлением к третьему походу служило прекрасное описание весны. Четвертый поход начинается с описания лета. Искендер идет на север. Проходят пустыню, где песок состоит из серебра, а вода смешана со ртутью. В горах находят народ, который хотя и не получал ниспосланных ему пророков, но по интуиции установил у себя ислам. Народ этот страдает от нашествия дикарей Яджудж и Магжудж, то есть библейских Гога и Магога. Низами описывает их наподобие каких-то кочевников, находящихся на очень низком уровне развития. Искендер строит вал, который защищает мирное население от набегов. Как известно, предание об «Искендеровом вале» было вызвано в мусульманском мире неточными сведениями об известной великой китайской стене.

Двигаясь далее на север, Искендер приходит в цветущую местность. Это страна, где нет ни властей, ни притеснителя, нет ни богатых, ни бедных, где не знают лжи и несправедливости, где люди не болеют и умирают, только достигнув глубокой старости. Этот эпизод, несомненно, восходит к главе Псевдо-Каллисфена, описывающей беседы Александра с брахманами-отшельниками. Поэтому писавшие о Низами западноевропейские востоковеды и здесь усмотрели своего рода общину аскетов-отшельников. Но это не так. Низами подчеркивает, что жители этой северной страны - люди, не отказывающие себе в радостях жизни. Он говорит об изобилии в их стране, о довольстве, в котором они живут. Но это общество спаяно тесной дружбой. Если кого-либо постигает беда, то всякий старается ему помочь. Там не может быть раздоров, а потому и не нужен государственный аппарат. Этот эпизод имеет в поэме исключительное значение, так как Искендер, являющий собой, по мысли поэта, прототип идеального правителя, познакомившись со строем этой общины, говорит:

«В чудесной той были - достойный пример.

Довольно водить по вселенной полки,

Везде расставлять для охоты силки!
Скопил я достаточно: сладостен счет,
Которому учит нас этот народ. -
Кто жаждет постичь мирозданье - пойми,
Что держится мир лишь такими людьми.
Вселенная ими горда искони
Затем, что столпы мироздания они.
Коль это - путь жизни, то мы - в бездорожьях,
И если то люди, то мы тогда кто же?
И вижу, что пробыл так долго в пути
Затем лишь, чтоб в эти края забрести.
Чтоб здесь свой звериный обычай оставить
И мудрого края величье восславить!
Знай раньше страну справедливую эту, -
Не стал бы бесплодно кружить я по свету».

Иначе говоря, он нашел идеальное устройство человеческого общества, которое так долго искал.

Следующий раздел начинается с описания осени, поры созревания плодов. Искендер едет обратно. По дороге, в городе Шахразуре, его постигает неведомый недуг. Болезнь все ухудшается, и после тяжелой ночи мучений, описание которой дано с поразительной силой, он чувствует, что смерть уже стоит у него за плечами. Он диктует письмо матери и уговаривает ее не горевать, когда она узнает о его кончине. Если она захочет устроить поминки, то пусть пригласит только тех, кто в своей жизни никогда не знал утраты. Брезжит рассвет Искендер в последний раз улыбается восходящему солнцу и испускает дух. Его везут хоронить в Александрию; одна рука его высунута из гроба, в ней горсть праха. Это означает большего никто с собой из этого мира не возьмет.

Следующий раздел открывает описание зимы: окостеневшего царства смерти. Сын Искендера Искендерус отказывается от отцовского престола.

Один за другим умирают все семь мудрецов. Поэма завершается посвящениями, о которых мы уже говорили выше.

*

Если сопоставить трактовку предания об Искендере у Фирдоуси с этой поэмой, то можно убедиться, какое громадное изменение тема претерпела за эти два столетия. Низами ввел в поэму определенную идею, которой у Фирдоуси не было, да и быть не могло. Сущность этой идеи можно лучше всего уяснить, сопоставив все пять поэм, ибо тогда станет видно, как одна и

та же мысль кристаллизуется все отчетливей и отчетливей. Уже первая поэма затрагивает ряд вопросов, связанных с организацией человеческого общества. В ней разбросано множество замечаний о свойствах доброго правителя, намечены даже попытки дать образ его. Эта же задача в «Хосров и Ширин» поставлена уже в более широком масштабе. Хосров еще отнюдь не идеальный правитель, но под влиянием Ширин в нем начинают вырабатываться положительные черты. Правда, в действии мы их почти не видим, ибо катастрофа разражается ранее полного завершения процесса. Тема третьей поэмы не давала возможности затронуть эти вопросы, но вспомним, что поэт взялся за нее не по собственному желанию. Она была ему навязана. Зато с громадной силой весь комплекс мыслей снова развернут в биографии Бехрам Гура. Впрочем, и здесь полного воплощения приобретенная Бехрамом государственная мудрость Не находит. Ее обрывает таинственная гибель царя.

Берясь за Искандера, Низами был в значительно меньшей степени связан традициями сасанидской хроники. Здесь он впервые смог развернуть во всех подробностях образ идеального правителя таким, каким он ему рисовался. Почему его Искендер получает звание пророка? Потому, что он понял, что настоящий правитель живет не для себя, а для других, что он все свои силы отдает на улучшение жизни масс, широко пользуясь знаниями. Казалось бы, Низами пришел, наконец, к идеалу, нашел того идеального правителя, которого искал. Но Низами не останавливается и тут. Он высказывает неслыханную для того времени по смелости мысль, мысль о том, что какими бы идеальными чертами ни обладал правитель, но возможна еще более совершенная форма человеческого общества, общество равных, не знающее классового деления и потому не нуждающееся даже и в этом идеальном правителе. Низами в своем последнем труде слил традиции народной восточной мысли с учениями античного мира и так пришел к своему конечному выводу. Он понимал, какое огромное значение имел этот вывод. Отсюда проистекает то подчеркивание значения поэмы и требование внимательного ее изучения, о котором мы говорили. Низами прекрасно понимал, насколько опасно было в его дни высказывать такие мысли. Он знал, что эта смелость может стоить ему жизни. Но, как он сам говорит, смерть все равно уже стоит у его изголовья и потому он не боится ножа палача. Поэт считал, что жизнь его уже прожита, миссия выполнена, он был готов расстаться с жизнью и потому открыто высказывал свои сокровеннейшие мысли, подобно тому правдивому старцу, которого он нам показал еще в первой своей поэме.

КОНЧИНА. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы уже упоминали, обычно принято считать, что Низами скончался в 1202/1203 годах. Но, как было сказано, эта дата плохо вяжется с теми данными, которые можно извлечь из его последней поэмы. Впрочем, эта дата отнюдь не единственная в восточных источниках. Рядом с нею мы находим еще и такие даты: 1180/1181, 1190/1191, 1190/1200, 1202/1203, 1209/1210. Как можно полагаться на такие источники, видно уже хотя бы из того, что две первые даты самым вопиющим образом противоречат собственным указаниям Низами.

Посмотрим теперь, откуда взялась дата 1203. В последней части «Искендер-намэ» вслед за главами, посвященными смерти семи мудрецов, мы находим совершенно неожиданно такую главу:

Пропел свои песни, простился с людьми
И начал готовиться в путь Низами.
Немного годов быстротечных минуло
Со дня, как судьба его свиток свернула,
Певцу шестьдесят лишь и три было года,
Когда он забил в барабаны похода^[99].
О мудрых мужах вам рассказывал он,
Уснули они - и объял его сон.
О зорком вожатом, о трудном пути
Беседу с друзьями он начал вести,
Потом улыбнулся и молвил в смущенья:
«Обещано мне всемогущим прощенье!
Не плачьте о жребии славном моем:
Вам - скорби чертоги, мне - радости дом»^[100].
Сказал - и унесся в страну сновиденья
Так быстро, как будто и не было бденья^[101].

Если признать датой рождения Низами 1141 год, что вытекает из его собственных слов, и прибавить к этой дате шестьдесят три лунных года, то мы и получим 1203 год.

Но чьи это стихи? Нужно заметить, что они имеются во всех известных рукописях, в том числе и наиболее древних - XIII века. Затем можно еще указать, что стихи эти стоят на высоком поэтическом уровне и стилистически совершенно не отличаются от основной части «Книги счастья». Можно ли думать, что сам поэт говорит здесь о своей смерти? Мысль как будто нелепая, но все же и не невозможная. Не надо забывать, что, создавая последнюю поэму, он тяжело болел и чувствовал

приближение смерти. Можно было бы вполне допустить мысль, что в момент написания этих строк он уже был вполне уверен в наступлении конца, и потому ввел эти строки как окончательный расчет с жизнью.

Но, с другой стороны, многое в этом отрывке как будто препятствует такому пониманию. Заключительные строки содержат как бы описание последних минут поэта; более того, приводятся даже сказанные им с улыбкой последние слова. Было бы крайне трудно допустить, что Низами уже вперед намечает те последние слова, которые скажет при смерти, правда, слова, не носящие какого-либо характерно индивидуального отпечатка. Можно было бы высказать довольно смелое предположение: не является ли автором этих строк сын Низами, Мухаммед, самый близкий к нему человек, знавший весь ход его жизни и к тому же еще, как указывает сам отец, обладавший и значительным поэтическим талантом? Решить этот вопрос на основании имеющихся у нас материалов пока невозможно. С уверенностью можно сказать только одно - что эти строки, безусловно, написаны уже в XIII веке и не могут быть позднейшим добавлением. Установить полную дату его смерти на основании только этой одной приписки едва ли возможно, и приходится думать, что "она падает приблизительно на годы после 1211 года.

*

Проследив весь жизненный путь поэта, мы смогли убедиться, что в сущности о его жизни мы знаем очень мало. Произведения Низами открывают перед нами его внутренний рост, показывают круг его мыслей, но о деталях личной жизни говорят весьма мало. Вероятно, эта жизнь не была богата внешними событиями. Мы видели, что хотя Низами и посвящал свои поэмы и лирику коронованным особам, но придворным поэтом его все же назвать никак нельзя. При дворе Низами появился всего лишь один раз, и то по специальному приказу. Здесь, можно, и лежит причина того, что его гениальные творения оплачивались очень плохо. Получение ценных даров очень часто зависело не от таланта и знаний поэта, а от его умения понравиться, втереться в доверие, вовремя сказать удачную шутку, в случае необходимости стать не столько поэтом, сколько шутом. На это Низами не шел и при своих взглядах итти и не мог. Но понятно, что пригревшаяся возле правителя клика прихлебателей стремилась не давать ходу присылавшимся стихам. В отсутствие автора было легко осыпать "его произведения насмешками, уличать его в плагиате и клеветать на него. Отсюда и жалобы Низами на завистников, недоброжелателей, его заявление о том, что успех достается только бесталанным подлецам, а истинный талант всегда остается в тени. Низами

хотел бороться только при помощи своего гениального слова, но в то суровое время такое благородство не могло привести к цели. Потому-то он оказался обойденным в смысле мирских благ. История оказалась справедливой. От всех придворных поэтов Ильдигизидов и Ширваншахов сохранились лишь небольшие фрагменты; даже имена многих соперников Низами нам неизвестны. Творения же Низами дошли до нас хоть и сильно пострадавшими от неграмотных переписчиков, но зато почти целиком.

Мы видели, что все пять поэм Низами составляют, каждая в отдельности, законченное целое и возникали самостоятельно. После его смерти неизвестный нам редактор соединил их в одно целое и дал им название «Хамсэ» («Пятерица»). В рукописях мы обычно и находим их объединенными под этим общим названием. Это объединение, конечно, произведено механически, но, как мы уже видели, известное основание для него все же есть, ибо, в сущности говоря, единая идея проникает четыре поэмы и связывает их вместе.

«Хамсэ» на века определила собой развитие поэмы на Ближнем Востоке. С XIII века начинается непрерывный ряд попыток повторить такое же сочетание. Попыток было весьма много, но добиться признания из преемников Низами все же мало кому удалось. Более или менее широкую известность получила. «Пятерица» индо-персидского поэта Эмир Хосрова из Дели (1253-1325), а также «Седьмерица» выдающегося гератского поэта Абдуррахмана Джамии (1414-1492). Среди народов, говорящих на тюркских языках, творения Низами были почти вытеснены великолепной «Пятерицей» знаменитого Алишера Навои (1441 -1501), написавшего свои пять поэм на среднеазиатско-тюркском литературном языке, являющемся предком современного узбекского литературного языка.

Метры, избранные Низами для своих поэм, до наших дней остались связанными с созданными им типами поэмы: дидактической, романтико-героической, романтико-сентиментальной, авантюрной, героической. Отступления от этого канона и сейчас производят впечатление некоторой необычности.

Если Низами избегал шахских дворов, то для тех, кто нуждался в его помощи и совете, дверь его всегда была открыта. Он сам говорит об этом в «Книге славы»:

Двери мои ни перед кем не закрывай,
Ибо непохвально закрывать двери.
Раз слово дало нам имя «море»,
То и двери должны быть широки, как море.
Открой же дверь дома, полей вход в него водой,

Как лука, разбей шатер посреди руин.

Пусти входить приходящих,

Пусть смотрят на царя поэтов.

Огромные познания Низами во всех областях наук, жизненный опыт и нравственная высота его поучений должны были производить на посетителей неизгладимое впечатление.

В те времена широкие массы все такие исключительные свойства склонны были объяснять святостью жизни. Вероятно, еще при жизни поэта по всему миру начали распространяться слухи о мудром шейхе, сложились легенды о его чудотворных способностях.

Потому неудивительно, что после смерти его почтили обычным для мусульманского Востока путем: на его могиле воздвигли мазар (гробницу), долгие века бывший излюбленным местом паломничества. Когда был построен этот мазар и кто его строил, пока неизвестно. К моменту завоевания Закавказья русскими мазар уже начал приходить в упадок. Аббас-Кули Бакиханов (умер в 1846 году) в своей книге «Цветник Иремский» упоминает о мазаре Низами, называя его «разукрашенной великолепной гробницей». Однако думать, что в сороковых годах XIX века он был особенно великолепен, трудно. В 1875 году его посетил Каджарский принц Фер-хадмирза Мутамададдоулэ, о чем он рассказывает в своей книге «Руководство в пути». Он говорит: «Когда мы проехали еще семь верст пути, был небольшой гумбез (купол), который наполовину разрушился. Это - могила шейха Низами, от нее до Ганджи семь верст. Я спешил и пошел к могиле. Но караульные с поста поблизости наложили в этот купол столько сена для своих лошадей, что войти возможности не было».

Дальнейшие годы принесли еще большее разрушение. В конце концов здание пришло в такой вид, что оставалось только удалить его обломки и заменить другим. Это было сделано в 1923 году, когда обломки были убраны и на могиле была установлена большая мраморная доела с надписью: «Шейх Низами Ганджинский, Ильяс сын Юсуфа (Низамаддин)». Под нею даты рождения и смерти и цитата из поэмы «Хосров и Ширин», в которой поэт говорит о своей вечной жизни.

В настоящее время азербайджанский народ соорудил на могиле грандиозный мавзолей, в виде башни в пятнадцать метров высоты, в стиле знаменитых архитектурных сооружений Азербайджана XII века. В Баку поэту поставлен памятник и открыт историко-литературный музей его имени.

Его герои - Ширин, Хосров, Ферхад, Лейли, Меджнун, Искендер - близки всем народам Переднего Востока. Низами дал им вечную жизнь.

Мы уже неоднократно отмечали, каким громадным успехом пользовались поэмы Низами по всему Ближнему Востоку. Свидетельством этому можно признать то несметное множество подражаний как на персидском, так и на различных тюркских языках, которые они вызвали. Веками для поэтов Ближнего Востока заветной мечтой было создать новую «Хамсэ», вступить в соревнование со своим великим предшественником. Сложилось убеждение, что определенный сюжет может быть связан только с определенным метром, тем метром, который для данного сюжета избрал Низами. Если для героической поэмы основным метром остался мутакариб, примененный еще Фирдоуси в его «Шах-намэ» и сохраненный Низами в его эпосе об Александре, то применение этого размера для поэмы героико-романтической, уделяющей главное внимание моменту любовному, после Низами сделалось уже невозможным. Для любовных поэм, в которых момент героики значительной роли не играет, установилась традиция пользоваться метром, примененным Низами в его «Лейли и Меджнун». Размер «Семи красавиц» был принят как обязательный размер для поэм фантастико-романтических.

Мы не будем перечислять всех подражаний «Хамсэ» или ее отдельным частям. Если бы мы попытались дать сжатую характеристику хотя бы важнейших из них, наша работа разрослась бы до нескольких томов. Отметим только одну характерную черту: хотя этих подражаний несметно много и их продолжали создавать вплоть до начала XX века, но почти ни одному из них не удалось оттеснить Низами на второй план. Превосходство его «Хамсэ» все время оставалось очевидным для всех.

Своеобразную роль в этом отношении пришлось сыграть и в до-персидском у поэту Эмир Хосрову из Дели, среди многочисленных произведений которого «Пять сокровищ», то есть пять поэм на темы, в точности совпадающие с темами Низами, занимают центральное место. Эмир Хосров владел языком с изумительным совершенством. При исключительном богатстве и красочности язык его проще, чем язык Низами, и поэмы его доступны значительно более широкому кругу читателей. Но при изумительном блеске и изяществе формы Эмир Хосров наполнить свои поэмы глубокой философской мыслью не мог, да, может быть, и сознательно не стремился к этому. Его задача совсем иная. Он не стремится раскрыть перед читателем мельчайшие душевные движения своих героев, - он прежде всего хочет захватить увлекательностью изложения, мастерством рассказа. Будучи поэтом придворным, обслуживавшим ряд тюркских правителей Индии, он не считает возможным затрагивать социальную тематику, игравшую, как мы видели, в

творениях Низами столь важную роль. Он не берет на себя смелости поучать своих заказчиков, он хочет только развлечь их и не делает ни малейшей попытки выйти из круга идей, приемлемых для феодальной аристократии того времени.

Такие черты его поэм привели к весьма характерным последствиям. XIII-XIV века - эпоха страшной катастрофы монгольского вторжения и правления монгольских властителей - не были благоприятны для литературной жизни. Светская литература в это время почти замирает, уступая место мистической суфийской поэзии, зовущей к отказу от мирских радостей. Новый подъем литературной жизни начинается только в XV веке, когда во владениях потомков Тимура устанавливается сравнительное спокойствие. Тимуриды проявляют значительный интерес к литературе, некоторые из них даже и сами пробуют свои силы в этой области. Любители поэзии этого времени особенно увлекаются жанром «Хамсэ», и почти все более или менее крупные поэты пытаются создать новые «Пятерицы». При этом рядом с Низами большое внимание уделяют и Эмир Хосрову. Характерно, что многие из тимуридских правителей пальму первенства склонны отдать Эмир Хосрову и признать его «Пять сокровищ» более совершенными, чем «Хамсэ» Низами. Мы полагаем, что это предпочтение вызвано отнюдь не соображениями художественного порядка. Тимуриды не могли не понимать, что поэмы Низами при изумительном художественном совершенстве политически были опасны. Вполне возможно, что тимуриды поддерживали создание новых «Пятериц» в надежде на то, что кому-нибудь из их придворных поэтов удастся добиться успеха и оттеснить Низами.

Надежды эти оказались тщетными. Большая часть этих поэм даже и не сохранилась до наших дней и никакого признания не получила. Однако эти усилия все же не остались бесплодными и привели к очень большому достижению, но в несколько ином плане. Культурный подъем в тимуридских владениях проходил под руководством одного из крупнейших государственных мужей XV века - выдающегося мыслителя и поэта Алишера Навои. Навои - один из плодовитейших писателей этой эпохи. Его перу принадлежит более трех десятков произведений, прозаических и поэтических. Он пробовал свои силы решительно во всех известных этой эпохе жанрах. Задача, которую он перед собой ставил, была такова. Он стремился доказать, что хотя в его время литература впала в увлечение формальной игрой, создавая схоластические упражнения, почти лишенные какого бы то ни было содержания, но если только она возьмется снова за крупные актуальные темы, ее еще можно будет спасти от гибели. Так как в

эпоху Навои, как мы уже сказали, интерес к жанру «Хамсэ» был особенно обострен, то понятно, что и он решил испытать свои силы в этой области. Однако в одном отношении Навои резко отличается от более старых подражателей Низами. Если до него все авторы, независимо от их этнической принадлежности, пользовались персидским языком, как господствовавшим языком литературы, то Навои отказывается от этой традиции и создает «Пятерику» на своем родном языке, в те времена называвшемся «тюрки», то есть тюркским, и теперь обычно называемом староузбекским, так как язык этот - предок теперешнего литературного узбекского языка. Письменность на этом языке существовала и до Навои; были и весьма замечательные лирики, как Хорезми, Атаи, Амири, Лутфи и другие. Все же произведений такого огромного масштаба, как «Хамсэ», узбекская литература до Навои не знала. Поэт, таким образом, ставил перед собой две задачи: доказать жизнеспособность старого литературного жанра и подчеркнуть, что родной язык его по богатству и гибкости несколько не уступает классическому персидскому и может служить орудием для создания таких же высокохудожественных произведений. Навои обе задачи разрешил блистательно. Его «Пятерица» во всех странах, где язык ее был понятен, была встречена с величайшим восторгом и продолжает и поныне являться одной из любимых книг для самых широких кругов читателей. Можно с полным правом утверждать, что из всех многочисленных попыток этого рода только одна она стала совершенно равноправной рядом с бессмертным творением Низами. Характерно, что даже в Иране, где язык «Пятерицы» Навои для основной массы населения был недоступен, она вызвала огромный интерес, и иранские ценители художественного слова начали составлять к ней словари с переводом на персидский язык, желая сделать ее доступной для более широкого круга.

Многие европейские ученые считали, что «Хамсе» Навои - перевод «Пятерицы» Низами. Это мнение, как доказали советские востоковеды, совершенно лишено каких-либо оснований. Правда, тематика всех пяти входящих в ее состав поэм та же, что и у Низами. Навои никогда не скрывал, что вдохновение свое черпал у Низами и частично у Эмир Хосрова; этим поэтам в каждой из пяти поэм его отведены глубоко прочувствованные строки. Однако Навои не был ни переводчиком, ни подражателем. В некоторых частях своих поэм он прямо вступает в полемику со своими предшественниками и громко заявляет о своем несогласии с их пониманием образов главных героев. Резко различна и его политическая концепция. Это и понятно. В жизни Ближнего Востока за три века, отделяющие Навои от Низами, произошли глубокие изменения,

отразившиеся в творчестве основоположника узбекской литературы. Огромное влияние должна была оказать и разница в социальном положении этих поэтов. Если Низами всю жизнь сторонился придворных кругов, старался сохранить за собой свободу действий, то Навои в силу своего служебного положения - он ряд лет занимал должность, примерно соответствующую должности государственного канцлера при дворе тимурида Султан-Хусейна, - стоял в самом центре придворной жизни, более того, в какой-то степени направлял ее. И если во многих пунктах Навои, как и Низами, повторяет еще старые взгляды многочисленных «зерцал», руководств для правителей, которые создавались еще в VIII-X веках в арабском халифате, то основная часть его поэм говорит о громадном политическом опыте. Нередко у Навои чувствуется горечь разочарования, вызванного тем, что его замыслы, его мечты об улучшении жизни широких масс наталкиваются на непреодолимые преграды.

Творчество Навои оказало огромное влияние на все литературы тюркоязычных народов, в том числе и на литературу азербайджанскую. Крайне интересен такой факт. Поистине замечательная поэма «Лейли и Меджнун» одного из лучших поэтов Азербайджана XVI века, великого Фузули (1502-1562), хотя в какой-то степени и может быть сопоставлена с Низами, но все же в значительно большей степени связана с одноименной поэмой Навои. Здесь опять-таки нельзя говорить о подражании. «Лейли и Меджнун» Фузули своими прекрасными дымчатыми тонами мало чем напоминает сгущенный трагизм поэмы Навои. Но развитие сюжета в ней все же явно говорит о том, что Фузули больше увлекался творчеством Навои, чем поэмами своего великого земляка.

Мы приводим этот факт, желая подчеркнуть то обстоятельство, насколько сложны связи, сплетающие между собой различные литературы Ближнего Востока. Творчество великого азербайджанского поэта помогло узбекской классической литературе создать одно из самых замечательных ее произведений. Но это произведение, в свою очередь, вызывает сто лет спустя отголосок в самом Азербайджане, причем в результате изменившейся политической обстановки Фузули уже творит на своем родном, азербайджанском языке. Такая переключка в далеком прошлом показывает, какие тесные культурные связи этих народов существовали уже и тогда.

*

Не менее интересно попытаться, хотя бы в самых общих чертах, сопоставить творчество Низами с литературой средневекового Запада. Жизнь поэта падает приблизительно на годы второго (1147-1149) и третьего

(1189-3196) крестовых походов. Это время, когда сложился прототип романа о Тристане и Изольде, когда признанный мастер рыцарского романа Кретьен де Труа создал поэму «Эрек и Энида». Полный расцвет рыцарского романа падает на несколько более поздние годы, но формирование его совершенно отчетливо протекает в это время. Сопоставление «Хосрова и Ширин» и «Семи красавиц» с рыцарскими: романами вполне правомерно. Бесспорно, многое здесь окажется очень близким друг к другу, ведь и тут и там мы видим благородных рыцарей, в жизни которых средневековый этикет играл исключительно большую роль. Написанная после 1160 года поэма об Эреке и Эниде стремится дать апологию женского достоинства, то есть основная мысль ее близко соприкасается с «Хосровом и Ширин». Но хотя Кретьен де Труа по сравнению со средневековым мусульманином имел значительно более благоприятную обстановку для защиты женщины, хотя уже близилось время культа Прекрасной Дамы, все же нельзя не признать, что Низами значительно успешнее справился со своей задачей. Существенным отличием Низами можно признать ту изумительную психологическую разработку, о которой мы выше так много говорили и которая средневековому рыцарскому роману почти несвойственна. Средневековые стремятся дать только одну сторону изображаемого персонажа, оно рисует образец рыцарской доблести, снабжая его всеми положительными чертами (или, если это злодей, чертами отрицательными), не заботясь о том, возможно ли в природе такое сочетание.

Мы видели, что герои Низами никогда не бывают написаны одной краской, в тех пределах, в каких это позволяла эпоха. Низами, не отказываясь от типичности, ищет индивидуализации, неповторяемого сочетания свойств характера героя. В этом отношении Низами выше своих западных современников, он стоит наравне с великими мастерами Возрождения.

Другая параллель. «Александрии» в эту эпоху так же влекли западных поэтов, как и мастеров слова Востока. Но что увлекало западного поэта? Прежде всего возможность повести своего читателя в страны чудесных песьеглавов, показать ему самые невероятные «чудеса Востока» и, наконец, дать поучительный вывод: даже и такой великий завоеватель, такой образец рыцарской доблести все же не может уйти из руки смерти, - все бrenно, не стоит гнаться за славой мира сего. Такое понимание легенды об Александре известно и Востоку. Очень близка к этому трактовка Александра в «Шах-намэ» Фирдоуси. Следы такого понимания образа Александра есть и у Низами в эпизоде «живой воды». Но мы видели выше, как изменил Низами свою трактовку в целом, как его поэма «Искендер-намэ» начала звать не к

отказу от мира, а, напротив, к служению человечеству.

Поэт, создав одну из самых замечательных утопий, нарисовал картину идеального человеческого общества. Только мы можем вполне оценить силу, смелость и прозорливость этой мечты Низами.

Поэты Запада пользовались преданиями о Троянской войне, «Энеидой», хрониками. Для поэтов Востока использование художественной литературы античного мира было крайне затруднено соображениями религиозного порядка. Единственным возможным источником сюжетов для них оставалась сасанидская хроника, которую, как мы видели, Низами использовал достаточно широко. Но если он не мог пользоваться античной мифологией, то он прибегал к творениям греческой философии, которые его западным современникам были почти недоступны.

Существенным отличием поэм Низами от рыцарского романа можно считать почти полное отсутствие фантастики. Средневековый Запад широко пользовался древними преданиями, в его романах постоянно действуют феи, различные духи, происходят всякие чудесные события. Как мы видели, у Низами фантастика содержится только в «Семи красавицах», где поэт использует народные поверья о джиннах, ифритах, гулях и. тому подобных нечистых духах, которыми населяла мир народная фантазия Востока. Но поэма эта отличается совсем особым характером, фантастика дана не от имени самого автора, а через посредство царевен, рассказывающих эти сказки. При всем блеске изложения сказок некоторый элемент иронии в них все же, безусловно, имеется. Таким образом, не углубляя далее этой темы, которая могла бы дать материал для целого исследования, отметим только, что при известных совпадениях с западной литературой, объясняемых параллельным в какой-то степени ходом развития общества, Низами все же стоит значительно выше средневековой европейской литературы.

Низами стоит у порога новой жизни, увидеть которую ему не было суждено, полное развитие которой на много веков было задержано страшной катастрофой монгольского нашествия и всеми последующими судьбами Востока, попавшего в колониальную зависимость, насильно отброшенного назад, в средневековье. Но взгляд Низами устремлен вперед. Если многие произведения средневекового Востока сейчас имеют для нас только познавательную ценность и художественное наслаждение могут дать в какой-то условней степени, то творения Низами живут и сейчас; более того, может быть, именно сейчас они начинают раскрываться во всей своей полноте. Если наш читатель может наслаждаться великим творением Данте в художественном переводе, но можно полагать, что поэмы Низами

должны привлечь его в неменьшей степени. К сожалению, пока ни одна из этих поэм в полном переводе на русский язык еще не существует. В настоящее время Государственное издательство художественной литературы выпустило в свет большой том, содержащий переводы избранных мест из всех пяти поэм. Этот том может дать русскому читателю довольно полное представление о творчестве Низами.

Заметить нужно еще, что перевод Низами на русский язык - задача исключительной трудности. Передать основные мысли Низами вполне возможно. Но передача той формы, в которую они заключены, сохранение в переводе всего богатства словесной игры - все это требует от переводчика большого таланта и крайнего напряжения всех его сил. Понятно, конечно, что почти всякий полный перевод для надлежащего понимания потребует довольно широко развернутого комментария. Необходимость такого комментария не нужно рассматривать как свидетельство слабости перевода. Не нужно забывать, что Низами жил восемь веков тому назад. Многие, что для читателей его времени было понятно без всяких пояснений, уже три столетия спустя вызывало значительные затруднения. Даже для тех читателей, для которых язык его поэм был родным или почти родным, уже давно составлялись комментарии, пояснявшие особенно трудные и сложные сравнения и метафоры. Чтобы получить полное наслаждение от стихов Низами, его нужно не просто читать, а изучать.

Культура художественного слова, в советской стране стоит на небывалой доселе высоте. Мы раскрываем перед нашим читателем красоты литературных шедевров всех времен и народов. Обладая величайшей в мире литературой на своем родном, русском языке, наш читатель имеет своим распоряжении и бесчисленные творения братских народов, образующих наш нерушимый Советский Союз. Прошло то время, когда литературы восточных республик были для нашего читателя «экзотикой». С каждым годом они осваиваются все больше и больше и становятся такими же родными и близкими. Многие мастера русского стиха еще испробуют свои силы над переводом Низами. Мы не сомневаемся в том, что год от года эти переводы будут становиться все совершеннее и совершеннее. Не сомневаемся мы и в том, что год от года интерес нашего читателя к этому изумительному поэту будет возрастать. Низами отличался великой скромностью. Но он все же оказал, что умереть не может, что его дух будет вечно жить в его строках и что всякий читатель его станет с ним лицом к лицу. Поэт был безусловно прав. Он не может умереть, ибо строки его еще долгие века будут звучать полным голосом..

Мы неоднократно отмечали тесную связь поэта с его родным

Азербайджаном. Действие его поэм, сюжеты которых он избрал, руководствуясь своими личными желаниями и вкусами, а не подчиняясь требованиям коронованных заказчиков, большей частью протекает на территории Азербайджана. Он дает нам характерные пейзажи своей родной страны. Встречающиеся у него пословицы и поговорки, хотя и в несколько измененной форме, живут и ныне. Вместе с тем творчество Низами выходит далеко за рамки узконациональные и в известной степени и исторические. Это черта, свойственная тем художникам слова, которых мы признаем писателями ми мировыми. Низами стоит в ряду величайших поэтов мира, таких, как Данте, Руставели, Сервантес, Шекспир, Гете, Пушкин, Толстой, Горький.

Низами для своего времени был одним из наиболее передовых людей; он смотрел в будущее, иногда прозревая на многие века.

Европейские историки литературы изображали Низами сухим аскетом, отвернувшимся от людей, углубленным в свои мистические переживания. Нет, Низами таким аскетом не был. Не из себя черпал он свое изумительное знание человеческой природы, - он его приобрел, обращаясь с народом, внимательно и любовно вглядываясь в человека. Он сам сказал, что дать художественное изображение человека может лишь тот, кто с любовью относится к людям:

Как не быть плененным людьми тому,
Кто ваяет из камня человека!

Могли отстраниться от человеческого общества поэт, сказавший такие слова:

Общайся с людьми, если ты Человек,
Ведь к Человеку привычен человек.

И нет сомнения, что здесь Низами слово «человек» написал бы с большой буквы, ибо он сам был прежде всего большим человеком, в полном смысле этого слова, великим гуманистом, подлинно народным поэтом. Этой изумительной человечностью своих гениальных творений Низами и завоевал себе право на уважение человечества на долгие века.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Переводы Низами на русский язык «СОКРОВИЩНИЦА ТАЙН»

Сокровищница тайн. Отрывки из поэмы. Пер. Г. Птицына. «Литературный Азербайджан», 1939, № 3, стр. 57-59.

Сокровищница тайн. Речь пятая, о характеристике старости; рассказ о старике-кирпичнике; рассказ о Соломоне и поселянине; рассказ о Феридуне и газели. Пер. М. Шагинян. «Дружба народов», кн. 8. М., 1941, стр. 223-231.

Из поэмы «Сокровищница тайн». Пер., примечания и предисловие М. Шагинян. Свердловск, 1942.

Низами Гянджеви на оборону. Семнадцать рассказов из поэмы «Сокровищница тайн». Пер., примечания и предисловие М. Шагинян. Баку, 1942.

«ХОСРОВ И ШИРИН»

Из книги «Хосров и Ширин» (отрывок). Пер. Е. Дунаевского. Изд. «Academia». М., 1935.

Рассказ Шапура Хосрозу. Пер. Г. В. Птицына. В сборнике «Памятники эпохи Руставели». Л., 1938.

Хосров и Ширин. I. Начало рассказа. II. Хурмуз наказывает своего сына Хосрова. III. Хосров посылает посредников к отцу. Пер. Г. Птицына. «Литературный Азербайджан», 1939, № 5, стр. 19-23.

Из поэмы «Хосров и Ширин»- Пер. К. Липскерова. «Октябрь», 1940, №11, стр. 49-52.

Хосров и Ширин. Отрывок из поэмы. Пер. А. Корсун. «Литературный Азербайджан», 1940, Мз 7, стр. 3-4.

Хосров и Ширин. Отрывок из поэмы. Пер. И. Оратовского, С. Иванова. «Литературный Азербайджан», 1940, № 10-11, стр. 54-60,

Хосров и Ширин. Фрагменты из поэмы. Пер. К. Липскерова. «Дружба народов», кн. 7. М., 1941, стр. 209-230.

«ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН»

Лейли и Меджнун, Отрывки из поэмы. Пер. А. Глобы. Гослитиздат. М., 1935.

Лейли и Меджнун. Отрывки из поэмы. Пер. А. Глобы. «Восток», сборник второй. Изд. «Academia». М.-Л., 1935, стр. 273-314.

Лейли и Меджнун. Вступление к поэме. Пер. П. Антокольского. «Литературный Азербайджан», 1938, № 8, Стр., 49-50; 1940 № 4-5, стр. 41-43. То же, «Красная новь», 1939, № 7, стр. 130-131.

Из поэмы «Лейли и Меджнун». Пер. Т. Форш. «Звезда», 1941, № 1, стр. 97-100.

«СЕМЬ КРАСАВИЦ»

Делибюрадер [псевдоним Д. П. Ознобишина]. Красавица замка или повесть о Русской царевне (по поводу перевода Эрдманна). «Телескоп», 1833, часть XVIII, № 21, стр. 89-111.

Семь красавиц. Рассказ индийской царевны. Пер. А. Е. Грузинского. Изд. М. и С. Сабашниковых. М., 1922 (имя автора обозначено: Низамий. Рецензия Е. Э. Бертельса -«Восток», 1923, кн. 2).

Семь портретов. Пер. Е. Э. Бертельса. «Восток», 1923, кн. 3, стр. 14-25.

Семь красавиц Отрывок из поэмы. Пер. Р. Ивнева. «Литературный Азербайджан», 1940, № 4-5, стр. 44-46; № 9, стр. 16-38; № 12, стр. 23-26; 1941, № 1, стр. 28-32; № 2, стр. 23-26; № 3, стр. 24-28; № 6, стр. 27-30.

Из поэмы «Семь красавиц». Пер. В. Державина. «Дружба народов», кн. 6. М., 1941, стр. 278-291.

«ИСКЕНДЕР-НАМЭ»

Прибытие Александра Великого в степь Кефчака (отрывок из «Искендер-намэ»). Пер. Делибюрадер [псевдоним Д., П. Ознобишина] - «Телескоп», 1831, часть VI, № 24, стр. 521-532.

Искендер-намэ (отрывки из эпopeи). Пер. В. Байрсмяна, С. Иванова, И. Оратовского. «Литературный Азербайджан», 1939, № 11, стр. 25-27; 1940, № 1, стр. 23-25.

Искендер-намэ (главы из поэмы). Пер. И. Оратовского и С. Иванова. «Литературный Азербайджан», 1941, № 1, стр. 21-27.

Искендер-намэ. Часть I. Шараф-намэ. Перевод в редакция Е. Э. Бертельса. Изд. Азербайджанского филиала Академик наук СССР. Баку, 1940.

Искандер-намэ. Прозаический пересказ поэмы об Александре Македонском С. Мстиславского. Для старшего возраста. Детгиз. М.-Л., 1942.

ПЕРЕВОДЫ ВСЕХ ПОЭМ

Поэмы (отрывки). Переводы М. Шагинян, П. Антокольского, К. Липскерова и др. Баку, 1941.

Пять поэм. Редакция Е. Э. Бертельса и В. В. Гольцева. Гослитиздат. М., 1946.

ЛИРИКА

Из лирики Низами. Пер, К. А. Липскерова и И. Л. Бруни. «Дружба народов», кн. 6. М., 1941, стр. 291-295.

II. Литература о Низами на русском языке

М. Тебеньков. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами и поэма «Искандер-намэ» Низами, как источник для характеристики этих сношений. Тифлис. 1896 (устарелая работа).

А.Е. Крымский, История Персии, ее литературы и дервишской теософии. Часть II. Третье, значительно измененное и дополненное издание. М., 1912, стр. 161-172 (издание литографированное; на стр. 172-240-переводы отрывков из Низами).

Е. Дунаевский. Низами. «Восток», сборник второй. Изд. «Academia». М.-Л., 1935, стр. 259-272.

К. Кекелидзе. Руставели и Низами Гянджеви. К вопросу об ирано-грузинских литературных связях. «Труды Тбилисского Гос. Университета», том V, 1936, стр. 157-178.

А. Н. Болдырев. Два ширванских поэта. Низами и Хакани. В сборнике «Памятники эпохи Руставели». Л., 1938.

«Низами». Сборники статей. Изд. Союза советских писателей Азербайджана. Тома I-IV. Баку, 1939-1947.

Е. Э. Бертельс. Низами Гянджеви. «Литературный Азербайджан», 1939, №№ 3, 5 и 6.

Его же. Великий азербайджанский поэт Низами. Эпоха - жизнь - творчество. Баку, 1940.

Его же. Низами и его творчество. «Дружба народов», кн. 5. М., 1940, стр. 318-327.

Его же. Низами и его изучение. «Советское востоковедение». I. Изд. Академии наук СССР. М.-Л., 1940, стр. 95-106.

Его же. Низами. «Звезда», 1941, № 1. стр. 80-96.

М. Рафили. Низами. Жизнь и творчество. Баку, 1939. То же, изд. 2. Гослитиздат. М., 1941.

А. Семенов. Великий азербайджанский поэт Низами. «Литература и искусство Узбекистана», 1939, кн. 3, стр. 97-109.

Е. Левкийский. Низами - великий гуманист. «Труды Московского института востоковедения», № 1, 1939, стр. 173-184.

Его же. Низами Гянджеви. «Дружба народов», кн. 2. М., 1939, стр. 360-365.

Его же. Поэма «Лейли и Меджнун». «Литература и искусство Казахстана», 1941, № 6, стр. 95-103.

Ю. Гранин. Проблемы художественного перевода. П. О переводах произведений Низами. «Литературный Азербайджан», 1941, № 1.

М. Дьяконов. Рукопись «Хамсэ» Низами 1431 года и ее значение для истории миниатюрной живописи на Востоке. «Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа». Том III. Л., 1940, стр. 275-286.

М. Шагинян, О «Сокровищнице тайн» Низами Гяиджеви. «Известия Азербайджанского филиала Академии наук СССР», 1941, № 6, стр. 5-27.

«Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1941, №2 (стр. 3-6 - «Низами и Навои»; стр. 7-21 И.Ю. Крачковский. «Ранняя история повести о Меджнуне и Лейле в арабской литературе»; стр. 22-41 - Е.Э. Бертельс. «Политические взгляды Низами»; стр. 42-58-е тоже. «Литература эпохи Низами»; стр. 58-73 И.П. Щерблюкин. «Архитектурные памятники эпохи Низами в Азербайджане»; стр. 74-84 - И. Джафарзаде. «Археологические раскопки Старой Ганджи, родины Низами Ганджеви»; стр. 85-90 - Ф. Бабаев. «Работа над текстами Низами»).

А. Агаев. Низами, Гете и Шиллер. «Литературный Азербайджан», 1941, № 1, стр. 44-51.

М Мубариз. Низами - гуманист «Литературный Азербайджан», 1941, №1, стр. 39-43.

Л.М. Меликсет-Беков. Архетип поэмы «Хосров и Ширин» в армянской редакции VII века. «Сообщения Академии наук Грузинской ССР», 1942, №10. стр. 1091 - 1098.

Г. Гусейнов. К вопросу о социальных воззрениях Низами «Известия Азербайджанского филиала Академии наук СССР», 1943, №4, стр. 50-65.

Его же. О социальных воззрениях Низами. «Труды института философии Академии наук Азербайджанской ССР». Том 1, Баку, 1945, стр. 37-50 [с незначительными изменениями перепечатка предыдущей статьи].

А. Маковельский. Nizamiāna. «Труды института философии Академии наук Азербайджанской ССР». Том I. Баку, 1945, стр. 18-36.

Ш. Издания текста

N. Bland. Makhzan ul-asrar. The Treasury of Secrets: being the first of the five Poems or Khamsah of Sheikh Nizami. London, 1844.

A. Sprenger. Khirad-namahe Iskandary also called Tiie Sikandar -namahe Bahry by NUzami. Calcutta, 1852.

H. Ritter ind J. Rypka. Heft Peiker. Eih romantisches Epos des Nizami Gengei. Praha, 1934.

Полное н пока лучшее из существующих изданий Низами выпущено в семи томах в Тегеране в 1937-1940 годах Вахидом Дастгирди.

IV. Переводы на иностранные языки

Первые попытки ознакомить более широкие круги читателей с творчеством Низами были сделаны в России в первой половине XIX века:

F.V. Erdmann, *De Expeditione Russorum Berdaam versus*. Kazan, 1826 (этот же отрывок сравнительно недавно метрически обработал известный востоковед G.Jacob, *Iskenders Waragerfeldzug. Em Iranischer Heldensang des aus Nizami's Iskendeniame im Auszug metrisch geDiiiaei*. Gluckstadt, 1934.

F.B. Charmoy. *Expedition d'Alexandre le Grand contre les Russe, extrait de L'Iskender-Name*. ОПБ.. 1829 (основу книги составляет французский перевод отрывка из «Шараф-намэ», выполненный Л. Шпитцнагелем, после смерти которого Шармуа добавил текст этого отрывка по семь рукописям и сведения о биографии некоторых азербайджанских поэтов).

J. Aitkinson. *Laili and Majnun; a Poem from the original of Nazami*. London, 1836. То же, 2 ed., London, 1894. То же, 3 ed., London, 1905.

H.W. Clarke. *The Sikandar Nama'e Bara, or Book of Alexander the great*. London, 1881.

J. Hart. *Divan der persischen Poesie*. Halle, .1887, S. 72-55.

C. B. Wilson. *The Haft Paikar... by Nizami of Vols I-II*. London, 1924.

V. Литература о Низами на иностранных языках

F Spiegel. Die Alexandersage bei den Orientalen. I, 1851.

W. Bache r. Nizami's Leben und Werke. Leipzig. 1871. (Работа, в свое время считавшаяся классической, но теперь уже устаревшая.)

J.J. Modi. The Date of the Death of Nizami. «Journal of the Bombay Branch of the R. Asiatic Society», Calcutta, 1907, LX-LXII, № 11, p. 143-150.

H. Ri1ler. Ober die Bildersprache Nizami's, Berlin, 1927.

H. Duda. Ferhadi und Schirin. Die literarische Gesciiichte eines persischen Sagenstoffes. Praha, 1933.

J. Rypka, Gand ghazawtaza ar Nizami-vj Ganjayi. «Armaghan», т. XVI, вып. 1. Teheran, 1935 (на персидском языке).

ОБЩИЕ ТРУДЫ

L. Pizzi. Storia della poesia persiana. Vv, I-II. Torino, 1894.

H. Ethe. Neupersische Literatur. В издании: «Grundriss der iranischen Philologie». Bd. II. Strassburg, 1896-1904 S. 241-244 и 247-250.

P. Horn. Geschichte der persischen Literatur. - Leipzig, 1901. То же, 2 Aufl, Leipzig, 1909.

E.J. Bromne. A literary History of Persia. Vol II. London, 1908.

Shibli Nu'mani. Shi'r al-ajam. I. Lahore, 1924 (на языке хиндустани).

notes

Примечания

1 Албанцы средневекового Закавказья не имеют никакого отношения к современному населению Албании (на Балканах). Предполагается, что название закавказской Албании - Алванк - есть армянское изменение древнего названия Арран, восходящего к тем же корням, как и название Иран.

2 Здесь и в дальнейшем двойные даты в скобках после имен правителей означают годы их царствования

3 Мусульманские страны пользовались в летоисчислении лунным календарем, начиная эру со дня бегства пророка Мухаммеда из Мекки в Медину. Лунный год короче солнечного, приблизительно, на три процента. Поэтому совладели» между обычным для стран Европы и мусульманским календарем быть почти не может. В тех случаях, когда имеется указание на месяц, в котором происходило то или иное событие, мы можем точно указать соответствие. Если же указания на месяц нет, то мы вынуждены давать указания на два смежных года. Так, в данном случае 1139/1140 год показывает, что событие, о котором идет речь, произошло в промежутке от середины ПЗ9 до середины 1140 года нашей эры.

4 Означает «отец-князь»; первоначально так называли воспитателей тюркских царевичей. Потом это слово стало титулом, обозначавшим, что его носитель - одно из первых лиц в государстве.

5 Так обычно произносится это имя в большей части мусульманского мира. Среди азербайджанских литературоведов существует традиция произносить его Абу-л-Ула. Такое произношение возможно, но менее обычно.

6

6 Ченг - музыкальный инструмент типа арфы.

7 Суха - небольшая звезда в созвездии Малой Медведяцы, с трудом различаемая невооруженным глазом.

8 Ка'ба-мечеть с черным камнем в Мекке, главная святыня ислама.

9 Хорасан - восточная область Ирана; этимологически это название означает «страна восходящего солнца», потому-то солнце и тоскует по ней, так как ушло оттуда, разлучилось с ней.

10

10 То есть не родился.

11 Суфизм - мистическое течение в мусульманской религиозно-философской мысли, сложившееся в начале IX века и получившее особенно большое распространение в Иране и Средней Азии в XII-XIII веках.

[12] Интерполяция - вставка отдельных строк и целых отрывков, что широко практиковалось переписчиками рукописей

[13] Слово «Низами» связано с арабским корнем «назм», означающим «нанизывание» (жемчуга), а также мерную, речь.

[14] Из доклада М. Бажана на собрании интеллигенции города Киева 2 апреля 1939 года. «Правда» от 3 апреля 1939 года, № 92 (7777).

[15] Медресе - на мусульманском Востоке высшая школа, типа средневековых университетов. Понятно, что богословие в ней всегда играло важную роль, но все же в средние века она уделяла большое внимание также и светским наукам и еще не была исключительно богословским учебным заведением, каким она стала с XVIII-XIX веков.

[16] Мектеб - начальная школа, обычно бывшая на Востоке школой частной и не подчинявшаяся государственным программам

[17] Шариат-совокупность религиозно-правовых норм ислама.

[18] Факих - законовед, специалист по праву, основанному на шариате.

[19] Табиб -врач.

[20] Именем «Рум» мусульманские писатели называли и Византию и Малую Азию. В данном случае Ибн-Батута называет румскими малоазиатские области

[21] футувва - рыцарство, абстрактное понятие от фата-фитьян.

[22] Соком незрелого винограда пользовались для придания блеска и влажности глазам. Поэт говорит, что его сгихи, как примочку, прикладывали к глазам, а на Востоке это жест, выражающий почтение, уважение-. Следовательно, мысль строки такова: пока стихи мои были зелены и не зрелы, их высоко ценили.

[23] То есть эхо; повидимому. название связано с каким-то преданием.

[24] Как известно по библейскому преданию о Иосифе Прекрасном, братья, продав Иосифа, сказали отцу, что его растерзал волк. Низами хочет сказать, что если его стихи так же прекрасны, как библейский Иосиф, то совершенно очевидно, что ему нужно остерегаться хищных волков.

[25] Цитируемые в этой книге стихотворные переводы из Низами принадлежат: М. Шагинян («Сокровищница тайн»), К. Липскерову («Хосров и Ширин»), П. Антокольскому («Лейли и Меджнун»), В. Державину («Семь красавиц»), Б. Лебедеву, Я. Кейхаузу и С. Шервинскому («Искендер-намэ»). Переводы напечатаны в книге: Низами. Пять поэм. Редакция Е. Э. Бертельса и В. В. Гольцева. Гослитиздат, М., 1946.

[26] ЛЬВЫ - ВИТЯЗИ, ВОИНЫ

[27] Наибы и хаджибы - придворные чины

[28] Коран - священная книга ислама

[29] Симург - легендарная птица, реально в мире не существующая. Раз правосудие укрылось у нее то, следовательно, в этой мире его более не найти.

[30] Небосвод

[31] Тварь - этим словом мы передаем арабское мах-лук а т, означающее все, что сотворено, то есть под это понятие подходят и люди, и животные, и небесные светила, и все, что существует вообще. Это слово лишено в арабском языке всякого оттенка пренебрежения

[32] Разорвать завесу - опозорить, унижить перед всеми. Месяц оттого разрывает завесу, что вскрывает тайные дела, которые могли бы совершиться под покровом ночного мрака.

[33] Манихейство - религия, представлявшая собою соединение элементов зороастризма и христианства

[34] Эфа - вид ядовитой змеи.

[35] То есть она целомудренна и недоступна для тех, кто искал ее любви.

[36] То есть: семь планет, руководящих течением времени, и четыре элемента: земля, вода, воздух, огонь

[37] Намек на известную легенду о том, что султан Махмуд заказал знаменитому Фирдоуси «Шах-намэ», обещая заплатить но золотому за двустишие, но когда дело дошло до расплаты, дал только по серебряной монете за двустишие. Поэт, когда ему привезли деньги, был в бане. Раскрыв мешки с деньгами и увидев серебро, он в гневе один мешок отдал посланцу, один банцику и один продавцу фука (род лимонада), который только что поднес ему кружку своего напитка.

[38] То есть ранее поэтов одаряли парчевыми халатами даже тогда, когда они не очень нравились, а теперь не то что халат, а одну тесьму, которой его по краям обшивают, и притом не шелковую, а шерстяную, тебе и то не подарят

[39] То есть такая песнь, которую нельзя было запеть в пустыне из опасения, что ее кто-то издали сможет услышать, которая не безобидна во всех отношениях Характерно сближение царского пира с пустыней.

[40] Арамеи - древнее население Сирии. Заметим, что это место можно прочесть, как «армянского» происхождения. Может быть, так и стояло в оригинале, и тогда станет понятно, почему вся более поздняя традиция Ближнего Востока называет Ширин армянкой.

[41] Шахзаде - буквально «рожденный шахом, царем», царевич.

[42] Мани - основатель манихейской религии. В мусульманском мире его считали прежде всего величайшим художником, возможно, потому, что манихейские храмы были богато украшены живописью, а их священные книги содержали прекрасные миниатюры.

[43] Шамира - известная Семирамида, с которой связано множество легенд.

[44] То есть умер. Поэма, как мы видели выше, была посвящена главным образом Джихан-Пехлевану. Очевидно, здесь идет речь о его смерти относящейся к 1186 году.

[45] Можно думать, что так Низами называет здесь брата Джахан-Пехлевана Кизил-Арслана

[46] У арабских поэтов был обычай держать при себе искусного декламатора, который читал их стихи, когда это нужно было делать публично. Этот обычай позднее перешел и к поэтам других стран Ближнего Востока

[47] Мелик (араб.) - царь, правитель.

[48] Гуламы - рабы, из которых формировались отряды телохранителей.

[49] Хаджиб - хранитель завесы, отделявшей помещение, где находился сам повелитель, от остальной залы; своего рода церемониймейстер, камергер.

[50] Недим - лицо, назначавшееся специально для того, чтобы быть собеседником правителя за столом, в часы досуга, когда он захочет развлечься разговором

[51] И. Ю. Крачковский. Ранняя история повести о Меджнуне и Лейли в арабской литературе. «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка». 1941, № 2, стр. 7-21.

[52] Меджнун - означает «бесноватый, одержимый».

[53] Нужно иметь в виду, что ворон у арабов - «птица разлуки». Интересно сходство со знаменитым «Вороном» Эдгара По.

[54] То есть старейшины племени Бени-Амир.

[55] Одна из излюбленных тем ближневосточных миниатюристов.

[56] Щеки.

[57] Волосы.

[58] Шапка

[59] «Бахрам и Азадэ». Из Шах-намэ Фердоуси. Гос. Эрмитаж. Л., 1935.

[60] Дирхем - серебряная монета весом в 2,97 грамма

[61] хакал - хан правитель

[62] Туран - под этим названием в то время понимались среднеазиатские степи, населенные тюркскими народами

[63] Фирдоуси не относился к счету с большой строгостью, поэтому три года им не приняты во внимание

[64] Гяз - мера длины, от кончиков пальцев до плеча, то есть приблизительно около аршина, или 70-75 сантиметров.

[65] Палас - грубая шерстяная ткань

[66] Мифический царь древнего Ирана.

[67] Мифический стрелок из лука, благодаря искусству которого иранцы одержали победу над тюрками.

[68] Один из богатырей, упоминаемых в «Шах-намэ».

[69] Величайший из богатырей древнего Ирана.

[70] Цвет сандала - бледно-коричневый

[71] Ибо любой цвет можно окрасить в черный; черную же материю ни в какую другую краску окрасить нельзя

[72] Библейский царь Соломон.

[73] Знаменитая царица Савская, бывшая, по мусульманскому преданию, его женой

[74] Малая Азия.

[75] Дивы - злые духи.

[76] Гуль - демон, губящий заблудившихся в пустыне.

[77] Нечто вроде эстрады, на которой проводят жаркое время дня,

[78] И ф р и т - злой дух, дьявол

[79] Ариман - по представлению доисламского Ирана злое божество, начало всего зла и творец всего, что на земле вредоносно для человека.

[80] Лад - драгоценный камень, рубин.

[81] Я полагаю, что это имя у Низами - новоперсидское осмысление средне персидского Раст-Рашн - действующий прямо, проворно, искренний и прямой. Очевидно, это имя здесь взято в ироническом смысле.

[82] Житель Гура, в горном Афганистане.

[83] Сгорбился стан.

[84] Душа приготовилась покинуть тело

[85] Могильному камню.

86] Кожа посинела, но синий цвет у мусульман - траур.

[[87] Седина; строки навеяны одним из лирических отрывков «Шах-намэ

[88] Камфора служит на Востоке средством для успокоения чрезмерной страстности.

[89] Как ночной сторож подает сигнал колокольчиком, так я своими стихами подаю знак о том, что смертный сон меня еще не охватил.

[90] Опять известная нам игра слов: онагр (гур) - могила (гур).

[91] Своего рода желе.

[92] Особый вид больших хлебных лепешек.

[93] По народным представлениям Востока Земля покоится на рогах коровы, которая, в свою очередь, стоит на гигантской рыбе. Поэт хочет сказать, что самое устройство мира распалось, разладилось.

[94] Теократия - обожествление носителей власти.

[95] Это искажение греческого имени Филиппос обычно для многих восточных авторов. Оно объясняется тем, что в арабском шрифте была поставлена лишняя точка, превратившая «ф» (у арабов заменявшее «и») в «к».

[96] Прикусить палец зубами - жест, выражающий изумление, сильное волнение.

[97] Имеется в виду, вероятно, Фирдоуси

[98] По древнегреческой легенде Гигес обладал кольцом, делавшим его невидимым.

[99] При отправлении каравана его участников собирали различными сигналами: звоном колоколов, барабанным боем

[100] То есть: вам, друзья, останется мир, а мне рай.

[101] То еъ так, словно никогда и не жил на свете